

2023. Т. 14. № 3

**Учредитель
и издатель:**
Московский
педагогический
государственный
университет

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Политические науки

- 5.4.5. Политическая социология
- 5.5.1. История и теория политики
- 5.5.2. Политические институты, процессы,
технологии
- 5.5.3. Государственное управление
и отраслевые политики
- 5.5.4. Международные отношения

Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – **85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2023. Vol. 14. No. 3

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia, Verh-
nyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Мытищи Московской обл.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Мытищи Московской обл.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, г. Москва; доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Head at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Chief Researcher at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; project manager, Expert Institute of Social Research, Moscow; Associate Professor at the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head at the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science of the Institute of History and Philology, State University of Education, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science of the Institute of History and Philology, State University of Education, Russian Federation

Содержание

DIES ANNIVERSARII

Ивану Георгиевичу Жирякову – 75 лет 11

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

А.А. Никитин

«...Нельзя не прийти к... заключению,
что дальнейшее пребывание господина Опацкого
в университете совершенно бесполезно...»:
эпизоды биографии латиниста С.Ф. Опацкого 14

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Т.В. Царёва

Социальная деятельность
Русской православной церкви в 1914–1915 гг.
(на примере Нижегородской епархии) 31

А.М. Новоторцева, Ю.Д. Новикова

Роль Русской православной церкви
в сохранении традиций религиозного образования
в начале XX в. (в преддверии созыва
Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг.) 45

Е.В. Бодрова, В.В. Калинов, В.Н. Красивская

Государственная политика
в нефтегазовом секторе СССР в 1950–1970-е гг.:
достижения и просчеты 57

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

О.С. Силина

Королевские пожалования английским миноритам XIII в. 73

А.А. Митрофанов

Народное сопротивление в Пьемонте:
первое восстание цокколи в долине Аосты
(май 1799 г.) 86

О.В. Тихонович

Полонизация Западной Белоруссии
с помощью Корпуса Охраны Пограничья
в первой половине 1920-х гг. 103

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

Д.Д. Сушков

Фашизм и Сопротивление в Италии
в интерпретации Коммунистической партии
и Христианской демократической партии
(1943–1948 гг.) 117

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО:
ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ, УПРАВЛЕНИЕ*С.Ю. Рафалюк*

Коллективная историческая память
о Первой мировой войне в России и Беларуси
в контексте коммеморативных практик XXI в. 133

ДОКУМЕНТ С КОММЕНТАРИЕМ

А.Е. Фоминых

Оценки целевой аудитории
американской публичной дипломатии в СССР
в документах Информационного агентства США
(1972–1973 гг.) 147

Contents

DIES ANNIVERSARII

Ivan Zhiryakov is 75 years old! 11

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY, METHODOLOGY OF HISTORY

A.A. Nikitin

“...It is impossible not to come to... the conclusion that Opacki’s further stay at the university is completely useless...”: Episodes of the biography of the latinist S. Opacki 14

RUSSIAN HISTORY

T.V. Tsareva

Social activity of the Russian Orthodox Church in 1914–1915 (case study of the Nizhni Novgorod Eparchy) 31

A.M. Novotortseva, Yu.D. Novikova

The role of the Russian Orthodox Church in preserving the traditions of religious education at the beginning of the XX century (on the eve of the convocation of the All-Russian Local Council of 1917–1918) 45

E.V. Bodrova, V.V. Kalinov, V.N. Krasivskaya

State policy in the oil and gas sector of the USSR in the 1950–1970s: Achievements and miscalculations 57

GENERAL HISTORY

O.S. Silina

The royal grants to the English Minorites in the 13th century 73

A.A. Mitrofanov

Popular resistance in Piedmont: The first revolt of the Zoccoli in the Aosta Valley (May 1799) 86

O.V. Tikhonovich

Polonization of Western Belarus with the help of the Border Protection Corps in the first half of the 1920’s 103

THEORY AND HISTORY OF POLITICS

D.D. Sushkov

Fascism and Resistance in Italy
in the interpretation of the Communist Party
and the Cristian Democratic Party
(1943–1948). 117

STATE AND SOCIETY:

PROCESSES, TECHNOLOGIES, MANAGEMENT

S.Yu. Rafalyuk

Collective historical memory of the First World War
in Russia and Belarus in the context
of commemorative practices of the XXI century. 133

SOURCE WITH COMMENT

A.E. Fominykh

Estimates of the Target Audience
of American Public Diplomacy
in the USSR in the Documents
of the US Information Agency (1972–1973). 147

Ивану Георгиевичу Жирякову – 75 лет

26 июля 2023 г. исполнилось 75 лет заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, доктору исторических наук, профессору, профессору кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Государственного университета просвещения, основателю и первому главному редактору нашего журнала, а ныне – члену редколлегии Ивану Георгиевичу Жирякову.

В официальных поздравлениях по этому поводу принято обычно описывать жизненный путь юбиляра¹. Но мы в данном случае поступили по-другому. В преддверии юбилея нам удалось поговорить с теми, кто долгое время работал вместе с Иваном Георгиевичем, особенно в Московском государственном гуманитарном университете им. М.А. Шолохова (МГГУ им. М.А. Шолохова²), и вот какой был создан коллективными усилиями образ человека, ученого, преподавателя и организатора учебной и научной деятельности.

Как ученый Иван Георгиевич вот уже много лет остается верен своей научной специальности – австроведению. После успешных защит в 1976 и 1987 гг. кандидатской («Австро-советские отношения после заключения Государственного договора (1955–1975 гг.)») и докторской («Австрийско-советские отношения и проблема безопасности и сотрудничества в Европе, 1945–1986 гг.») диссертаций он продолжил изучение различных аспектов истории Второй Австрийской Республики. Постепенно, в новом историческом периоде развития России, тематика его исследований значительно расширилась. Он занялся (в рамках применения историко-политологической и историко-правовой методик) исследованием партийных систем, роли и места политических партий в формировании высших институтов государственной власти и их деятельности в странах Центральной и Восточной Европы в контексте

¹ См. поздравление в связи с 70-летием: К юбилею И.Г. Жирякова // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 3. С. 11–14.

² В 2015 г. объединен с Московским педагогическим государственным университетом.

«посткоммунистической» трансформации, «бархатных революций» начала 1990-х гг. в этих странах, роли Австрии в европейской экономической интеграции в контексте отношений Запад – Восток, истории создания и функционирования Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), извилистому пути Австрии в Европейский Союз, традиций и перспектив развития австроведческой новистики в России. Его суммарный индекс Хирша в системе РИНЦ (как бы к этому не относились отечественные историки) – 14(!)³ и это тоже много говорит о сохраняющейся творческой активности ученого.

Те люди, которым посчастливилось писать тексты своих диссертаций и научных работ под руководством или совместно с Иваном Георгиевичем, вспоминают о том, что это всегда была трудно, но интересно. Один из молодых коллег вспомнил, как на завершающем периоде подготовки к защите его докторской диссертации возникла непростая ситуация с большим количеством замечаний одного из оппонентов. У молодого ученого появилось даже желание отказаться от защиты. Иван Георгиевич строго напомнил: «История – наука субъективная, у Вас своя точка зрения, у оппонента – своя. Садитесь рядом со мной и пишите ответы на его замечания. Много замечаний – много дополнительных аргументов в Вашу пользу. Так защита будет интереснее». Напоминание оказалось уместным, и защита диссертации прошла успешно. Мы уверены, что таких спасительных уроков на будущее было еще немало в разных ситуациях.

В любом человеке всегда ценно сочетание разных качеств. Те, кому посчастливилось работать с Иваном Георгиевичем, вспоминают, прежде всего, его жизнелюбие, оптимизм, умение в трудную минуту поддержать и подбодрить коллег. Главное в его деятельности – это умение собрать такой коллектив, который был способен решать самые разные задачи, встававшие перед российской системой образования в период ее лихорадочного реформирования в 1990–2000-е гг. Благодаря Ивану Георгиевичу на историческом факультете МГГУ им. М.А. Шолохова, деканом (и заведующим кафедрой всеобщей истории) которого он был с 1992 по 2015 гг., существовала дружеская рабочая и творческая атмосфера. Повторим слова профессора Татьяны Викторовны Антоновой⁴.

³ Жиряков Иван Георгиевич // Научная электронная библиотека E.library.ru. URL: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=832114&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0 (дата обращения: 26.07.2023). На странице автора учтены 62 публикации, общее количество цитирований – 373.

⁴ Профессор Т.В. Антонова скончалась 15 августа 2022 г. См.: Памяти Татьяны Викторовны Антоновой (1945–2022) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы, 2022. Т. 13. № 4. С. 163–165.

Она часто говорила ему при всех: «Вам, Иван Георгиевич, удается невозможное, то, что почти никогда не получалось в России. Вы соединяете либерализм и жесткий стиль управления в интересах коллектива». Давно уже не существует МГГУ им. М.А. Шолохова, но память о том времени, когда разным людям удавалось трудиться совместно и общаться на равных, когда студенты чувствовали, что они получают образование, которое может сделать их успешными и счастливыми, когда молодые ученые совершенствовались под руководством представителей классических исторических школ, не может исчезнуть. Она дает нам основание для того, чтобы жить и трудиться сегодня.

Бывшие студенты Ивана Георгиевича вспоминают о том, что он, несмотря на его административную занятость, был великолепным преподавателем, удивительным лектором, красноречивым оратором, занятия которого запомнились широким взглядом на проблематику Новой истории стран Европы и Америки, Африки и Азии. Он приучал к проблемности, к системности и широте взглядов. Если студенты хотели встретиться с Иваном Георгиевичем за пределами университета, они ехали в Историческую библиотеку, где он был завсегдатаем, и могли там с ним пообщаться в неформальной обстановке.

Хлебосольный, радушный хозяин, любитель пения и дружеского общения, понимающий руководитель, который умел отпустить сотрудника в библиотеку или архив, когда тому надо было собирать материал для собственного труда, – вот далеко не полный перечень характеристик Ивана Георгиевича Жирякова. Он сам уважительно сохраняет память о своих учителях, которые дали ему возможность стать известным ученым.

Ну а то, что Ивана Георгиевича помнит и уважает большое количество тех, с кем его сталкивала жизнь, доказывает невозможность дозвониться юбиляру в день рождения.

Друзья, коллеги и ученики Ивана Георгиевича Жирякова поздравляют его со славным юбилеем и желают ему крепкого здоровья и творческого долголетия!

Редколлегия журнала «Локус»

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-14-30

УДК 378.4+929

А.А. Никитин

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008 г. Казань, Российская Федерация;

Национальный музей Республики Татарстан,
420011 г. Казань, Российская Федерация

«...Нельзя не прийти к... заключению, что дальнейшее пребывание господина Опацкого в университете совершенно бесполезно...»: эпизоды биографии латиниста С.Ф. Опацкого

Исследование представляет попытку реконструкции казанского этапа научной и педагогической деятельности латиниста Станислава Флориановича Опацкого (1847–?) в контексте изучения институциональной истории дореволюционного антиковедения в Казани. В процессе работы над реконструкцией «стиля жизни» профессора Опацкого был изучен корпус неопубликованных архивных документов, в настоящее время хранящихся в фонде Императорского Казанского университета (Ф. 977) Государственного архива Республики Татарстан. С целью осмысления научной биографии ученого был применен проблемно-хронологический метод, обеспечивший формирование точной картины пребывания С.Ф. Опацкого в Казани в 1885–1900 гг. Анализ отобранных архивных дел позволил

© Никитин А.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

узнать о таких малоизвестных аспектах жизни ученого, как взаимоотношения с коллегами по факультету, студенчеством и университетскими служащими, их характер и влияние на жизнь латиниста и профессорской корпорации. Особое внимание уделяется коммуникации Опацкого с деканом Д.Ф. Беляевым и коллегой по кафедре Д.И. Нагуевским. Источники пролили свет на оценку научных и педагогических компетенций ученого современниками, обстоятельства назначения исследователя исполняющим должность экстраординарного профессора в 1890 г. В ходе работы была установлена история отставки ученого из университета в 1889 и 1900 гг. В результате удалось прийти к объяснению непростых взаимоотношений Опацкого с казанскими коллегами, выявить причины конфликтов и классифицировать их, определить значение пребывания Опацкого на факультете для развития античной филологии в Казани в 1890–1900 гг.

Ключевые слова: Станислав Флорианович Опацкий, Дарий Ильич Нагуевский, Дмитрий Фёдорич Беляев, Аполлон Иванович Смирнов, Александр Семёнович Архангельский, историко-филологический факультет Императорского Казанского университета, история научных институтов, казанское антиковедение, Государственный архив Республики Татарстан

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никитин А.А. «...Нельзя не прийти к... заключению, что дальнейшее пребывание господина Опацкого в университете совершенно бесполезно...»: эпизоды биографии латиниста С.Ф. Опацкого // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 14–30. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-14-30

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-14-30

A.A. Nikitin

Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, 420008, Russian Federation;

National Museum of the Republic of Tatarstan,
Kazan, 420011, Russian Federation

“...It is impossible not to come to... the conclusion that Opacki’s further stay at the university is completely useless...”: Episodes of the biography of the latinist S. Opacki

The study is an attempt to reconstruct the Kazan stage of the scientific and pedagogical activity of the latinist Stanislaw Opacki (1847–?) in the context of studying the institutional history of pre-revolutionary antiquity in Kazan. In the process of working on the reconstruction of professor Opacki’s “lifestyle”, a corpus of unpublished archival documents was studied, currently stored in the fund of the Imperial Kazan University (Fund 977) of the State Archive of the Republic of Tatarstan. In order to comprehend the scientific biography of the scientist, a problem-chronological method was applied, which ensured the formation of an accurate picture of S. Opacki’s life in Kazan in 1885–1900. The analysis of the selected archival files made it possible to learn about such little-known aspects of the scientist’s life as relationships with colleagues at the faculty, students and university employees, their nature and influence on the life of a Latin scholar and a professorial corporation. Special attention is paid to the communication of Opacki with Dean Dmitry Belyaev and Dariusz Nagujewski, his colleague at the department. The sources shed light on the assessment of the scientist’s scientific and pedagogical competencies by contemporaries, the circumstances of the appointment of the researcher to the post of extraordinary professor in 1890. In the course of the work, the history of the scientist’s resignation from the university in 1889 and 1900 was established. As a result, it was possible to find an explanation of the difficult relationship between Opacki and his Kazan colleagues, to identify the causes of conflicts and classify them, to determine

the significance of Opacki's stay at the faculty for the development of ancient philology in Kazan in 1890–1900.

Key words: Stanislaw Opacki, Dmitry F. Belyaev, Apollon I. Smirnov, Dariusz Nagujewski, Alexander S. Arkhangelsky, Faculty of History and Philology of the Imperial Kazan University, history of scientific institutes, Kazan ancient studies, State Archive of the Republic of Tatarstan

FOR CITATION: Nikitin A.A. "...It is impossible not to come to... the conclusion that Opacki's further stay at the university is completely useless...": Episodes of the biography of the latinist S. Opacki. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 14–30. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-14-30

История кафедр римской и греческой словесности Императорского Казанского университета, равно как и история преподавательской деятельности казанских антиковедов, к настоящему времени разработаны лишь частично. Приходится признать, что за пределами внимания отечественных историографов остаются биографии и научное наследие таких личностей, как А.О. Угянский, Д.И. Нагуевский, П.П. Гвоздев, С.К. Кузнецов. Изучение биографий ученых наряду с исследованием научного наследия, административной деятельности и учебного процесса необходимо для установления характера университетских отношений [2, с. 10].

Однако комплексной истории казанского дореволюционного антиковедения к настоящему моменту так и не написано. А между тем, в XIX–XX вв. кафедры греческой и римской словесности Императорского Казанского университета прошли сложный путь, ознаменовавшийся яркой деятельностью таких исследователей, как Д.Ф. Беляев, Ф.Г. Мищенко, Д.И. Нагуевский.

В этом плане внимания заслуживает персона Станислава Флориановича Опацкого (1847–?) [4, с. 143]. Выпускник Новороссийского университета, проработавший в нескольких гимназиях империи, С.Ф. Опацкий в 1885 г. оказался в Казани, приехав в университет для усиления преподавания латинского языка. В целях раскрытия атмосферы учебного заведения того периода необходимо описать ситуацию на кафедре римской словесности в 1870–1880-х гг. После смерти эллиниста Андрея Угянского в 1870 г., замещавшего кафедру несколько лет подряд, возникла необходимость в штатном преподавателе. Но никто из российских латинистов не изъявлял желания переехать в Казань. Поэтому в 1870–1883 гг. занятия по латинскому языку и римским древностям проводили П.П. Гвоздев и Д.Ф. Беляев, пока ее наконец не занял

выпускник Новороссийского университета Дарий Ильич Нагуевский, к тому времени сложившийся специалист по латинской литературе. Тем не менее учебная нагрузка, разделявшаяся между Нагуевским и Гвоздевым на протяжении двух лет, с увольнением последнего в 1885 г., оказалась не под силу Дарию Ильичу, поэтому возник вопрос о дополнительном педагоге. Министр Просвещения, видевший бедственное положение дел, лично назначил на кафедру доцента Опацкого 13 января 1885 г.¹ Так начался казанский период научной деятельности Станислава Флориановича Опацкого (1885–1900)².

Основной массив документов, связанных с именем Опацкого, в настоящее время хранится в Государственном архиве Республики Татарстан. Всего нами было выявлено 13 дел, датируемых 1885–1900 гг. и хранящихся в фонде Императорского Казанского университета (Ф. 977) в описях «Историко-филологический факультет» (Оп. 12) и «Совет» (Оп. 4). Это официальные документы, связанные с назначением ученого в университет, его формулярный список, дела, касающиеся повышения до и.о. экстраординарного профессора, документы, связанные с процессом отставки. Среди выявленных и рассмотренных источников, наверное, самое ценное для реконструкции казанского этапа жизни и научной деятельности ученого – большое архивное дело, посвященное взаимоотношениям Опацкого с деканом и членами факультета³. Материалы представляют собой подшивку из 12 документов, созданных с 21 августа 1895 г. по 30 января 1900 г.

Начало делу было положено докладной запиской С.Ф. Опацкого на имя ректора университета от 21 августа 1895 г. В ней проситель печаловался о дурном обращении с ним членов факультета и просил при составлении расписания учитывать его личное мнение⁴. Из документа видно, что положение латиниста на факультете было настолько скверным, что каждая встреча с деканом Д.Ф. Беляевым была чревата для С.Ф. Опацкого неприятностями, подрывающими здоровье и настроение, лишая возможности полноценно работать⁵. Вследствие перманентных эксцессов, а также слабого здоровья Опацкий в 1893–1895 гг. почти не посещал заседаний историко-филологического факультета,

¹ Документы о назначении приват-доцента Луньяка, приват-доцента Опацкого в университет на кафедру классической филологии // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 7472. Л. 2.

² Там же. Л. 5–16 об.

³ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Д. 9339. 56 л.

⁴ Там же. Л. 1 об.

⁵ Там же. Л. 1.

а если и присутствовал на них, то «всегда уходил расстроенным»⁶. Как отмечал сам Опацкий, он не раз просил декана пересмотреть свое отношение к нему, грозясь игнорировать заседания факультета, «но это было безуспешно»⁷.

Последней каплей терпения слабого здоровьем профессора был инцидент с составлением расписания на 1895–1896 академический год. Несмотря на предосторожности Опацкого, лично говорившего с деканом о составлении расписаний, ситуация вышла из-под контроля. Придя в университет 19 августа читать лекцию по «Анналам» Тацита, латинист не застал в аудитории студентов; через помощника инспектора выяснилось, что студенты в то время присутствовали на лекции профессора славянской филологии Е.Ф. Будде. Потрясенный ученый поехал на дом к декану с целью прояснить ситуацию, но, с его слов, декан «раскричался на меня, что я постоянно пристаю к нему с упреками!»⁸. После этого педагог откланялся, заявив, что декан не имеет права повышать на него голос при университетской прислуге. На что Беляев парировал: Опацкого «ничем напугать нельзя!»⁹.

Неизвестно, как пошел бы дальше этот процесс, если бы через неполных 2 месяца Станислав Флорианович не подал ректору вторую, обширную записку, в которой детально, со множеством конкретных примеров рассказал о своей нелегкой доле в университете. При этом проситель ограничивался упоминанием исключительно того, в чем «выражались только служебные отношения», оставляя в стороне «все то, что носит характер частных... отношений»¹⁰. Как утверждал Опацкий, неприятности он испытывал с самого назначения в университет в 1885 г. Уже первая встреча с деканом была предвестником неблагоприятного развития ситуации: «Помню, что когда я представлялся г. Декану в Университете (в феврале 1885 г.) то он принял меня выговором: зачем я приехал теперь? Мне следовало приезжать уже после каникул (?) – точно я приехал к нему в гости, по собственному побуждению, в неудобное для него время»¹¹. Отношения с деканом на протяжении почти 10 лет все сильнее и сильнее обострялись, нередко сопровождаясь обоюдным всплеском эмоций, как например в том же 1885 г., когда ученого, по его словам,

⁶ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 3 об.

приехавшего по делу на дом к декану, тот встретил при горничной криком «Что вам угодно? Чего вы приходите ко мне?», «каким встречают забравшегося в дом вора»¹².

Неприязнь декана к латинисту выходила за границы личных отношений, затрагивая сферу университетской службы. Из рассматриваемой записки можно предположить, что Дмитрий Фёдорович почти презирал своего коллегу, не ставил его ни во что, не признавал за ним каких-либо прав. Например, когда Опацкий обращался к декану по делу, то ему приходилось «долго выжидать, стоя, покуда он (декан. – А.Н.) допускал меня до слова, и частью, оборвав на первом слове, поворачивался и уходил, не давая мне возможности объясниться»¹³. Во время факультетских заседаний Опацкому «не раз становилось жутко»¹⁴. Из-за этого он два раза подавал прошение об увольнении. В первый раз – 30 сентября 1889 г. «вследствие вновь ухудшившегося состояния глаз»¹⁵, но затем попросил прекратить дело¹⁶. Во второй раз – 31 января 1890 г. из-за постоянства болезни. Но и на этот раз уволен не был¹⁷.

В 1890 г. С.Ф. Опацкий был произведен в исполняющие обязанности экстраординарного профессора по кафедре римской словесности, что, по его убеждению, обострило взаимоотношения с коллегами¹⁸. «Нередко г. Декан отвечает мне шутками и глумлением»¹⁹. Из-за этого во время факультетских заседаний Опацкий сидел и молчал, не имея возможности высказать свое мнение по вопросам²⁰. Члены факультета любили устраивать «нападки на мои выражения, нападки, поставляющие своей целью доказать, что я плохо пишу по-русски», глумились²¹ и учили Опацкого грамматике и стилистике, несмотря на то что сами они, по убеждению несчастного, допускали ошибки в процессе делопроизводства²².

---

¹² Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 3 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 9, 14.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 5 об.

²⁰ Там же. Л. 6–6 об.

²¹ Там же. Л. 7–7 об.

²² Там же. Л. 5 об. – 6.

Частным случаем проявления негативного отношения к Опацкому могут служить многочисленные скандалы, произошедшие за эти годы на факультетских экзаменах. Латинист утверждал, что «Декан обращался к прочим экзаменаторам вежливо, ко мне же не обращался вовсе или обращался пренебрежительно, а не раз и не давал мне допросить студента»²³. К этому добавлялся антагонизм коллеги Опацкого – ординарного профессора Дария Нагуевского, который во время экзаменов вмешивался в речь Опацкого, часто не позволяя обстоятельно опросить студента²⁴, заводя, по мнению последнего, бессосновательные споры. Антагонизм Опацкого и Нагуевского проходит красной нитью через все записки Станислава Флориановича, демонстрируя непримиримость двух ученых практически по всем возможным вопросам. Центральной идеей, высказываемой Опацким, являлось то, что Нагуевский присвоил себе большинство курсов по латинской словесности и древностям, полностью поддерживаемый в этом вопросе деканом и факультетом²⁵.

Вследствие такого стечения обстоятельств, на факультете между Опацким и студентами возникали недоразумения, выражавшиеся, прежде всего в жалобах на преподавателя «...из-за опасения “строгости”»²⁶. После таких жалоб декан являлся на лекции Опацкого и таким образом, по мнению преподавателя, ронял его авторитет в глазах студентов, «в результате получались новые недоразумения», при этом поводов к ним со стороны латиниста «не бывало»²⁷. Неуважительное отношение к педагогу проявлялось в том, что студенты, сначала филологи, затем и студенты с других направлений, не кланялись при встрече, а некоторые, как братья Фирсовы, доходили до откровенных издевательств над своим преподавателем, «строая гримасы»²⁸ и присылая ему анонимные письма «неприятного содержания»²⁹. Из-за этого университетские служащие стали выказывать свое презрение Опацкому³⁰.

Возможно, мы бы увидели в этом процессе всестороннее варварское притеснение профессора Опацкого, если бы не имели в своем доступе документов Беляева и Нагуевского. Именно эти источники корректируют представление о сущности дела.

²³ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 4.

²⁴ Там же. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 9 об.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ Там же. Л. 4 об.

²⁸ Там же. Л. 5.

²⁹ Там же. Л. 9.

³⁰ Там же. Л. 8–9.

Некогда профессор Беляев подготовил две обширные записки на имя ректора университета. В первой записке он детально характеризует моральную сущность своего коллеги в емких фразах: «Г. Опацкий, по-видимому, всегда отличался неустойчивым, раздражительным характером и поэтому в течение своей непродолжительной службы несколько раз переменял место служения... Свои качества он скоро проявил и здесь, но его неустойчивость и обидчивость не проявлялись слишком часто и резко, пока он был приват-доцентом. Назначенный и.д. э.о. профессора... г. Опацкий перестал жаловаться на болезнь глаз, но зато стал решительнее и в более резкой форме проявлять свою обидчивость и раздражительность, усматривая в самых обычных словах и действиях, в несогласии с ним и возражениях ему личные обиды, умаление его прав и значений, даже преследование и притеснение... Проявленные в этих случаях вспышки раздражительности были до того резки и неожиданны, что их можно было объяснить только болезненным состоянием г. Опацкого...»³¹. «Вообще г. Опацкий склонен видеть обиду там, где никому и в голову не приходило усмотреть что-нибудь подобное, но г. Опацкий видит в таких случаях не только обиду, но и намеренное оскорбление и унижение своего достоинства»³². Из этого пассажа можно заключать, что Опацкий сам в немалой степени был виновником неприятностей, случившихся с ним, будучи человеком со специфическим нравом.

Ключ к разгадке дают сведения, сообщаемые двумя людьми, знакомыми с Опацким, – попечителем Казанского учебного округа Н.Г. Потаповым и университетским медиком Л. Даршкевичем. Из разговоров с попечителем Н.Г. Потаповым Беляев тогда узнал, что Опацкий «человек крайне <нрзб>, обидчивый и раздражительный»³³. После этого Беляев старательно избегал контактов с Опацким, имев с ним за два года только 2–3 прямых встречи, причем по инициативе Опацкого, который начинал говорить «не поздоровавшись и делал какие-нибудь реприманды, на которые я обыкновенно не отвечал, чтобы не раздражать его»³⁴.

Решающими в этом деле стали показания университетского медика Даршкевича, констатировавшего, что Опацкий страдает «наследственной

³¹ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 13–13 об.

³² Там же. Л. 15.

³³ Там же. Л. 14.

³⁴ Там же.

неврастенией», при этом и сам Опацкий сам себя называет неврастеником с совершенно расстроенным здоровьем³⁵.

Как считал Беляев, жаловаться на таких неврастеников было бесполезно: «они имеют, так сказать, патент на невменяемость»³⁶. Как же декан намерен поступать с таким человеком? «...Если бы он был здоров, можно было бы ему заявить: “поступай с другими так, как хочешь, чтобы с тобой поступали”», но г. Опацкий – «человек больной, как он и сам заявляет и поэтому давать ему подобные советы едва ли возможно»³⁷. А пока Беляев и другие члены факультета ждали, пока болезнь Опацкого не дойдет до такой стадии, что это станет очевидно не только его лечащему врачу, но и врачебному губернскому правлению. Иными словами, члены факультета ожидали разрешения ситуации самой по себе. Но исполнение требования ректора, чтобы члены факультета общались с Опацким гуманнее, по мнению декана, было невозможным, ведь «факультет не больница, а члены факультета не больничные служащие и не крепостные г. Опацкого, обязанные беспрекословно и покорно исполнять его капризы и смиренно переносить его выговоры и порицания»³⁸.

Во второй записке на имя ректора Беляев также доказывал скверный характер своего коллеги, приводя серию конкретных примеров. «Где же эти глумления, оскорбления, издевательства и т.п. проступки и преследования?»³⁹, – недоумевал он. «Докладная записка г. Опацкого доказывает очень ясно, что автор ее очень озлоблен и совершенно невменяем»⁴⁰.

У Опацкого действительно с самого начала появились недоброежелатели на факультете как у ученого, назначенного министерством⁴¹. В чем же была причина заочного нерасположения к латинисту? Введение нового университетского устава 1884 г. усилило академическую мобильность [1, с. 88], став источником противоречий между свободлюбивой университетской корпорацией и бюрократией [5, с. 97]. Попасть на факультет можно было двумя способами: пройти конкурс или быть назначенным сверху, решением министра просвещения.

³⁵ Документы о взаимоотношениях и д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 17.

³⁶ Там же. Л. 17 об.

³⁷ Там же. Л. 18.

³⁸ Там же. Л. 18 об.

³⁹ Там же. Л. 20 об.

⁴⁰ Там же. Л. 23.

⁴¹ Там же. Л. 19 об.

Профессура выступала против второго способа, стремясь сохранить в своих руках контроль над рекрутированием профессорской корпорации [З, с. 75], по этой причине к назначаемым ученым большинство членов факультета относилось с предубеждением. Беляев, защищая своих коллег от обвинений, объяснял: «В нашем факультете, напротив, очень ласково встречали и принимали в свою сферу тех назначенных профессоров и приват-доцентов, которые не имели в самих себе отталкивающих качеств и вели себя по-товарищески»⁴². Иными словами, у Опацкого был шанс зарекомендовать себя на новом месте службы с самого момента назначения, но в его случае этого не произошло.

Примером крупной уступки Опацкому служит его назначение исполняющим обязанности экстраординарного профессора 5 мая 1890 г.⁴³, которое было сделано для того, чтобы латинист получал полную пенсию по выходу в отставку по состоянию здоровья, причем «со слезами на глазах униженно просил об этом... попечителя Масленникова и меня (Беляева. – А.Н.) и уверял, что подаст в отставку, как только будет сделан экстраординарным профессором, но потом этого обещания не исполнил и обижался, когда его по обыкновению, при встрече, спрашивали о здоровье»⁴⁴. «Но, сделавшись и.д. э.о. профессора, г. Опацкий запел другую песню и стал действовать наступательно, вероятно, благодаря быстрому развитию и усилению констатированной у него наследственной неврастении...»⁴⁵. В характеристике Опацкого на имя ректора Беляев рисовал своего коллегу весьма комплементарно: «исполнял возложенные на него обязанности со знанием дела и образцовым усердием, и аккуратностью»⁴⁶.

Причиной неустойчивого поведения Опацкого, по мнению декана, была прогрессирующая болезнь. Согласно показанию врача Л. Даршкевича, «нервное расстройство г. Опацкого соединяется с чрезмерной нервной возбудимостью и притом в такой степени, что г. Опацкий

⁴² Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 25 об.

⁴³ О назначении приват-доцента Опацкого и.д. экстраординарного профессора // Там же. Д. 1508. Л. 3; Переписка с учебным округом о назначении приват-доцента Опацкого С.Ф. – экстраординарным профессором по кафедре классической филологии // Там же. Д. 8343. Л. 1.

⁴⁴ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Д. 9339. Л. 24 об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ О назначении приват-доцента Опацкого и.д. экстраординарного профессора // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 12 (Историко-филологический факультет). Д. 1508. Л. 1.

признает себя неспособным к службе»⁴⁷. Некоторые коллеги Беляева даже полагали, что Опацкий притворялся невменяемым, чтобы получить увольнение от службы, но «докторское свидетельство и его докладная записка показывают, что мы имеем дело с человеком совершенно ненормальным, которому все представляется в извращенном виде»⁴⁸. «К сожалению, болезнь г. Опацкого дошла до такой степени развития и приняла такое направление, что он становится не только неприятным, но и опасным, тем более что говорят, что он постоянно носит при себе револьвер», поэтому Беляев считал ненужным далее разбирать дело человека, который ничего лучше не умеет, как «вести свой вымышленный мартиролог»⁴⁹. Болезнь Опацкого обострялась, и от него стали ожидать еще худших инцидентов, чем выговоры и жалобы, если не принять каких-нибудь мер против этого⁵⁰.

Обе записки декана оказали решающее влияние на дальнейший ход дела. Из характеристики процесса на имя ректора становится очевидно, что «фактическая сторона в изложении г. Опацкого не всегда верна»⁵¹, необходимо подвергнуть Опацкого осмотру медиков и психиатров⁵². На этом первый этап следствия заканчивается, его итоги неизвестны, но можно предположить, что ответ Беляева на время сдержал выходки Опацкого.

Новый виток дела произошел спустя 3 года, в ноябре 1898 г. Особенностью данного этапа стала концентрация критики Опацкого на своем непримиримом сопернике Дарии Нагуевском. Критика сводилась по большей части к несправедливому разделению учебных полномочий между Опацким и Нагуевским. По мнению Опацкого, это проявлялось в том, что Нагуевского поддерживают декан и факультет, вносившие сумятицу в расписание Опацкого и личная антипатия Нагуевского: «оборвать меня на первом слове, в то время как ему и другим никто не мешает говорить сколько и когда угодно, даже повторяя уже сказанное и многократно начиная речь по одному и тому же вопросу»⁵³.

⁴⁷ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 21 об.

⁴⁸ Там же. Л. 23 об.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Л. 26 об.

⁵¹ Там же. Л. 27–27 об.

⁵² Там же. Л. 27 об.

⁵³ Там же. Л. 28.

На этот раз отвечать на обвинение вместо ушедшего в отставку по болезни Беляева пришлось самому Нагуевскому. Две его записки на имя ректора обрисовывают компетенции своего младшего коллеги, который страдает «крайней неуживчивостью и самомнением...»⁵⁴. Очевидно, что раздор между ними начался в 1886 г., когда Опацкий подал диссертацию «О так называемом *perfectum logicum*»⁵⁵. Нагуевский, исследовав сочинение, пришел к заключению, что работа «эта лишена совершенно научного достоинства и не отвечает требованиям, предъявляемым для получения высшей ученой степени»⁵⁶. Нагуевский высказал свое суждение официально⁵⁷. Подобного мнения ранее придерживался и Беляев, считавший главной причиной неприязни Опацкого к членам факультета непризнание его докторской диссертации⁵⁸. За эти годы Опацкий «не только не пытался защитить диссертацию... не напечатал ни одного труда, ни одной статьи по своей специальности. <...> Вся ученая деятельность его за это время ограничилась только перепечаткой школьного издания краткого латинского синтаксиса и статей для 5 класса гимназии, изданных единственно в целях материальной выгоды»⁵⁹.

Характеризуя педагогическую деятельность своего коллеги, Нагуевский иронизировал: «Оставшись служить, он столь же мало заботился о научном развитии и усовершенствовании своих чтений и практических занятий в должности и.о. э.о. профессора, как и в должности приват-доцента»⁶⁰. Все чтения Опацкого в университете ограничивались школьными авторами: Овидий, Ливий, Гораций. Общие курсы он вообще не читал. «Курсы метрики и просодии вел до того неудачно, что слушавшие этот курс сбивались в чтении гекзаметра...»⁶¹. Да и Беляев приводил, но вкратце, схожее суждение: «Да и трудно допустить, чтобы г. Опацкий смог заинтересовать слушателей: дальше школьной латин-

⁵⁴ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 44 об.

⁵⁵ Прошение приват-доцента Опацкого о рассмотрении диссертации для получения степени доктора и о допущении к диспуту // Там же. Д. 7538. Л. 2.

⁵⁶ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Д. 9339. Л. 41–41 об.

⁵⁷ Разбор сочинения приват-доцента Опацкого «О так называемом», представленного на соискание степени доктора классической филологии // Там же. Оп. 12 (Историко-филологический факультет). Д. 1318. Л. 2, 3–35.

⁵⁸ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 25.

⁵⁹ Там же. Л. 41.

⁶⁰ Там же. Л. 42.

⁶¹ Там же.

ской грамматики он не пошел и не может пойти в своих занятиях. Ученым филологом его никто не считает из людей компетентных и назначен он, сколько я знаю, приват-доцентом не ради учености, а ради латинской грамматики, когда требовались усиленные занятия ею»⁶². Вердикт: Опацкий не является компетентным специалистом в области римской словесности. Вердикт Нагуевского гораздо строже: «нельзя не прийти к... заключению, что дальнейшее пребывание г. Опацкого в университете совершенно бесполезно...»⁶³.

Это не прошло даром Дарию Ильичу. Через месяц ему пришлось готовить вторую записку, очевидно, в ответ на усилившиеся нападки со стороны коллеги: «оградить меня от дальнейших претензий и инсинуаций г. Опацкого, пренебрегавшего всегда как научными интересами, так и корректным образом действий добропорядочного члена университетской коллегии»⁶⁴. В свое оправдание Нагуевский заявлял, что «никогда не препятствовал Опацкому читать историю литературы и древности...»⁶⁵.

За своего коллегу вступился новый декан факультета профессор А.И. Смирнов, подготовивший для ректора подробный обзор службы Опацкого в университете. Для Смирнова подобная работа не была новой: еще в конце 1897 г. ему пришлось объяснять ректору, почему Опацкий жаловался на профессора А.С. Архангельского⁶⁶. Уже тогда Смирнов полагал, что «все это делает его присутствие и участие... нежелательным, даже вредным»⁶⁷. Риторика Смирнова во многих случаях совпадает с риторикой Беляева и Нагуевского: то же объяснение психического расстройства Опацкого (доходившее до бранных выражений⁶⁸), его абсолютная некомпетентность в вопросах специальности, то же описание антагонизма с Нагуевским⁶⁹. Причину жалоб Опацкого декан видит в нем самом: «Таким образом причина стесненного

⁶² Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 24–24 об.

⁶³ Там же. Л. 43.

⁶⁴ Там же. Л. 46 об.

⁶⁵ Там же. Л. 45 об.

⁶⁶ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Д. 9755. Л. 1.

⁶⁷ Документы о жалобе и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. на ординарного профессора Архангельского А.С. // Там же. Л. 3.

⁶⁸ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Там же. Д. 9339. Л. 49 об.

⁶⁹ Там же. Л. 52, 54 об.

положения, в котором чувствует себя С.Ф. Опацкий как член факультета и профессор римской кафедры, заключается в нем самом, в неправильном отношении, как к самому делу преподавания, так и в его личных особенностях»⁷⁰. Итогом пребывания Опацкого на кафедре Смирнов видит в нарушении преемственности поколений ученых, отсутствие за 15 лет новых магистров римской словесности⁷¹.

Казанский период жизни С.Ф. Опацкого вскоре закончился благодаря ему самому⁷². 4 января 1900 г. Опацкий на имя ректора подал прошение⁷³ об отставке, но только после осмотра врачом по истечении 25-летнего срока службы (21 января 1900 г.)⁷⁴ ученого для возможности получения пенсии⁷⁵ заслуженного профессора. Несмотря на однозначный диагноз врачей – неизлечимая болезнь⁷⁶, старания латиниста не увенчались успехом: он был уволен с пенсией в 2000 р. 26 марта 1900 г. высочайшим приказом⁷⁷. Его дальнейшая судьба неизвестна. С увольнением Опацкого встал вопрос о замещении кафедры римской словесности⁷⁸. На факультете было принято решение прозондировать российские университеты о наличии приват-доцентов, готовых взять на себя обязанности Опацкого. Тем не менее кафедра целых 4 года оставалась вакантной, пока ее не занял Б.В. Варнеке.

История службы Опацкого в Императорском Казанском университете свидетельствует, что в сложившейся ситуации в определенной степени были виноваты члены факультета, видевшие в Опацком

---

⁷⁰ Документы о взаимоотношениях и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. и декана историко-филологического факультета // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977 (Императорский Казанский университет). Оп. 4 (Совет). Д. 9339. Л. 55 об.

⁷¹ Там же. Л. 54 об.

⁷² Документы об увольнении приват-доцента Опацкого С.Ф. по болезни, с назначением ему пенсии // Там же. Д. 8182. 17 Л.

⁷³ Документы об увольнении и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. // Там же. Д. 10198. Л. 1.

⁷⁴ Об исполнении срока 25-летней службы и.д. экстраординарного профессора Опацкого // Там же. Оп. 12 (Историко-филологический факультет). Д. 1768. Л. 1.; Переписка с ректором университета и Управляющим Учебным округом о 25-летию службы и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. // Там же. Оп. 4 (Совет). Д. 10094. Л. 1.

⁷⁵ Документы об увольнении и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. // Там же. Д. 10198. Л. 19.

⁷⁶ Об увольнении от должности Опацкого и оставлении при университете Мищенко // Там же. Оп. 12 (Историко-филологический факультет). Д. 1802. Л. 1.

⁷⁷ Переписка с ректором университета и Управляющим Учебным округом о 25-летию службы и.д. экстраординарного профессора Опацкого С.Ф. // Там же. Оп. 4 (Совет). Д. 10094. Л. 11, 15.; Об увольнении от должности Опацкого и оставлении при университете Мищенко // Там же. Оп. 12 (Историко-филологический факультет). Д. 1802. Л. 2.

⁷⁸ Об усилении преподавательского штата по кафедре римской словесности // Там же. Д. 1738. Л. 5.

назначенца Министерства народного просвещения. Однако в большей степени на ухудшение взаимоотношений между ученым и университетским окружением повлияли трудности личного, а именно психического характера: наследственная неврастения, к которой можно добавить еще и необоснованную амбициозность Опацкого, приводила к непредсказуемым поворотам в его поступках, что логично привело к отставке ученого.

Можно утверждать, что рассмотренный нами эпизод из истории Казанского университета демонстрирует сложившиеся к началу XX в. под влиянием университетского законодательства и национальной академической традиции противоречия корпоративного характера, раскрывая специфику повседневных отношений в профессорской среде и уточняя ранее неизвестные факты из биографий казанских ученых.

Библиографический список / References

1. Андреев А.Ю. Мобильность профессоров в университетской системе Российской империи XIX – начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 97. С. 68–93. [Andreev A.Yu. Mobility of professors in the university system of the Russian Empire of the XIX – early XX century. *St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*. 2020. Issue 97. Pp. 68–93. (In Rus.)]
2. Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. *Terra Universitatis: dva veka universitetskoj kultury v Kazani* [Terra Universitatis: Two centuries of university culture in Kazan]. Kazan, 2005.]
3. Грибовский М.В. Замещение профессорских должностей в российском дореволюционном университете: назначение vs выборы // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 71–76. [Gribovsky M.V. Replacement of professorships in a Russian pre-revolutionary university: Appointment vs election. *Bulletin of Tomsk State University*. 2017. No. 423. Pp. 71–76. (In Rus.)]
4. Загоскин Н.П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета. Ч. 1. Казань, 1904. [Zagoskin N.P. *Biograficheskiy slovar professorov i prepodavatelej Imperatorskogo Kazanskogo universiteta* [Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Kazan University]. Part 1. Kazan, 1904.]
5. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Ч. II) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. С. 89–101. [Novikov M.V., Perfilova T.B. The University charter of 1884: The illusion of academic freedom (Part II). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2015. No. 1. Pp. 89–101. (In Rus.)]

Сведения об авторе / About the author

Никитин Антон Андреевич – магистрант кафедры отечественной истории и архивоведения Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет; младший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела, Национальный музей Республики Татарстан, г. Казань

Anton A. Nikitin – master degree's student at the Department of Russian History and Archival Science of the Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University; Junior Researcher at the Scientific Exposition Department, National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

E-mail: anton.nikitin.14@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-31-44

УДК 258+261.7+94

Т.В. Царёва

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
119334 г. Москва, Российская Федерация

Социальная деятельность Русской православной церкви в 1914–1915 гг. (на примере Нижегородской епархии)

Социальная деятельность Русской православной церкви приобретала особую роль в драматические периоды российской истории, связанные с войнами и военными конфликтами. Ретроспективно просматривая деятельность епархий Русской православной церкви во время Первой мировой войны, можно констатировать, что большое внимание уделялось не только духовному состоянию верующих, но и развитию деятельности, направленной на оказание помощи военным, раненым и семьям лиц, находящимся на фронте. В период 1914–1915 гг. активизируется социальная деятельность Церкви, тогда как начиная с 1916 г., в связи с изменением настроений на фронте, акцент смещается на религиозно-пастырское руководство в тылу. Опираясь на данные периодических церковных изданий 1914–1915 гг., в статье проводится анализ деятельности Нижегородской епархии Русской православной церкви (одного из основных духовных центров в России) в указанный период, что может являться непосредственным примером организации социального служения Церкви в период военного времени.

© Царёва Т.В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Первая мировая война 1914–1918 гг., социальное служение, Нижегородская епархия Русской православной церкви, деятельность Русской православной церкви, деятельность Попечительских советов при церквях

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Царёва Т.В. Социальная деятельность Русской православной церкви в 1914–1915 гг. (на примере Нижегородской епархии) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 31–44. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-31-44

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-31-44

T.V. Tsareva

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119334, Russian Federation

Social activity of the Russian Orthodox Church in 1914–1915 (case study of the Nizhni Novgorod Eparchy)

The social activities of the Russian Orthodox Church acquired a special role during dramatic periods of Russian history associated with wars and military conflicts. Retrospectively reviewing the activities of the dioceses of the Russian Orthodox Church during the First World War, it can be stated that much attention was paid not only to the spiritual state of believers, but also to the development of activities aimed at providing assistance to the military, the wounded and the families of those at the front. During the period 1914–1915 the social activities of the Church were intensified, while starting from 1916, due to changes in moods at the front, the emphasis shifts to religious and pastoral leadership in the home front. Relying on the data from church periodicals of 1914–1915, the article analyzes the activities of Nizhny Novgorod diocese (one of the main spiritual centers in Russia) during this period, which, in its turn, may serve as a direct example of the organization of the Church's social ministry during wartime.

Key words: World War I, social ministry, Nizhny Novgorod diocese of Russian Orthodox Church, church activities, activities of church boards of trustees

FOR CITATION: Tsareva T.V. Social activity of the Russian Orthodox Church in 1914–1915 (case study of the Nizhni Novgorod Eparchy). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 31–44. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-31-44

По своей масштабности, людским потерям и последствиям в виде перестройки всех сфер общественной и политической жизни Первая мировая война не имела равных в предшествующий период. Русская православная церковь рассматривала участие в данной войне как священный долг воина-христианина, взявшего оружие в руки не для убийства, а для защиты «веры, царя и Отечества». Несмотря на происходившие к началу XX в. процессы «расцерковления» в обществе, война внесла коррективы в религиозную составляющую общественной жизни: в 1914 г. общее религиозное и патриотическое настроение заметно возросло. Поэтому моральная поддержка Церкви была важным элементом кампании по укреплению патриотического духа армии. Период 1914–1915 гг. явился мощным катализатором активизации всех форм церковной жизни, в частности – организованная Церковью социальная деятельность, направленная на оказание помощи военным, раненым и семьям лиц, находящимся на фронте.

Несмотря на то, что долгое время историография Первой мировой войны развивалась по военно-историческому, внешнеполитическому и иным аспектам участия России в войне, деятельность Русской православной церкви находит свое отражение в различных источниках. В монографии «Военное духовенство России» Г. Полякова, в рамках последовательно представленного материала по деятельности православного духовенства во время военных действий со времен Крещения Руси, описывается и деятельность Церкви во время Первой мировой войны [3]. Обобщенное исследование роли православного духовенства в годы Первой мировой войны представлено в статьях архиепископа К. Горянова [2], Е.Д. Борщукковой [1] и др. Социально-благотворительная работа Русской православной церкви на протяжении веков была настолько всесторонней и многогранной в общероссийском масштабе и на местах, а современных исследований в этом направлении достаточно много, что опыт изучения уже можно было систематизировать [8]. При этом региональный аспект исследовательской работы по данной теме по-прежнему остается актуальным.

Говоря о письменных источниках 1914–1915 гг., отражающих деятельность и деятельность военного духовенства во время Первой мировой войны, следует отметить недостаточную изученность данной темы. Кроме того, в некоторых источниках того времени отмечается отсутствие освещения вопроса общественной деятельности духовенства в печатных изданиях военного времени¹. В основном, содержание периодики было обращено к двум темам: возникновение и распространение сектантства и значение религии как общественного явления. Отдельные церковные вопросы рассматривались спорадически либо не исследовались вовсе. Если одним из основных нарративных источников, свидетельствующем о деятельности духовенства в армии и на флоте, является «Вестник Военного и морского духовенства», то данные по деятельности Церкви в рамках социального служения и оказания помощи населению во время Первой мировой войны отображены, в основном, в «Епархиальных ведомостях», официальных периодических церковных изданиях, издававшихся до 1922 г. в 63 епархиях Русской православной церкви, «Церковных ведомостях», издаваемых при Святейшем правительствующем синоде, а также в еженедельном издании «Нижегородский церковно-общественный вестник» (выходившим до 1917 г.). Данные источники содержат в себе все многообразие деятельности епархии в исследуемый период: сведения о благотворительной, патриотической и просветительской деятельности Церкви.

Социальная деятельность Церкви в период Великой (как ее называли современники) войны представляется актуальной темой исследования. Главным отличием церковной социальной деятельности (от благотворительных государственных программ) является то, что в круг ее задач помимо оказания практической помощи пострадавшим от военных действий являлось и формирование мероприятий по поддержанию духовного состояния населения. Особенностью деятельности православной церкви в период Первой мировой войны явилось то, что впервые Святейшим правительствующим синодом были разработаны директивы для духовенства в его патриотической и социальной деятельности во время войны. Это было особенно важно для вновь мобилизованных, не знакомых с требованиями и условиями военной жизни священников [3, с. 71]. Кроме того, по свидетельству современников, в предшествующие войны вся социальная деятельность Церкви была ограничена оказанием помощи раненым и больным воинам, тогда как в период

¹ Очерк деятельности духовенства и учреждений Нижегородской епархии по оказанию помощи в военное время со дня открытия Епархиального комитета (20 августа 1914 г.) по 1-е января 1916 года. Н. Новгород, 1916. С. 1; Ф. Б. Из светской хроники // Церковные ведомости. 1914. № 50. С. 2081.

Первой мировой войны в круг обязанностей церкви были включены также семьи лиц, призванных в войска [7, с. 21], оказание помощи врачам при перевязках раненых, забота о поддержании порядка на воинских могилах, извещение родственников убитых и пр.

Вовлеченность духовенства обладала широким охватом: от миссионерской деятельности по укреплению национально-патриотического духа и исполнения своих пастырских обязательств непосредственно на театре военных действий (совершения таинств, отпевания, проведения богослужений; извещения родственников убитых; оказание медицинской помощи раненым; эвакуации с поля боя убитых и т.д.) до организации социальной поддержки населения на местах.

После обнародования Манифеста о начале военных действий в Казанском соборе прошло богослужение о даровании победы российскому воинству, после чего было проведено заседание Святейшего правительствующего синода. Во всех церквях были установлены ежедневные молитвы за богослужением о Государе и сражающихся воинах. Синод обратился ко всем православным верующим с патриотическим призывом: «всецело предавая себя воле Божией, указуемой словом Царевым, со своей стороны, без всякого промедления предпринять все зависящее от него и его доступные меры» к успешному окончанию войны [7, с. 19].

Согласно «Руководственным указаниям духовенству действующей армии» во время Первой мировой войны в круг обязанностей госпитального, полкового, тылового и морского духовенства, помимо проведения богослужений в воскресные и праздничные дни, а также молебнов перед началом боевых действий и панихид после, входило ежедневное посещение раненых, проведение бесед, совершения ежедневных утренних и вечерних молитв, чтения Евангелия, формирования библиотеки при лазаретах (что касается деятельности госпитальных священников); священниками запасных батальонов и полков особенное внимание уделялось воспитанию в «чинах доблестного духа и готовности верою и правдой даже до смерти послужить на поле брани царю и Родине»² (достигалась поставленная задача путем проведения патриотических бесед, распространения брошюр и листовок и организацией богослужений). С первых дней войны Святейшим синодом были определены направления социального служения, проводимые Русской православной церковью: призрение раненых и больных воинов, сбор пожертвований, организация госпиталей и лазаретов, духовная и материальная помощь семьям лиц, призванных на войну, и многое другое.

² Руководственные указания духовенству действующей армии. 2-е изд. (доп. приказом 1 янв. 1916 г. № 1, циркулярами 1916 г. 30 мая / 1 июня № 2011). Б. м., 1916. С. 26.

Так, с 20 июля 1914 г. Святейшим правительствующим синодом было установлено формирование в каждом приходе епархий особых попечительных советов. В сферу деятельности этих советов входил сбор информации о семьях лиц, находившихся на войне, в т.ч. и об их материальном положении; изыскание, распределение и выдача денежных средств нуждающимся; оказание продовольственной и иной помощи. Кроме того, был установлен кружечный сбор пожертвований на нужды «Российского общества Красного Креста» и в пользу семей, пострадавших от военных действий; тарелочный сбор пожертвований в соборах и церквях военного и морского ведомств для раненых и солдат (Определение Синода от 12 августа 1914 г. № 13312)³. Все данные по сборам пожертвований и деятельности попечительных советов надлежащим образом должны были фиксироваться отцами благочинными и передаваться в Духовное правление. Однако от многих из них, несмотря на «обязательное и неуклонное исполнение» настоящего распоряжения, не поступало никаких данных не только по деятельности советов, но и по какой-либо иной организации помощи больным, раненым и семьям нижних чинов, отбывших на войну. А те сведения, которые поступали, носили не регулярный характер, «с недостаточной полнотой и подробностью»⁴.

Первые попечительные советы в Нижнем Новгороде были открыты при церквях Святой влкмц. Варвары 16 августа 1914 г., Трехсвятительской и при церкви Кутайсовского приюта 17 августа и «в с. Ахпаевке, Васильского уезда, и Чернухе, Макарьевского уезда»⁵. Приходскими попечителями открывались как бесплатные столовые при храмах (к апрелю 1915 г. из открытых попечительными советами бесплатных столовых было отпущено 16077 обедов и 195 пудов хлеба на сумму 910 руб.⁶), так и проводились мероприятия по оказанию иной помощи пострадавшим от военных действий. Так, в частности, попечительный совет при церкви Святой влкмц. Варвары, помимо ежедневного отпуска бесплатных обедов на 180 чел., принимал деятельное участие по удовлетворению иных нужд детей запасных чинов: «подает детям бесплатную

³ От Духовного правления при Протопресвитере. Военному и морскому духовенству ко исполнению // Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 18. С. 627.

⁴ От Духовного правления при Протопресвитере // Там же. № 24. С. 827.

⁵ Очерк деятельности духовенства и учреждений Нижегородской епархии по оказанию помощи в военное время со дня открытия Епархиального комитета (20 августа 1914 г.) по 1-е января 1916 года. Н. Новгород, 1916. С. 25.

⁶ Из местной епархиальной хроники // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1915. № 21. С. 536.

медицинскую помощь, к праздникам Рождества Христова и Пасхи выдает праздничные подарки матерям»⁷.

Кроме оказания денежной помощи (так, например, за апрель 1915 г. попечительными советами епархии «было оказано пособие 2604 лицам на сумму 3185 р. 26 коп.», из которых отчисления церквей и духовенства составили около 534 руб., частные пожертвования – 2652 руб.⁸), советами Нижегородской епархии выделялись квартиры семьям для бесплатного проживания; проводился сбор продуктовой и вещевой помощи; в летне-осенний период было организовано участие приходов в обработке полей и в сборе урожая, в зимний – обеспечение семей воинов запасом дров. Известно постановление собрания совета в с. Ахпаевке от 15 августа 1914 г.: «миром обсеменить поля, свезти с полей снопы и обмолотить, освободить семьи, члены коих на войне, от сельских мирских повинностей»⁹.

Монастырям и всем духовным учреждениям Нижегородской епархии было рекомендовано подготовить под лазареты и госпитали для раненых все имеющиеся свободные помещения, с последующей организацией деятельности по уходу за воинами: «совершение всех треб и преподание духовного утешения воинам, находящимся на излечении в многочисленных монастырских лазаретах, лежит, конечно, на обязанности исключительно монастырской братии. Но этим не ограничивается пастырская деятельность монашествующих»¹⁰. Общее число лазаретов и госпиталей, открытых в монастырях, церковных помещениях, в течение первого года войны составило 639 единиц. В августе 1914 г. Епархиальным Комитетом было принято решение об организации лазарета для больных и раненых воинов в доме Братства Св. Георгия на 50 коек с полным содержанием и оборудованием за счет средств духовенства епархии. 11 сентября «при торжественной обстановке» прошло открытие лазарета¹¹, а уже в октябре поступили первые раненые. С 1915 г. число коек в нем увеличилось до 124, и протоиереем П. Никольским

⁷ Очерк деятельности духовенства и учреждений Нижегородской епархии по оказанию помощи в военное время со дня открытия Епархиального комитета (20 августа 1914 г.) по 1-е января 1916 года. Н. Новгород, 1916. С. 27.

⁸ Из местной епархиальной хроники // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1915. № 21. С. 536.

⁹ Победоносцев К.П. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания. 1914–1916 гг. Пг.: Синод. тип., 1916. С. 73.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Очерк деятельности духовенства и учреждений Нижегородской епархии по оказанию помощи в военное время со дня открытия Епархиального комитета (20 августа 1914 г.) по 1-е января 1916 года. Н. Новгород, 1916. С. 12.

было инициировано обсуждение по организации дополнительных освободившихся помещений семинарского общежития под нужды лазарета¹². Кроме того, было озвучено предложение об устройстве приюта для «калек-воинов» при Благовещенском монастыре.

Духовенством Нижегородской епархии проводились религиозно-нравственные, патриотические беседы среди раненых воинов: «особенно с большим интересом для раненых проходили чтения, которые сопровождались... хоровым пением патриотических песен и народных гимнов, исполняемых воспитанниками духовной семинарии и девочками-приютками Филаретовского дома милосердия»¹³. В Епархиальном лазарете чтения проводились дважды в неделю лекторами из числа преподавателей или городского духовенства в соответствии с программой, утвержденной правящим архиереем. Было организовано чтение утренних и вечерних молитв, проведение богослужений и разъяснение евангельских сюжетов. Однако встречаются иной раз описания «недоброжелательного отношения» со стороны администрации лазаретов, с которым иногда приходилось сталкиваться священникам при проведении духовных встреч с ранеными солдатами. Например, одной из причин отказа священнику в проведении запланированной духовно-нравственной беседы могло стать приглашение «других чтецов» или лекторов (в частности, светских) к раненым воинам¹⁴.

За счет духовенства епархий, наряду с деятельностью местных властей и правительственных учреждений, открывались лазареты для раненых (а в имеющихся городских лазаретах устанавливались тесные связи с духовным попечением); преподавателями духовных учебных заведений были организованы религиозно-нравственные, церковно-исторические и патриотические беседы; оказывалась помощь семьям, оставшимся без кормильцев; обсуждались возможности открытия приютов для воинов-инвалидов. Однако данный замысел не был реализован в связи с увеличением числа беженцев, чье содержание требовало больших материальных ресурсов.

Затрагивая тему непрерывного потока беженцев как одного из трагических последствий войны министр земледелия и землеустройства А.В. Кривошеин говорил: «Из всех тяжких последствий войны это явление самое неожиданное, самое грозное и самое непоправимое» [2, с. 62].

¹² Из местной епархиальной хроники // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1915. № 18. С. 456.

¹³ Учреждения духовного ведомства в указании помощи ранеными больным воинам и их семьям // Церковные Ведомости. 1915. № 12–13. С. 421.

¹⁴ Ермолаев А. Из местной епархиальной хроники // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1915. № 45. С. 1110.

Помощь беженцам оказывали как общественные организации (в первую очередь, Всероссийский земский союз и Всероссийский городской союз), так и Церковь. Обер-прокурором А.Н. Волжиным было предложено духовным ведомствам объединить усилия со светскими организациями (например, с «Всероссийским обществом попечения о беженцах»), для лучшей организации оказания помощи беженцам.

В частности, в Нижегородской епархии, вблизи железнодорожной станции в Канавинском подворье Городецкого монастыря был организован продовольственный пункт для прибывающих беженцев, после посещения которого они распределялись по приютам и подготовленным помещениям¹⁵. В здании семинарского общежития на Тихоновской улице был организован приют для беженцев из числа духовенства. Однако количество нуждающихся было настолько большим, что на проведенном 6 сентября 1915 г. собрании Епархиального Комитета Нижегородской епархии было решено передать под нужды приютов для беженцев помещения в Вознесенском Печерском (было отведено 19 келий для 98 беженцев) и Благовещенском монастырях (для 35 беженцев), с ежемесячным содержанием в размере 1 тыс. руб. В приютах семинарского общежития Печерского и Благовещенского монастырей беженцам полагалось бесплатное пищевое довольствие. Кроме того, часть беженцев перераспределялась по монастырям (в Серафимо-Понетаевском было размещено до 300 беженцев из числа учащихся и сестер эвакуированного Леснинского монастыря; в Выксунском Иверском монастыре – 170 учениц Илукстского женского училища и 50 монахинь Илукстского монастыря; в Арзамасском Новодевичьем во имя Алексия, человека Божия, женском монастыре было отведено помещений на 35 человек; Серафимо-Дивеевский монастырь предоставил кров и полное содержание 300 беженцам), школам и другим учреждениям епархии. Обителями оказывалась также продуктовая и вещевая помощь вновь прибывшим.

В Архиерейском доме (здание для размещения главных архиереев) «канцелярия Преосвященного, приемные комнаты для просителей, запасные комнаты» были приспособлены под нужды 28 беженцев¹⁶. Указывается, что содержание определенной части прибывших производилось за счет личных средств епископа Нижегородского и Арзамасского Иоакима (Левитского). Отметим, что в вопросе организации епархиальной помощи в военное время особое внимание в источниках уделяется деятельности епископа Нижегородского и Арзамасского,

¹⁵ Очерк деятельности духовенства и учреждений Нижегородской епархии по оказанию помощи в военное время со дня открытия Епархиального комитета (20 августа 1914 г.) по 1-е января 1916 года. Н. Новгород, 1916. С. 19.

¹⁶ Там же.

сумевшего организовать в Нижегородской епархии активную благотворительную помощь беженцам и солдатам. 1 декабря 1915 г. в Нижнем Новгороде открылся отдел «Всероссийского общества попечения о беженцах» («преимущественно русской национальности»), в связи с чем председателем отдела, епископом Макарием, было дано распоряжение духовенству оказывать всестороннюю помощь и содействие по удовлетворению нужд вновь прибывших¹⁷.

Кроме вышеперечисленного, предпринимались определенные меры попечительными советами, направленные на встречу и распределение вновь прибывших: подыскивались квартиры, чтобы, «когда беженцы появились в деревне, они были сразу водворены в назначенные им помещения»¹⁸, закупались дрова, продукты и теплые вещи. Согласно источникам, местное население встречало беженцев с сочувствием, всячески участвуя в процессе расселения и помогая в дальнейшем их обустройстве.

Помимо попечительных советов, крупным деятелем Епархиального комитета являлись монастыри. 4 сентября 1914 г. вышло Определение Святейшего правительствующего синода о привлечении монашествующих и послушников православных обитателей к делу помощи раненым воинам в качестве братьев милосердия при перевозке раненых с железнодорожных станций в лазареты и госпитали¹⁹. Послушниц женских монастырей привлекали к деятельности общества Красного Креста в качестве сестер милосердия по уходу за ранеными. В течение всего военного времени насельники и насельницы монастырей «продолжали с любовью нести значительную жертву на святое дело больным и раненым воинам»²⁰. Помимо денежной и вещевой помощи (так, за период с 1914 по 1916 г. насельниками различных монастырей было сшито и связано порядка 84 602 вещей: Крестовоздвиженским монастырем было передано 47 646 вещей, Арзамасским Новодевичьим во имя Алексия, человека Божия, женским монастырем – 24 630,

¹⁷ Макарий, еп. От председателя Отдела Общества Попечения о беженцах // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1915. № 50. С. 1218.

¹⁸ Очерк деятельности духовенства и учреждений Нижегородской епархии по оказанию помощи в военное время со дня открытия Епархиального комитета (20 августа 1914 г.) по 1-е января 1916 года. Н. Новгород, 1916. С. 30.

¹⁹ По вопросу о привлечении монашествующих и послушников православных обитателей к делу подачи помощи раненым воинам (от 4–10 сентября 1914 г. № 7955) // Церковные Ведомости. 1914. № 38. С. 442.

²⁰ Учреждения духовного ведомства в оказании помощи раненым и больным воинам и их семьям // Церковные Ведомости. 1915. № 12–13. С. 420.

Серафимо-Понетаевским – 2200)²¹, насельниками монастырей была организована передача на фронт нательных крестиков, Евангелий, молитвословов, брошюр.

В Печерском, Иверском Выксунском и других монастырях Нижегородской епархии, имевших возможность в своих помещениях организовать для раненых лазареты, содержание госпиталей полностью ложилось на плечи обители. При отсутствии свободных помещений или доступности подъезда, монастыри брали на себя содержание именных коек в Епархиальном или других лазаретах. Кроме того, в монастырях располагались приюты для воинов-инвалидов и детей-сирот воинов, убитых на войне: приют на 10 инвалидов при Оранском Богородицком мужском монастыре (также при этой обители была организована ежедневная раздача 100 бесплатных обедов детям солдат²²), в Кутузовском Богородицком было размещено 3 девочки-сироты и т.д. Как уже было отмечено выше, в монастырских стенах находили приют и многочисленные беженцы. По данным настоятельницы Николаевского монастыря, лишь за декабрь 1915 г. монастырем на нужды беженцев было выдано 27 ведер молока и хлеба на 116 руб. и сшито из монастырского материала 88 пар белья и 2 шубы²³.

28 июля 1915 г. по Определению Святейшего синода православным обителям (архиерейские дома, лавры, мужские и женские монастыри) необходимо было расширить госпитали и лазареты, находящиеся в их стенах; увеличить размер денежных взносов и пожертвований (в т.ч. и в пользу «Российского общества Красного Креста»); расширить деятельность по организации приютов для детей лиц, павших в бою. За октябрь 1915 г. на содержание Епархиального лазарета от духовенства, от попечительных советов, от частных пожертвований и кружечного сбора было собрано около 1315 руб.; в пользу общества Красного Креста – 517 руб.; в распоряжение Епархиального комитета – 1035 руб.²⁴ Кроме прямых денежных пожертвований от духовенства и попечительных советов, было передано 16 822 аршин холста, «734 сорочки, 838 кальсон, 253 фуфайки, 608 полотенец, 86 платков, 434 пар чулок

²¹ Очерк деятельности духовенства и учреждений Нижегородской епархии по оказанию помощи в военное время со дня открытия Епархиального комитета (20 августа 1914 г.) по 1-е января 1916 года. Н. Новгород, 1916. С. 32.

²² Из местной епархиальной хроники // Нижегородский церковно-общественный вестник. 1915. № 21. С. 536.

²³ Очерк деятельности духовенства и учреждений Нижегородской епархии по оказанию помощи в военное время со дня открытия Епархиального комитета (20 августа 1914 г.) по 1-е января 1916 года. Н. Новгород, 1916. С. 33.

²⁴ Учреждения духовного ведомства в оказании помощи раненым и больным воинам и их семьям // Церковные ведомости. 1915. № 1. С. 17.

и носков и 290 других разных предметов (перчатки, халаты, простыни, туфли, наволочки и т.д.)»²⁵. Особое внимание насельниц женских монастырей, жен священников, воспитанниц Епархиальных женских училищ уделялось изготовлению и отправке теплых вещей на фронт (полшубки, валенки, рукавицы, шапки, теплые чулки и т.д.).

По принятой историками классификации военный период до 1915 г. характеризовался консолидацией общественных сил, преобладающим патриотическим настроением. Однако к концу 1915 г. начинает сказываться усталость от войны, нарастает дезинтеграция. В связи с этим Синодом было определено особое внимание уделять религиозно-пастырскому руководству в запасных батальонах: проповедью и беседами укреплять патриотический дух воинов.

Сумма денежных сборов, сформированная за счет процентов от отчислений приходского духовенства, кружечного сбора, частных пожертвований от организаций и отдельных лиц, к началу 1916 г. составила 65 555 руб. В своих донесениях отцы благочинные отмечали тот факт, что «население прихода, сознавая всю тяжесть войны и затруднительное положение семейств воинов, сердечно откликается на призыв попечительного совета и охотно несет на святое дело помощи свои посильные лепты»²⁶. Часть собранных средств передавалась семьям солдат; часть – отсылалась в Епархиальный комитет, Красный Крест и иные военные организации; некоторые попечительные советы на собранные средства открывали лазареты или содержали именные койки в Епархиальном лазарете. Так, за счет попечительного совета при церкви Кулебакского завода Ардатовского уезда был оборудован и содержался лазарет на 20 коек, попечительным советом с. Горбатовка Балахнинского уезда был снабжен оборудованием лазарет на 20 коек и т.д.

Таким образом, с первых дней войны духовенство, церкви, монастыри и общины Нижегородской епархии принимали самое активное участие в оказании помощи армии, флоту и семьям лиц, участвовавших в войне. Церковные организации занимались миссионерской деятельностью на фронте и социальной среди мирного населения. В совокупности с земскими и городскими союзами открывались лазареты и госпитали для раненых; была организована материальная, продуктовая и вещевая помощь семьям лиц, оставшихся без кормильцев; проводился сбор средств на нужды армии и пр. Объективно проводимое социальное служение в Нижегородской епархии носило продуктивный и значимый

²⁵ Учреждения духовного ведомства в оказании помощи раненым и больным воинам и их семействам // Церковные ведомости. 1915. № 1. С. 18.

²⁶ Там же. С. 25.

характер. Однако несмотря на все меры по укреплению нравственного и патриотического духа среди воинов отмечался рост антиклерикальных настроений в стране. Согласно отчетам армейского духовенства, уже после революции, с освобождением Временным правительством солдат от обязательных церковных обрядов и таинств, процент записанных православными и соблюдавших таинство причастия сократился с почти 100% в 1916 г. до менее чем 10% в 1917 г. [5, с. 48]. События 1917 г., изменение политического строя страны и последующие за ним трагические страницы в истории Русской православной церкви лишили ее возможности реализации дальнейшей социальной деятельности, уменьшив активную роль Церкви в жизни общества.

Библиографический список / References

1. Борщукова Е.Д. Патриотическая деятельность православной церкви в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 172. С. 67–73. [Borshchukova E.D. Patriotic activities of the Orthodox Church during World War I. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2014. No. 172. Pp. 67–73. (In Rus.)]
2. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Ход и настроение армии и тыла в кампаниях 1914–1916 гг. // Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 58–64. [Golovin N.N. Military efforts of Russia in the World War I. The course and mood of the army and the rear in the campaigns of 1914–1916. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 1993. No. 10. Pp. 58–64. (In Rus.)]
3. Горянов К. «Не разлучившись с паствой»: подвиг русского православного духовенства в первую мировую войну 1914–1918 гг. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 64–101. [Goryanov K. “Not separated from the flock”: The feat of the Russian Orthodox clergy in the First World War, 1914–1918. *Vestnik Ekaterinburgskoy duhovnoy seminarii*. 2014. No. 2 (8). Pp. 64–101. (In Rus.)]
4. Поляков Г. Военное духовенство России. М., 2002. [Polyakov G. *Voенное duhovenstvo Rossii [Russian military clergy]*. Moscow, 2002.]
5. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 42–54. [Pospelovskij D.V. [Russian Orthodox Church: Trials of the beginning of XX century. *Voprosy istorii*. 1993. No. 1. Pp. 42–54. (In Rus.)]
6. Руденко Л.В. Социальная миссия православного христианства в Древней Руси IX–XI вв. М., 2008. [Rudenko L.V. *Sotsialnaya missiya pravoslavnogo hristianstva v Drevnej Rusi IX–XI vv.* [The social mission of Orthodox Christianity in Ancient Rus in the IX–XI centuries]. Moscow, 2008.]
7. Рункевич С.Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь: исторические очерки доктора церковной истории С.Г. Рункевича. Пг., 1916. [Velikaya Otechestvennaya vojna i cerkovnaya zhizn: istoricheskie ocherki doktora cerkovnoj istorii S.G. Runkevicha [The Great Patriotic War and

Church Life: Historical sketches by Doctor of Church History S.G. Runkevich. Petrograd, 1916.]

8. Сипягина Е.А. Социальное служение Русской православной церкви в современной историографии (1988–2008 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 1. С. 88–91. [Sipyagina E.A. Social ministry of the Russian Orthodox Church in contemporary historiography (1988–2008). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. No. 1. Pp. 88–91. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 22.12.2022, принята к публикации 14.01.2023

The article was received on 22.12.2022, accepted for publication 14.01.2023

Сведения об авторе / About the author

Царёва Тамара Вадимовна – кандидат исторических наук; научный сотрудник, руководитель редакционно-издательского отдела, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва

Tamara V. Tsareva – PhD in History; Head of the Editorial and Publishing Department N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: tamara-asribekova@yandex.ru

А.М. Новоторцева, Ю.Д. Новикова

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Роль Русской православной церкви в сохранении традиций религиозного образования в начале XX в. (в преддверии созыва Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг.)

Статья посвящена вопросам религиозного образования и просвещения на этапе подготовки проведения Поместного Собора Русской православной церкви (1917–1918). В исследовании приведена общая характеристика системы религиозного образования и воспитания в Российской империи к началу XX в. и проанализирована работа по вопросам религиозного образования и просвещения Предсоборного Присутствия (1906) и Предсоборного Совета (1917). Статья призвана осветить процессы развития отечественной системы религиозного образования в сложный исторический период, переломный для самого института Церкви, а также деятельность религиозно настроенного сообщества по данному вопросу. В связи с тем, что противники христианского православного устройства общества, пришедшие к власти в 1917 г., начали его переустройство, в первую очередь, с разрушения системы религиозного образования, институт Церкви активно отстаивал возможность своего участия в просвещении и воспитании молодого поколения страны в соответствии с традиционными русскими духовно-нравственными ценностями и сохранения авторитета и влияния в российском социуме в целом. Задача отмены вновь принятых ограничений для Церкви стояла одной из первоочередных на предстоящем Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг.

© Новоторцева А.М., Новикова Ю.Д., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Временное правительство, Всероссийский Поместный Собор (1917–1918 гг.), конфессиональная политика, Предсоборное Присутствие, Предсоборный Совет, религиозное просвещение, церковно-приходская школа, Закон Божий, церковные реформы

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Новоторцева А.М., Новикова Ю.Д. Роль Русской православной церкви в сохранении традиций религиозного образования в начале XX в. (в преддверии созыва Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 45–56. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-45-56

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-45-56

A.M. Novotortseva, Yu.D. Novikova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The role of the Russian Orthodox Church in preserving the traditions of religious education at the beginning of the XX century (on the eve of the convocation of the All-Russian Local Council of 1917–1918)

The article is devoted to the issues of religious education and enlightenment at the stage of preparation for the Local Council of the Russian Orthodox Church (1917–1918). The study provides a general description of the system of religious education and upbringing in the Russian Empire by the beginning of the twentieth century and analyzes the work on religious education and enlightenment of the Pre-Council Presence (1906) and the Pre-Council Council (1917). The article aims to highlight the processes of development of the national system of religious education in a difficult historical period, a turning point for the institution of the Church itself, as well as the activities of the religiously minded community on this issue. Due to the fact that the opponents of the Christian Orthodox structure of society, who came to power in 1917, began its reconstruction, first of all, with the destruction

of the system of religious education, the Institute of the Church actively defended the possibility of its participation in the education and upbringing of the younger generation of the country in accordance with traditional Russian spiritual and moral values and the preservation of authority and influences in Russian society as a whole. The task of abolishing the newly adopted restrictions for the Church was one of the priorities at the upcoming All - Russian Local Council of 1917–1918.

Key words: February Revolution of 1917, Provisional Government, All-Russian Local Council (1917–1918), confessional policy, Pre-Council Presence, Pre-Council Council, religious education, parish school, the Law of God, church reforms

FOR CITATION: Novotortseva A.M., Novikova Yu.D. The role of the Russian Orthodox Church in preserving the traditions of religious education at the beginning of the XX century (on the eve of the convocation of the All-Russian Local Council of 1917–1918). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 45–56. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-45-56

Процесс религиозного образования и духовно-нравственного просвещения заложен в самой основе христианства и не прекращался никогда. Достаточно вспомнить наставление Спасителя в конце Евангелия от Матфея «Итак, идите, научите все народы» (Мф. 28: 19). Благодаря этой преемственности и «научению», православная Церковь существует уже более двадцати столетий. Однако в начале XX в. в России произошло множество потрясений, революционных изменений в политической, общественной, а также духовной жизни общества. Не вызывает сомнений, что, помимо политического переустройства, кардинальные перемены произошли в религиозной среде, соответственно, и в сфере религиозного образования. Спустя столетие российское государство и общественность вновь находятся перед вызовами времени, особенно в сфере духовно-нравственного просвещения. В связи с этим обращение к истории религиозного образования и участие в этой сфере Русской православной церкви в период до Октябрьского переворота¹ 1917 г. актуально для современности.

¹ В связи с тем, что в современной отечественной историографии стали появляться разные исторические оценки политических событий начала XX в., использование конкретной терминологии стало также отражать концептуальные воззрения авторов. В данной статье в нескольких случаях нами использованы понятия «Февральский переворот» и «Октябрьский переворот» как одни из общепринятых в настоящее время, но еще не укоренившихся в новейшей историографии, при этом активно используемые, наравне с другими терминами, такими, как «Февраль 1917 г.», «Февральская революция», «Мартовские дни 1917 г.», «Октябрь 1917 г.», «Октябрьская революция», «Февральские беспорядки» и др.

Историография выбранной темы включает в себя преимущественно современные исследования, т.к. до 1990-х гг. систему религиозного образования в России начала XX в. советские авторы если и рассматривали, то либо в контексте церковно-государственных отношений, либо с позиции проблематики отечественной педагогической науки или научного атеизма [5; 14, с. 204–224]. В настоящее время интерес представляют междисциплинарные исследования. С.Ю. Дивногорцева изучила историю православной педагогической культуры в целом, а также частные проблемы организации православного образования в новых условиях социокультурной и политической жизни России 1917–1918 гг. [2–4]. Среди наиболее близких по проблематике следует назвать работы Т.Е. Житинова, В.И. Пшибышевского и С.П. Синельникова [6–8; 15; 17–19].

При достаточном количестве работ по теме религиозного образования в России в начале XX в. не все из них являются конкретно историческими. Ряд исследований представляет собой труды в русле истории педагогики, отдельные диссертации и научные статьи носят региональный, а не общероссийский характер [11; 12]. В этой связи особого внимания заслуживают самые драматические и насыщенные событиями в истории России годы (1917–1918), а для понимания контекста преобразований важно рассматривать этот процесс в совокупности с их предысторией. В данной статье предполагается отразить проблемы сохранения и развития, прежде всего, школьного религиозного образования в России в начале XX в.: законодательные и содержательные аспекты реализации деятельности церковно-приходских школ и преподавания в них детям предмета Закон Божий.

Религиозное образование подрастающего поколения в дореволюционной России реализовывалось через деятельность церковно-приходских школ и преподавание Закона Божия во всех учебных заведениях. Церковная школа, в которой приходской священник или причетник обучал детей грамоте, издавна существовала на Руси, но лишь с первой половины XIX в. начала привлекать к себе внимание правительства и была включена в систему начального образования. С 1902 г. основным нормативным документом, определявшим существование школ, подведомственных Святейшему правительствующему синоду, стало «Положение о церковных школах». Среди таких школ были начальные школы (школы грамоты, церковно-приходские и воскресные школы) и учительские (второклассные и церковно-учительские) школы².

² Положение о церковных школах ведомства Православного Исповедания // Тамбовские Епархиальные Ведомости. 1902. № 32. С. 733.

Церковный характер школы обуславливался многими факторами. Помимо обязательного для всех учебных заведений преподавания Закона Божия, были и другие предметы (в одноклассных церковно-приходских школах): церковнославянский язык и церковное пение³. Но определяющим являлось заведование школой священником, действовавшим по установлениям синодального начальства. Невозможно переоценить ее роль в духовном воспитании учащихся, о чем свидетельствует, например, отсутствие зарегистрированных случаев самоубийств, в отличие от других начальных школ [10, с. 737]. На начальном уровне образования религиозное обучение включало в себя краткий катехизис, важнейшие молитвы, церковную историю⁴. Отметим также, что в начале XX в. само слово «школа» было связано именно с системой церковных учебных заведений, в то время как учебные заведения других ведомств именовались «училища». К 1917 г. в России действовали 35 тыс. церковных школ, в т.ч. 1 тыс. двухклассных., а также 424 второклассных и 21 церковно-учительская. Принадлежащее им имущество оценивалось в 171 млн руб. [16, с. 10].

В начале XX в. стали выявляться разные, не столько методические, сколько социально-общественные и нравственно-этические проблемы, влиявшие на качество преподавания и изучения вероучительных предметов: оскудение религиозного духа вело к пустой зубрежке и формализму в исполнении церковных обрядов, небрежению к таинствам Церкви, непонятным запретам и ограничениям, порой насилию и принуждению. Причины неудач в деле преподавания религиозных дисциплин современники отмечали также в отсутствии единства в преподавательской корпорации образовательных учреждений, отсутствии у священников желания заниматься просветительской деятельностью и др. [1, с. 44].

При этом отметим ряд важных исторических событий, которые оказали влияние на изменения в сфере религиозного образования российского общества. Начало им было положено в 1906 г. Император Николай II учредил тогда Предсоборное Присутствие. С этого времени началась подготовка созыва Поместного Собора Русской православной церкви и проектов основных соборных решений. В IV отделе Присутствия происходил разбор вопросов о приходской жизни, в т.ч. о церковной школе, а в V отделе внимание было уделено анализу деятельности духовно-учебных заведений и качеству преподавания в них Закона Божия, преподавание которого в светских учебных заведениях было признано

³ Положение о церковных школах ведомства Православного Исповедания // Тамбовские Епархиальные Ведомости. 1902. № 32. С.737.

⁴ Там же.

неудовлетворительным. В результате встал вопрос о необходимости изменить программы его преподавания⁵. В этой связи было предложено учредить Всероссийское православное религиозно-просветительское и благотворительное братство. Его основной целью должно было быть религиозное просвещение народа и преподавание Закона Божия в школах⁶. Другие конкретные изменения и, тем более, новые программы никем не были тогда предложены.

Присутствие рассмотрело и вопрос наказания членов Церкви за неподобающее отношение к преподаванию Закона Божия⁷. В связи с тем, что духовно-нравственный облик российского общества с конца XIX в. менялся не в лучшую сторону, а религиозные чувства, особенно молодых людей, под воздействием разных факторов постепенно ослабевали и не имели должной подпитки, было предложено учредить катехизаторские курсы для лиц 16–17-летнего возраста⁸. К сожалению, результаты работы Предсоборного Присутствия оказались в то время невостребованными, поскольку в 1907 г. Николай II решил отложить созыв Собора, указывая на несвоевременность данного события «ввиду переживаемого ныне тревожного времени» [20, с. 305].

Еще одним событием, которое являлось значимым в контексте образовательных проблем в начале XX в., был созыв Всероссийского съезда преподавателей Закона Божия светских средних учебных заведений. Он проходил в столице с 20 июля по 1 августа 1909 г. Участники съезда ставили перед собой следующие основные задачи: пересмотреть и разработать учебные программы по Закону Божию, рассмотреть методы его преподавания, решить вопросы о внешкольном влиянии законоучителя на учащихся, рассмотреть учебники по Закону Божию⁹. На съезде обсуждался также вопрос о том, желательна ли священнику совмещать приходскую деятельность с законоучительской, также говорили и об устранении служебных ограничений законоучителя по сравнению с прочими преподавателями (законоучители были лишены многих социальных прав и льгот, которыми обладали светские преподаватели)¹⁰.

⁵ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.): в 4 т. Т. 2. Журналы заседаний Пятого и Шестого отделов и общего собрания Присутствия. М., 2014. С. 8–12.

⁶ Там же. Т. 1. Открытие заседаний Присутствия. Журналы заседаний Первого, Второго, Третьего и Четвертого отделов. М., 2014. С. 803–809.

⁷ Там же. С. 619–621.

⁸ Там же. С. 792–793.

⁹ Благовидов И., прот. Всероссийский съезд законоучителей светских средних учебных заведений, бывший в июле 1909 года в Санкт-Петербурге // Симбирские епархиальные ведомости. 1909. № 19. С. 556–557.

¹⁰ Там же. С. 557–558.

Важным решением съезда было единогласное принятие резолюции на переработку катехизиса митрополита Филарета (Дроздова) и объявление соответствующего конкурса¹¹. Состоявшийся законоучительский Съезд имел большое значение для общественности и образовательной сферы, т.к. на нем впервые громко раздалось голоса, которые обозначили как неблагоприятные условия преподавания закона Божия в светской средней школе, так и общие методические проблемы, и недостатки предмета. Однако современники отмечали, что все же съезд не оправдал надежд общественности и его постановления не были достаточными для решения наиболее острых проблем¹².

Какие же существенные изменения в системе религиозного образования начали происходить вскоре после Февральского переворота и свержения монархии? 20 июня 1917 г. Министерство народного просвещения предписало передать включенные в школьную сеть и получавшие от казны пособия учебные заведения всех ведомств, в т.ч. церковно-приходских школ, в свое ведение¹³. На данное постановление последовала отрицательная реакция Синода. Высший орган церковного управления 3 июля 1917 г. издал указ, в котором содержался призыв сопротивляться передаче государству церковных школ. Однако данный протест оказался безуспешным [7, с. 7].

Февральский переворот сильно усложнил возможности преподавания Закона Божия [13, с. 329–344]. Временное правительство сразу проявило себя в т.н. «религиозном вопросе», опубликовав 14 июля 1917 г. «Закон о свободе совести», провозгласивший свободу религиозного самоопределения для каждого гражданина, начиная с 14 лет¹⁴. Таким образом, Закон Божий потерял свой статус обязательного школьного предмета в связи с означенным возрастом.

Следует отметить, что институт Русской православной церкви при всех неблагоприятных для сохранения и развития религиозного образования в России событиях в начале XX в. не оставался в бездействии. Так, 29 апреля 1917 г. при Святейшем синоде был образован Предсоборный Совет, который работал в Петрограде с 12 июня по 31 июля 1917 г.

¹¹ Благовидов И., прот. Всероссийский съезд законоучителей светских средних учебных заведений, бывший в июле 1909 года в Санкт-Петербурге // Симбирские епархиальные ведомости. 1910. № 1. С. 6.

¹² Там же. № 3. С. 60.

¹³ Постановление Временного правительства «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения» (о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения). 20 июня 1917 г. // Вестник Временного правительства. 1917. № 89. С. 1.

¹⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД). Оп. 10. Д. 57. Л. 45–57.

Он подготовил для предстоявшего Поместного Собора пакет законопроектов по проблематике каждого из десяти своих отделов¹⁵.

Насущными вопросами религиозного образования и просвещения занимался V отдел «О благоустроении прихода». Всеми членами отдела единодушно было признано, что с переходом церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения православный приход ставится в затруднительное положение при осуществлении одной из основных своих задач – религиозно-нравственного просвещения подрастающего поколения. Кроме этого, Советом был отредактирован ранее предложенный на заседании Училищного совета проект особой главы в приходском уставе «Просвещение населения», которая призвана была подчеркнуть культурно-просветительскую роль приходских школ¹⁶.

Отметим также важную работу Всероссийского съезда духовенства и мирян, проходившего с 1 по 12 июня 1917 г. в Москве. На нем обсуждался тревожный вопрос передачи церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения [9, с. 241]. В итоге съезд постановил сохранить школы в ведении Церкви, осуществляя контроль через приход и финансируя школы как из средств церковного бюджета, так и из Государственного казначейства [16, с. 11].

Безусловно, самым главным событием в церковной жизни российского общества в начале XXв. стало открытие Всероссийского Поместного Собора 28 августа 1917 г., первого за 200-летний синодальный период Русской православной церкви. Собор продолжал свою деятельность более года (завершен 20 сентября 1918 г.). Вопросами религиозного образования занимались XIV и XV отделы Собора (о церковно-приходских школах и о Законе Божьем, соответственно).

К началу XX в. система религиозного образования находилась на активной стадии своего становления и развития. Несмотря на возникавшие внутренние проблемы и неурядицы, она имела все шансы выйти на новый уровень, т.к. необходимость ликвидации неграмотности и оздоровление духовно-нравственного облика народа уже четко осознавалась не только церковной общественностью, но и государством в целом. Однако сразу после Февральского антимонархического переворота решения Временного правительства сильно ограничили право Церкви на участие в просвещении и воспитании детей через школу.

¹⁵ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1 (Кн. 1). Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. М., 2012. С. 12.

¹⁶ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1 (Кн. 1). Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. С. 18.

Показательно, что противники христианского православного устройства общества, пришедшие к власти в 1917 г., начали его переустройство, в первую очередь, с разрушения системы религиозного образования, лишая, таким образом, институт Церкви возможности воспитывать молодое поколение страны в соответствии с традиционными русскими духовно-нравственными ценностями, иметь авторитет и влияние в российском социуме в целом. Задача отмены этих ограничений стояла одной из первоочередных на предстоящем Всероссийском Поместном Соборе. К сожалению, говорить о решении данных проблем на практике в то время не приходится, однако даже обсуждения и некоторые попытки решения сложных и многообразных вопросов по организации религиозного образования и духовно-нравственного просвещения в начале XX в. до сих пор остаются актуальными для изучения и могут помочь в их практической реализации в современности.

Библиографический список / References

1. Антипенко Н., свящ. Проблемы преподавания Закона Божия в начале XX в. (по материалам «Церковных ведомостей» (1901–1910 г.)) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 40–46. [Antipenko N. Problems of teaching the Law of God at the beginning of the XX century (based on the materials of the “Church Vedomosti” (1901–1910)). *Journal of the Historical Society St. Petersburg Theological Academy*. 2021. No. 3 (8). Pp. 40–46. (In Rus.)]
2. Дивногорцева С.Ю. Вопросы православного образования в документах Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов // История: факты и символы. 2018. № 1 (14). С. 133–141. [Divnogortseva S.Yu. Questions of Orthodox education in the documents of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918. *Istoriya: fakty i simvoly*. 2018. No. 1 (14). Pp. 133–141. (In Rus.)]
3. Дивногорцева С.Ю. Историко-теоретический анализ православной педагогической культуры в России: Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011. [Divnogortseva S.Yu. *Istoriko-teoreticheskiy analiz pravoslavnoy pedagogicheskoy kultury v Rossii* [Historical and theoretical analysis of Orthodox pedagogical culture in Russia]. Dr. Hab. dis. Moscow, 2011.]
4. Дивногорцева С.Ю. Становление государственной системы педагогического образования в дореволюционной России // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2010. № 2 (17). С. 42–49. [Divnogortseva S.Yu. The formation of the state system of pedagogical education in pre-revolutionary Russia. *St. Tikhon’s University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 2010. No. 2 (17). Pp. 42–49. (In Rus.)]
5. Желваков Н.А. Хрестоматия по истории педагогики. Т. IV. История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции. М., 1936. [Zhelvakov N.A. *Khrestomatiya po istorii pedagogiki* [Textbook

- on the history of pedagogy]. Vol. IV. The history of Russian pedagogy from ancient times to the Great Proletarian Revolution. Moscow, 1936.]
6. Житинев Т.Е. Деятельность Русской православной церкви в сфере народного образования в конце XIX – начале XX века // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 19 (138). Вып. 24. С. 109–113. [Zhitinev T.E. The activity of the Russian Orthodox Church in the field of public education at the end of the XIX – beginning of the XX century. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2012. No. 19 (138). Issue 24. Pp. 109–113. (In Rus.)]
  7. Житенев Т.Е. Церковноприходские школы в политике Временного правительства // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2014. № 3 (16). С. 1–11. [Zhitenev T.E. Parish schools in the policy of the Provisional Government. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*. 2014. No. 3 (16). Pp. 1–11. (In Rus.)]
  8. Житенев Т.Е. Церковноприходские школы в России 1884–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. [Zhitenev T.E. *Tserkovnoprikhodskie shkoly v Rossii 1884–1918 gg.* [Parish schools in Russia 1884–1918]. PhD dis. Moscow, 2004.]
  9. Каиль М.В. Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. // Новейшая история России. 2013. №1 (6). С. 241–255. [Kail M.V. The Church in the revolution: Organization and work of the All-Russian Congress of Clergy and Laity in 1917. *Modern History of Russia*. 2013. No. 1 (6). Pp. 241–255. (In Rus.)]
  10. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. [Leontieva T.G. *Vera i progress: Pravoslavnoe selskoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Faith and progress: The Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Moscow, 2002.]
  11. Майорова Н.С. Государство, церковь, школа и их взаимоотношения в 1917–1929 гг.: на материалах Верхнего Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2000. [Mayorova N.S. *Gosudarstvo, tserkov, shkola i ikh vzaimootnosheniya v 1917–1929 gg.: na materialakh Verkhnego Povolzhya* [State, church, school and their relationships in 1917–1929: On the materials of the Upper Volga region]. PhD dis. Kostroma, 2000.]
  12. Налётова Н.Ю. Генезис православного образования в контексте культурно-исторического развития России: Дис. ... д-ра пед. наук. Смоленск, 2014. [Naletova N.Yu. *Genezis pravoslavnogo obrazovaniya v kontekste kulturno-istoricheskogo razvitiya Rossii* [The genesis of Orthodox education in the context of cultural and historical development of Russia]. Dr. Hab. dis. Smolensk, 2014.]
  13. Новоторцева А.М. Новейшая зарубежная историография 60–90-х гг. о проблеме возрождения политического масонства в России в начале XX в. (о причинах, этапах, инициаторах) // Революции в России: Теория и практика социальных преобразований: Сб. статей по итогам Международной научной конференции 7–8 ноября 2017 г. МПГУ. М., 2018. С. 329–344. [Novotortseva A.M. The newest foreign historiography of the 1960–1990s on the problem of the revival of political freemasonry in Russia at the beginning

- of the XX century (on the causes, stages, initiators). *Revolyuitsii v Rossii: Teoriya i praktika sotsialnykh preobrazovaniy*. Moscow, 2018. Pp. 329–344. (In Rus.)]
14. Осипова Е.С. Поместный собор православной церкви. 1917–1918 гг. // Вопросы научного атеизма. Вып. 3. М., 1967. С. 204–224. [Osipova E.S. The Local Cathedral of the Orthodox Church. 1917–1918. *Voprosy nauchnogo ateizma*. Issue 3. Moscow, 1967. Pp. 204–224. (In Rus.)]
  15. Шибишевский В.И. Работа Отдела «О преподавании Закона Божия» на Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 1 (4). С. 129–134. [Przybyshevsky V.I. The work of the Department “On teaching the Law of God” at the Local Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918. *Journal of the Historical Society St. Petersburg Theological Academy*. 2020. No. 1 (4). Pp. 129–134. (In Rus.)]
  16. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о религиозном образовании / Сост. Т.Е. Житенев; Под общ. ред. А.И. Мраморнова. М.; Старая Потловка Пензенской обл., 2022. [Svyashchennyy Sobor Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi 1917–1918 gg. o religioznom obrazovanii [The Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918 on religious education]. T.E. Zhitenev (compiler); A.I. Marbornov (ed.). Moscow; Staraya Potlovka, Penza region, 2022.]
  17. Синельников С.П. Документы Государственного архива Российской Федерации о православном образовании в конфессиональной политике Временного правительства // Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. № 3 (12). С. 34–50. [Sinelnikov S.P. Documents of the State Archive of the Russian Federation on Orthodox education in the confessional policy of the Provisional Government. *Humanitarian Researches of the Central Russia*. 2019. No. 3 (12). Pp. 34–50. (In Rus.)]
  18. Синельников С.П. Преподавание Закона Божия в учебных заведениях России до 1917 года // Богослов.ru. 2009. URL: <https://bogoslov.ru/article/453126> (дата обращения: 15.01.2023). [Sinelnikov S.P. Teaching the Law of God in educational institutions of Russia before 1917. Scientific theological portal Bogoslov.ru. 2009. URL: <https://bogoslov.ru/article/453126> (In Rus.)]
  19. Синельников С.П. Разработка концепции религиозного образования в документах Священного Собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2010. № 36. С. 36–47. [Sinelnikov S.P. Development of the concept of religious education in the documents of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918. *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 2010. No. 36. Pp. 36–47. (In Rus.)]
  20. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005. М., 2007. [Tsypin V. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Sinodalnyy i noveyshiy periody. 1700–2005 [The History of the Russian Orthodox Church. Synodal and modern periods. 1700–2005]. Moscow, 2007.]

Статья поступила в редакцию 11.04.2023, принята к публикации 01.06.2023
The article was received on 11.04.2023, accepted for publication 01.06.2023

Сведения об авторах / About the authors

Новоторцева Анна Михайловна – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Anna M. Novotortseva – PhD in History; associate professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: am.novotorceva@mpgu.su

Новикова Юлия Денисовна – магистрант по программе «Управление профессиональным ростом учителя истории» Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Yulia D. Novikova – master’s student in the program “Management of professional growth of a history teacher” of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: novikovayu55@gmail.com

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

Е.В. Бодрова¹, В.В. Калинов², В.Н. Красивская¹

¹ МИРЭА – Российский технологический университет,
119454 г. Москва, Российская Федерация

² Российский государственный университет нефти и газа
(национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина,
119991, г. Москва, Российская Федерация

Государственная политика в нефтегазовом секторе СССР в 1950–1970-е гг.: достижения и просчеты

На основе изучения архивных документов, ставших доступными в настоящее время, исследуются отдельные аспекты активно обсуждающейся проблемы эволюции государственной политики СССР в нефтегазовой сфере в 1950–1970-е гг. Доказано, что вектор послевоенного социально-экономического развития страны, нужды экспорта во многом определяли методы управления нефтегазовым комплексом Советского Союза и темпы его роста. Формулируется вывод о том, что развитие мощного нефтегазового комплекса СССР в позднесоветский период явилось масштабным общенациональным проектом. Шло освоение новых, прежде всего, восточных регионов страны. Активизировались геолого-поисковые и разведочные работы. Было открыто значительное число крупных нефтяных и газовых месторождений. Этот курс был призван обеспечить амбициозные собственные планы и потребности в ресурсах союзников и развивающихся стран. Во многом подобная расточительность была связана с тем, что открытие крупных нефтяных месторождений обусловило появление новых концепций их разработки, основанных на убеждении о якобы «неограниченных» запасах нефти. Представлялась правильной ускоренная их разработка при ограниченных капитальных вложениях. Однако последующие события доказали порочность таких подходов и выбранного курса.

© Бодрова Е.В., Калинов В.В., Красивская В.Н., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: нефтегазовый фактор в 1950–1970-е гг., нефтегазовый комплекс СССР, государственная политика СССР, промышленность СССР, нефтеэкспорт СССР

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Бодрова Е.В., Калинов В.В., Красивская В.Н. Государственная политика в нефтегазовом секторе СССР в 1950–1970-е гг.: достижения и просчеты // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 57–72. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-57-72

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-57-72

E.V. Bodrova¹, V.V. Kalinov², V.N. Krasivskaya¹

¹ MIREA – Russian Technological University,
Moscow, 119454, Russian Federation

² National University of Oil and Gas “Gubkin University”,
Moscow, 119991, Russian Federation

State policy in the oil and gas sector of the USSR in the 1950–1970s: Achievements and miscalculations

Based on the study of archival documents that have recently become available, some aspects of the actively discussed problem of the evolution of state policy in the oil and gas sector in the 1950–1970s are investigated. It is proved that the vector of the post-war socio-economic development of the country, the needs of exports largely determined the management methods of the country's oil and gas complex and its growth rates. The conclusion is formulated that the development of the country's powerful oil and gas complex in the late Soviet period was a large-scale nationwide project. The development of new, primarily eastern regions of the country was underway. Geological prospecting and exploration work had intensified. A significant number of large oil and gas fields had been discovered. This course was designed to meet the ambitious plans and resource needs of Allies and developing countries. In many ways, such wastefulness was due to the fact that the discovery of large oil fields led to the emergence of new concepts for their development, based on the belief about supposedly

"unlimited" oil reserves. It seemed right to accelerate their development with limited capital investments. However, subsequent events proved the depravity of such approaches and the chosen course.

Key words: oil and gas factor in the 1950–1970s, USSR oil and gas complex, USSR state policy, USSR industry, USSR oil export

FOR CITATION: Bodrova E.V., Kalinov V.V., Krasivskaya V.N. State policy in the oil and gas sector of the USSR in the 1950–1970s: Achievements and miscalculations. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 57–72. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-57-72

Актуальность темы исследования определяется значимостью нефтегазового фактора в отечественной истории, остротой дискуссий относительно «сырьевой ловушки», в которую в определенный период попал СССР, и кризисом с поставками нефти и газа из современной России.

Вектор послевоенного социально-экономического развития страны, нужды экспорта во многом определяли методы управления нефтегазового комплекса страны и темпы его роста. Исследованию этой проблемы посвящены труды А.А. Иголкина, В.П. Карпова, М.В. Славкиной и других авторов [2; 3; 7; 8]. Особый интерес в этой связи представляет монография В.Л. Некрасова «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.), в которой рассматривается проблема экономической и технологической модернизации СССР в период правления Н.С. Хрущева через призму внутренних и внешних вызовов советской системы [6].

Между тем архивные документы, ставшие доступными для изучения в настоящее время, позволяют с большей точностью проанализировать отдельные ее аспекты.

Правомерно в этой связи напомнить, что экспорт нефтепродуктов в послевоенный период был незначительным, хотя еще до окончания военных действий СССР стал поставлять странам Восточной Европы нефть и нефтепродукты [5, с. 184]. Однако, согласно статистическим данным, до 1948 г. сырая нефть не вывозилась вообще. В 1949 г. ее экспортировали, но в 8 раз меньше, чем нефтепродуктов. С 1946 по 1950 г. добыча нефти в СССР увеличилась на 16,1 млн т, а нефтеэкспорт – только на 0,6 млн т¹. Доля СССР в мировом экспорте составляла 1,2%, страна занимала 10 место на мировом нефтяном рынке [8, с. 144]. Но вскоре

¹ Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1918–1966. М., 1967. С. 80–81; Народное хозяйство СССР в 1960 году. М., 1961. С. 262.

доля топливно-энергетических ресурсов в экспорте существенно изменилась: если в начале 1950-х гг. она составляла 3,9%, то уже в 1955 г. выросла до 9,6%, а затем продолжала увеличиваться². Еще в 1955 г. вывоз нефтепродуктов преобладал (почти в 3 раза). В последующие 5 лет увеличился в 3 раза экспорт нефти и нефтепродуктов в социалистические страны, в 2,6 раза – в развивающиеся. Впервые на экспорт отправляли по преимуществу сырую нефть, объем которой в 1959 г. превысил продажу нефтепродуктов [2, с. 88].

В этой связи представляет интерес документ, повествующий о событии, который предшествовал началу нефтеэкспорта в западноевропейские страны. В августе 1957 г. по просьбе Секретариата Европейской экономической комиссии ООН состоялась встреча представителей этой комиссии и эксперта Министерства электростанций СССР Н. Караваев, который обсуждал с директором Энергетических секций П. Советтом вопрос экспорта из СССР в западноевропейские страны угля, нефти и электроэнергии. Суть беседы сводилась к тому, что в связи «с острой нуждой» европейских стран в топливе и электроэнергии, Европейская экономическая Комиссия с удовлетворением отмечала готовность СССР к расширению сотрудничества с западноевропейскими странами в области поставок топлива и электроэнергии. Речь шла о советской ноте от 16 марта 1957 г.

В последующем на различных совещаниях в Женеве советские представители заявляли о принципиальном согласии увеличить экспорт топлива из СССР, однако в этих заявлениях не было технических деталей. Поэтому Европейская экономическая Комиссия стремилась получить у советских экспертов конкретные данные о возможных количествах, видах и сроках поставок из СССР топлива в Западную Европу с тем, чтобы организовать в кратчайшие сроки в Женеве встречу соответствующих представителей стран-покупателей и торговыми представителями СССР. Более того, предлагалась помощь в шахтном строительстве путем поставки материалов и горно-технического оборудования или предоставления кредита³.

На заключительной встрече советского эксперта с П. Советтом, начальником секции топлива Чельстремом, инженером Розе и председателем Секции перспективы Даймом Н. Караваев была выражена благодарность за предоставленную статистику об имевшихся ресурсах угля, кокса, газа, электричества, но одновременно особо отмечалось

² Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1918–1966. М., 1967. С. 73.

³ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС). Д. 67. Л. 149.

в качестве существенного пробела отсутствие баланса по нефтепродуктам. Особенное впечатление на Севетта, по словам Н. Каравай, произвели указанные в записке темпы развития топливной промышленности и энергетики, особенно нефти, газа и гидроэлектроэнергии; новостью явились сдвиги в удельном весе различных видов топлива в топливном балансе СССР, из которого было видно падение значения такого традиционного топлива России, как уголь. Убедительно была показана мощь восточной части СССР по топливным и гидроэнергетическим ресурсам⁴. Одновременно П. Севетт заметил существенный недостаток: отсутствие долгосрочного прогноза развития до 1970–1975 гг.

И все же главным предметом разговора являлся вопрос о международной торговле топливом и электроэнергией. Собеседников интересовали конкретные объемы и сроки возможных поставок. Причем особо подчеркивалось, что речь идет не только об угле, но и о нефти. Советский эксперт особо отметил такое замечание П. Севетта о взаимной выгоде: «Советский Союз, продавая свои товары, должен получать по соответствующим ценам нужные ему товары. Правда, не у всех есть товары, необходимые СССР. Возможно, что у итальянцев нет нужных товаров, но зато итальянцы могут предложить апельсины и лимоны»⁵. Представители европейской комиссии поинтересовались, потребуются ли в случае расширения поставок угля в Европу дополнительные капиталовложения в угольную промышленность. Н. Каравай справедливо ответил, что это зависит от объемов. Европейские представители заявили о настолько острой необходимости в ресурсах, что выразили готовность поддержать развитие шахт. Основные вопросы, которые интересовали собеседников, касались путей и объемов поставок угля в Европу из Донбасса, возможностей нового шахтного строительства в этом регионе. Интерес вызвали и возможные поставки электроэнергии. Новостью для П. Севетта была информация об уже развивающемся сотрудничестве СССР с Финляндией, Норвегией и Ираном по поставкам электроэнергии⁶.

4 декабря 1957 г. заместитель заведующего Отделом машиностроения ЦК КПСС В.С. Фролов информировал ЦК КПСС о рассмотрении полученных предложений. Госплан СССР и Министерство внешней торговли СССР занимались этими вопросами, проектом плана на 1958 г. было предусмотрено значительное расширение поставок топлива за границу.

⁴ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС). Д. 67. Л. 150–154.

⁵ Там же. Л. 152.

⁶ Там же. Л. 154.

Вопрос экспорта электроэнергии изучался Госпланом СССР совместно с Министерством электростанций⁷.

27 мая – 1 июня 1957 г. состоялась конференция в Будапеште, посвященная 100-летию газовой промышленности и 50-летию организации производства паровых турбин в Венгрии. Присутствовали делегации из ГДР, Польши, Чехословакии, Румынии, СССР, Австрии и ФРГ. Представители делегации СССР выступили с докладами «Пути развития турбостроения СССР» (чл.-корр. АН СССР А.В. Щеглев), «Развитие газовой промышленности в СССР» (инженер П.Л. Кузнецов) и др. В отчете о конференции его авторы особо отмечали не юбилейный ее характер, а явно преобладающий интерес к удовлетворению не только текущих потребностей в ресурсах за счет СССР, но и на перспективу. Делался акцент на возникших там «исключительных» ресурсных затруднениях⁸. Действительно, запасы угля в Венгрии были ограничены, отличались низким качеством. Особые надежды представители этой страны возлагали на поставки газа из Румынии (намечается строительство газопровода 350 км). Одновременно авторы отчета отмечали приверженность старой технической интеллигенции Венгрии традициям западной технической школы, главным образом немецкой, но ссылались и на частые жалобы относительно редких связей с советскими специалистами.

Специалистами Министерства химической и тяжелой промышленности Венгрии большой интерес был проявлен к вопросам проектирования и организации строительства магистральных газопроводов. Высказывалось пожелание, поддержанное другими делегатами, об организации ежегодных энергетических конференций стран народной демократии⁹. В отчете акцентировалось внимание на сообщениях представителей Венгрии о загруженности промышленности не более чем на 75% из-за недостатка угля и мазута. По этой причине было недогружено машиностроение и имел место излишек рабочей силы. Положение, по их словам, должно было обостриться к январю-февралю 1958 г., т.к. не существовало возможности создать необходимые зимние запасы. Представители Венгрии говорили о желательности получить дополнительно к поставке 35 тыс. т мазута, 100 тыс. т газовых углей, 70 тыс. т коксующихся углей и около 400 тыс. т энергетических углей для загрузки промышленности¹⁰.

⁷ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС). Д. 67. Л. 160.

⁸ Там же. Л. 63–72.

⁹ Там же. Л. 67–68.

¹⁰ Там же. Л. 70–71.

Вопрос обеспечения стран-участниц СЭВ, в том числе Венгерской Народной Республики, каменным углем, коксом, нефтью и нефтепродуктами был рассмотрен по поручению VIII Сессии СЭВ на совещании представителей госпланов и внешнеторговых организаций этих стран в сентябре 1957 г. в Москве. Были приняты рекомендации по взаимным поставкам на 1958–1960 гг.¹¹

Исследователь М.В. Славкина полагает, что подобный баланс экспорта сложился уже в 1953 г. По ее расчетам, именно с этого года по 1965 г. среднегодовой прирост вывоза нефти увеличился более чем в 9 раз и составил 6,22 млн т. Причем особенно заметен был рост в 1958–1961 гг. В первой половине 1960-х гг. СССР занимал 4-е место в мире, доля в общемировом экспорте углеводородов составляла 13% [8, с. 144]. До 1959 г. вывоз нефти в соцстраны существенно опережал другие виды нефтяного экспорта, в 1965 г. на долю этих стран приходилось 25,6 млн т. Все более во внешнеторговых отношениях с соцстранами активно работала схема «сырье – готовая продукция» [3, с. 146]. Союзники обеспечивались и дешевым сырьем, и возможностью сбыта более дорогой готовой продукции.

В докладе Госплана СССР по проекту основных направлений развития народного хозяйства страны на 1966–1970 гг., который был представлен в ЦК КПСС и Совет Министров СССР 28 августа 1964 г., прямо заявлялось: «Ускоренное развитие добывающих отраслей промышленности необходимо как с учетом внутренних потребностей, так и структуры внешней торговли, имея ввиду, что СССР вывозит большое количество продукции добывающей промышленности, прежде всего для обеспечения экономики стран – членов СЭВ и других социалистических стран»¹². В 1970 г. поставки нефти в страны – члены СЭВ должны были вырасти до 32 млн т (в 1965 г. – 17,9 млн т). СССР удовлетворял потребности этих стран в углеводородном сырье на 77%, «несмотря на напряженность топливно-энергетического баланса СССР»¹³. ЦК КПСС и Совет Министров СССР настоятельно требовали от союзных республик, министерств и ведомств обеспечить предпосылки «для полного выполнения обязательств СССР по поставкам товаров в страны – члены СЭВ и по оказанию содействия в ускоренном развитии экономики этих стран»¹⁴.

¹¹ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС). Д. 67. Л. 80–81.

¹² Там же. Д. 207. Л. 10.

¹³ Там же. Л. 97.

¹⁴ Там же. Л. 211.

Эти поставки должны были удовлетворить потребности союзников на 90–95% и позволить им развивать высокими темпами свое машиностроение. Примечательно, что запросы по нефти удовлетворялись на 77%, по углю – на 82%, по электроэнергии – на 70%. Дальнейшее улучшение структуры топливно-энергетического баланса этих стран должно было обеспечиваться «путем более тесного многостороннего сотрудничества в рамках СЭВ», а также путем завоза нефти не только из СССР, но и из стран Среднего Востока и Северной Африки¹⁵.

Импортировал СССР из ЧССР, ГДР, ПНР, ВНР значительное количество комплектных установок и отдельных производств для химической и нефтеперерабатывающей промышленности стоимостью примерно 1 млрд руб. Одновременно предусматривалось существенное увеличение к 1970 г. импорта различного рода продукции (обувь, одежда, ткани, мебель, продукты питания) до 3,3 млрд руб. (в 1964 г. – 1,7 млрд руб.)¹⁶.

В дальнейшем предусматривалось развитие внешней торговли и экономическое сотрудничество СССР, исходя из задачи дальнейшего увеличения внешнеторгового оборота, «на основе улучшения структуры экспорта советских товаров за счет преимущественного роста вывоза машин и оборудования и других товаров с высокой валютной выручкой»¹⁷.

Планировалось увеличить товарооборот с Кубой и Югославией, сохранить объемы торговли с КНДР и Вьетнамом. В отношении Китая товарооборот предусматривался в расчетах без увеличения против настоящего уровня, при этом поставки из СССР товаров стратегического значения, а также «специмущества» не планировались¹⁸. Направления технического содействия СССР с развивающимися странами определялись с учетом необходимости оказания им помощи в создании собственной индустриальной базы, а также в проведении геологоразведочных работ, в дорожном, транспортном и ирригационном строительстве и организации сельскохозяйственных предприятий¹⁹. Машины и оборудование, «спецтехника и специмущество» поставлялись в значительной мере в счет кредитов. Общая сумма за 1966–1970 гг. составила 4,6 млрд руб. (1,8 млрд руб. коммерческие кредиты, 2,8 млрд – государственные). Экспорт продовольственных товаров не предусматривается, кроме сахара, рыбы и рыбных консервов²⁰.

¹⁵ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС). Д. 207. Л. 97.

¹⁶ Там же. Л. 98.

¹⁷ Там же. Л. 91.

¹⁸ Там же. Л. 92.

¹⁹ Там же. Л. 93.

²⁰ Там же. Л. 95, 97.

Товарооборот с капиталистическими странами выражался прежде всего в импорте «квалифицированной» продукции машиностроения, дефицитных видов сырья и материалов, проката черных металлов, стальных труб, некоторой продукции химической промышленности. Объемы закупок должны были вырасти до 1,2 млрд руб. в 1970 г. против 1 млрд руб. в 1965 г.²¹

Успехи советской газовой промышленности, открытие богатейших запасов углеводородов в Западной Сибири вызвали живой интерес в Западной Европе. Так, в 1966 г. Королевская Академия наук Швеции обратилось в Министерство газовой промышленности СССР с предложением выступить советским ученым с докладом на эту тему на ежегодных Нобелевских чтениях. Министр газовой промышленности А.В. Кортунов с этой целью направил заместителя директора ВНИИгаза по научной работе Ю.П. Коротаева. В своем докладе «Добыча, транспорт и переработка природного газа в СССР» Ю.П. Коротаев рассказал о состоянии советской газовой промышленности, о перспективах ее развития. Большое внимание было уделено вопросам ресурсной базы промышленности, принципам комплексного проектирования разработок месторождений природного газа, преимуществам использования газа по сравнению с другими видами топлива.

По сути, западная сторона впервые от авторитетного эксперта получила информацию о развитии одной из перспективных отраслей советской промышленности. Докладчику было задано множество вопросов о ресурсной базе природного газа, о способах его доставки в Швецию через Финляндию, Прибалтику. Большой интерес к этой проблеме был вызван испытываемым в то время Швецией острым дефицитом газа. Доклад даже был опубликован в 1967 г. в трудах Шведской Академии наук [4, с. 15–16].

Согласно подсчетам С.И. Дегтева, из-за разницы цен и затрат на производство нефти и газа для стран СЭВ Советский Союз только в 1966–1970 гг. потерял около 600–700 млн руб. Исследователь пишет о «прекраснодушии» руководства страны, которое шло вразрез со всеми канонами рационального хозяйствования [1, с. 474, 477]. В социалистические страны с помощью СССР строили нефтеперерабатывающие заводы. Одновременно Куба, Болгария, Польша успешно осуществляли реэкспорт нефти. В первой половине 1960-х гг. экспорт углеводородного сырья СССР в капиталистические страны составлял уже 6% мирового нефтяного экспорта [4, с. 154]. В 1964 г. по нефтепроводу

²¹ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС). Д. 207. Л. 93.

«Дружба» пошла сырая нефть в Восточную Европу. Подобная политика была крайне расточительной: в 1966–1970 гг. странам СЭВ поставлялась сырая нефть по цене 15–18 руб. за тонну, что не могло возместить даже затрат на добычу и транспортировку нефти [1, с. 482–484]. И после энергетического кризиса 1973 г. поставки нефти в восточноевропейские страны осуществлялись по заниженным ценам: цена в 1976 г. оказалась равна средней мировой за 1971–1975 гг. [8, с. 108].

Полагаем, что с середины 1960 г. по середину 1980-х гг. возможно выделить в качестве отдельного этапа в эволюции государственной политики в нефтегазовой сфере. В 1964 г. закончилось правление Н.С. Хрущева. 28 августа 1964 г. Госпланом СССР были представлены в ЦК КПСС и Совет Министров СССР доклад и план «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг.». Оба документа, как и проект Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, имели гриф «совершенно секретно» и были рассекречены только в 1990-е гг. Согласно им, в качестве важнейшей была определена задача резко ускорить развитие народного хозяйства в предстоящий пятилетний период, т.к. выявились серьезные проблемы в советской экономике, фиксировалось значительное отставание по многим показателям от США. Производительность труда в советской промышленности составляла всего 40–50% от американской, производство природного газа – 22%, нефти – всего 55%²². Все более нуждался в топливе транспорт. В 1950–1960 гг. двигатель внутреннего сгорания, дизельный и турбореактивный, пришел на смену паровому, во многом благодаря доступности нефтепродуктов. Переворот в транспорте связал огромные территории страны, имел значительные социальные последствия, в немалой степени обеспечил мощный экономический рост: рост валовой продукции промышленности составил с 1950 г. по 1965 г. 4,5 раза – 357%²³.

В качестве важнейших задач в развитии нефтедобывающей промышленности определялось создание новых мощных центров добычи в районах Западно-Сибирской низменности (Тюменская обл.) и в Западном Казахстане (Мангышлак), добычу нефти по которым намечалось довести в 1970 г. до 34–45 млн т. Значительная роль отводилась также новым нефтедобывающим районам в Оренбургской и Пермской областях, Украинской ССР, Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР. Должна была увеличиться добыча нефти и на уже разрабатываемых месторождениях. Требовалось улучшить структуру топливного баланса страны,

²² Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС). Д. 270. Л. 102, 104.

²³ Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С. 82, 220; Народное хозяйство в СССР в 1969 г. М., 1970. С. 52.

создать прочную сырьевую базу для химической отрасли, обеспечить высокие темпы развития нефтегазового комплекса. В 1970 г. планировалось довести удельный вес нефти и газа в общем производстве топлива до 61–62%, тогда как в 1965 г. он составлял 53%. Особо подчеркивалась необходимость внедрения новых методов разработки нефтяных месторождений и интенсификации добычи нефти (закачка газа и воды в пласт под высоким давлением, гидроразрыв пласта и др.), создания и внедрения комплексной автоматизации и телемеханизации производственных процессов с применением вычислительной техники, а также повышения скоростей бурения глубоких скважин в результате внедрения новой техники и улучшения организации буровых работ. Намечалось увеличить разведочное бурение с целью общей объем добычи нефти увеличить в 1970 г. в 1,5 раза против 1965 г.²⁴

Внедрение новых методов предусматривалось и для повышения качества продукции нефтеперерабатывающей промышленности. Речь шла о таких методах, как гидроочистка топлива, каталитического крекинга и риформинга, гидрокрекинга, термодифракционного коксования и др. На этой основе к 1970 г. планировалось до 70% бензина выпускать с октановым числом 72, 85 и выше против 13% в 1964 г. Главной задачей нефтепереработки определялось улучшение качества нефтепродуктов, обеспечение нефтехимии сырьем органического синтеза и наиболее рациональное размещение создаваемых мощностей по переработке нефти²⁵.

В 1970 г. добыча газа должна была увеличиться более чем в 2 раза по сравнению с 1965 г., попутного нефтяного газа – в 1,5 раза. При этом подчеркивалось, что рост объемов добычи примерно на 34% должен быть обеспечен прежде всего за счет еще не выявленных месторождений. Планировалось разработать и внедрить эффективные методы раздельной эксплуатации нескольких горизонтов газовых и газоконденсатных многопластовых месторождений одной скважиной (метод одновременной раздельной эксплуатации – ОРЭ), а также обеспечить широкое применение высокоэффективных процессов переработки газов. Для сокращения потерь намечалось строительство и ввод в действие газосборных сооружений, газобензиновых заводов и установок на нефтепромыслах в объемах, обеспечивающих повышение использование в народном хозяйстве продуктов нефти и газа в 1970 г. до 85% против 61,4% в 1963 г.²⁶

²⁴ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС). Д. 207. Л. 35.

²⁵ Там же. Л. 35–36.

²⁶ Там же. Л. 41.

Акцентировалось внимание и на значимости увеличения минерально-сырьевых ресурсов страны с целью обеспечения разведанными запасами действующих, строившихся и проектируемых предприятий. Особо отметим, что по большинству полезных ископаемых прирост запасов в 2–3 раза превышал размеры добычи. Такого рода стратегия представляется особенно актуальной для современной России. Намечалось первоочередное развитие геологоразведочных работ по нефти и газу, алюминиевому сырью, меди, никелю, олову и другим важнейшим цветным и редким металлам, по коксующимся и энергетическим углям, по богатым железным, марганцевым и хромовым рудам. Объем глубокого разведочного бурения на нефть и газ должен был составить 47 млн куб. м²⁷.

В ряду важнейших направлений предусматривалось ускоренное развитие районов восточного Урала. Добыча угля должна была увеличиться там на 33% , в целом в СССР – на 17–18%, добыча газа – в 3,9 раза, тогда как в целом в СССР – в 2 раза²⁸.

Одновременно отмечалось, что развитие этих регионов невозможно без решения демографического вопроса. Для обеспечения опережающего развития восточных районов предлагалось учесть опыт прошлых лет и разработать специальные мероприятия по привлечению трудовых ресурсов и, прежде всего, улучшить жилищные и культурно-бытовые условия, развивать мясо-молочное и овощное хозяйство вблизи промышленных центров, а также торговлю и общественное питание²⁹.

Планы были достаточно амбициозными. При намеченных среднегодовых темпах прироста промышленной продукции в предстоящем пятилетии в 8,7–9,0% СССР в 1970 г. планировалось превзойти текущий (1963 г.) объем промышленного производства США на 16% и почти достигнуть современного уровня выпуска промышленной продукции США в расчете на душу населения. С учетом возможных среднегодовых темпов прироста промышленного производства США, СССР в 1970 г. должен был выпускать примерно 90% от объема промышленного производства США в целом и примерно 75–80% – в расчете на душу населения³⁰.

Значительное отставание СССР от США по производству предметов потребления объяснялось тем, что в структуре промышленной продукции СССР доля средств производства оказалась выше, чем в США, главным образом в связи с необходимостью обеспечения высоких темпов

²⁷ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС). Д. 207. Л. 41–42.

²⁸ Там же. Л. 80.

²⁹ Там же. Л. 82.

³⁰ Там же. Л. 100.

расширенного воспроизводства, развития производства сырья и материалов «не только для собственных нужд, но и для удовлетворения потребностей стран-членов СЭВ, а также ввиду значительных затрат на оборону»³¹.

Одновременно признавалось, что отставание от США по уровню производительности труда в сельском хозяйстве, «хотя и несколько уменьшается, но еще будет значительным»³². Национальный доход по объему в СССР должен был составить 80–85%, но менее благоприятно складывалось положение в отношении распределения национального дохода, отмечали авторы доклада. Более высокая в СССР, чем в США, норма накопления национального дохода вызывала большее отставание СССР от США по размерам фонда потребления при равных объемах национального дохода³³.

В этих условиях значение «нефтегазового фактора» еще более возросло. В целях обеспечения намеченного развития нефтедобывающей промышленности предусматривалось создать в короткие сроки новые крупные нефтедобывающие центры, а также увеличить добычу в Башкирской и Татарской АССР, Азербайджанской ССР и в Средней Азии. Прирост промышленных запасов нефти должен был быть обеспечен в 1,6–1,7 раз³⁴. А потому требовалось активизировать геолого-поисковые и разведочные работы на нефть и газ в новых перспективных районах и поиски на нефть и газ в глубоко залегающих горизонтах на месторождения Закавказья, Северного Кавказа, Средней Азии и других районах страны, увеличить скорость бурения, внедрять новые методы разработки нефтяных месторождений и интенсификацию добычи нефти (гидроразрыв пласта, закачку воды и газа в пласт под высоким давлением, применение ПАВ, освоение эксплуатации глубоких нефтяных скважин, внедрение бесштанговых насосов, комплексной автоматизации и телемеханизации производства с применением вычислительной техники, создание новых и улучшение существовавших систем отбора, подготовки, хранения и транспорта нефти и попутного газа с использованием пластовой энергии и т.д.)³⁵.

В республиках Средней Азии предусматривалось ускоренное развитие ведущих отраслей промышленности (химической, нефтяной,

³¹ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС). Д. 207. Л. 101.

³² Там же. Л. 104.

³³ Там же.

³⁴ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС). Д. 207. Л. 130.

³⁵ Там же. Л. 131.

газовой, цветной металлургии, электроэнергетики), доведение добычи нефти до 19 млн т, газа – до 66 млрд м³, причем значительно планировалось увеличить добычу нефти и газа в Туркменской и Узбекской ССР³⁶.

Но особо выделялась задача создания крупной общесоюзной промышленной базы по добыче нефти и газа в Тюменской области. На развитие Западной Сибири и Дальнего Востока планировалось направить примерно 30% от общего объема капиталовложений по РСФСР. Предусматривалась активизация геологоразведочных работ в восточных районах и особенно – подготовки к промышленной эксплуатации месторождения нефти и газа, фосфоритов, глинозема, руд черных, цветных и редких металлов³⁷.

Трудно переоценить в этой связи значение Западно-Сибирского региона. Но с точки зрения В.П. Карпова, реализовывалась стратегия: «Брать нефть как можно быстрее, дешевле, сконцентрировавшись на основном звене и отбрасывая все, что не определяло очередной шумный успех и рекорд» [3]. Учеными и специалистами предлагался иной вариант: комплексный, с опережающим строительством нефтеперерабатывающих предприятий, развитием транспортной инфраструктуры, созданием производственных баз, решением социальных проблем. Возглавлял Главтюменнефтегаз с ноября 1965 г. до 1977 г. В.И. Муравленко, который, подчинившись курсу, определенному руководством страны, выбрал основным приоритетом форсированные темпы. Поэтому регион развивался однобоко, с доминированием добывающих отраслей, с излишне затраченными ресурсами. Этот выбор неоднозначно оцениваемого курса объясняется В.П. Карповым склонностью экономической системы к экстенсивному саморасширению [Там же].

Таким образом, развитие мощного нефтегазового комплекса страны в позднесоветский период явилось масштабным общенациональным проектом. Шло освоение восточных регионов страны. Активизировались геолого-поисковые и разведочные работы, было открыто значительное число крупных нефтяных и газовых месторождений. Этот курс был призван обеспечить амбициозные собственные планы и потребности в ресурсах стран – членов СЭВ и развивающихся стран. Во многом подобная расточительность была связана с тем, что открытие крупных нефтяных месторождений обусловило появление новых концепций их разработки, основанных на убеждении о якобы «неограниченных» запасах нефти. Представлялась правильной ускоренная их разработка при ограниченных капитальных вложениях. Однако последующие события доказали порочность таких подходов и выбранного курса.

³⁶ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 40 (Отдел машиностроения ЦК КПСС). Д. 207. Л. 193–194.

³⁷ Там же. Л. 182.

Библиографический список / References

1. Дегтев С.И. Внешнеэкономические аспекты хозяйственной реформы 1965 г. (На примере нефтяной промышленности СССР) // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991) / Под общ. ред. В.Ю. Алекперова. М., 2005. С. 456–490. [Degtev S.I. Foreign economic aspects of the economic reform of 1965 (On the example of the USSR oil industry). *Neft strany Sovietov. Problemy istorii neftyanoy promyshlennosti SSSR (1917–1991)*. V.Yu. Alekperov (ed.). Moscow, 2005. Pp. 456–490. (In Rus.)]
2. Иголкин А.А. Нефтяной фактор во внешнеэкономических связях России за последние 100 лет // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 1. С. 87–93. [Igolkin A.A. The oil factor in Russia's foreign economic relations over the past 100 years. *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008. Vol. 6. No. 1. Pp. 87–93. (In Rus.)]
3. Карпов В.П. Нефтегазовый профиль индустриализации Тюменской области. 1960–1980-е годы // Налоги. Инвестиции. Капитал. 2004. № 5–6. URL: <http://nic.pirit.info/200412/052.htm> (дата обращения: 3.05.2019). [Karpov V.P. Oil and gas profile of industrialization of the Tyumen region. The 1960s–80s. *Nalogi. Investitsii. Kapital*. 2004. No. 5–6. URL: <http://nic.pirit.info/200412/052.htm>. (In Rus.)]
4. Калинов В.В., Ермолаев А.И. Профессор Ю.П. Коротаев (1926–2004). Серия «Выдающиеся ученые РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина». Вып. 71. М., 2010. [Kalinov V.V., Ermolaev A.I. Professor Yu.P. Korotaev (1926–2004) [Professor Yu.P. Korotaev (1926–2004)]. The series “Outstanding Scientists of Gubkin University”. Issue 71. Moscow, 2010.]
5. Нежинский Л.Н. У истоков социалистического содружества: СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине 40-х годов XX столетия. М., 1987. [Nezhinskij L.N. U istokov socialisticheskogo sodruzhestva: SSSR i strany Centralnoj i Yugo-Vostochnoj Evropy vo vtoroj polovine 40-h godov XX stoletiya [At the origins of the Socialist Commonwealth: The USSR and the countries of Central and South-Eastern Europe in the second half of the 40s of the XX century]. Moscow, 1987.]
6. Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М., 2019. [Nekrasov V.L. «Dilemma Hrushcheva»: reformy Gosplana SSSR, neftekhimicheskij proekt i vyzovy holodnoj vojny (vtoraya polovina 1950-h – pervaya polovina 1960-h gg.) [“Khrushchev's Dilemma”: Reforms of the USSR State Planning Committee, the petrochemical project and the challenges of the Cold War (the second half of the 1950s – the first half of the 1960s). Moscow, 2019.]
7. Славкина М.В. Четыре лика советского нефтяного экспорта: основные тенденции развития в 1922–1990-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 7 (261). История. Вып. 49. С. 56–64. [Slavkina M.V. The Four Faces of Soviet oil exports: The main development trends in 1922–1990. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. No. 7 (261). History. Issue 49. Pp. 56–64. (In Rus.)]

8. Славкина М.В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. М., 2007. [Slavkina M.V. Velikie pobedy i upushchennye vozmozhnosti: vliyaniye neftegazovogo kompleksa na socialno-ekonomicheskoye razvitiye SSSR v 1945–1991 gg. [Great victories and missed opportunities: The impact of the oil and gas complex on the socio-economic development of the USSR in 1945–1991]. Moscow, 2007.]
9. Черкасов Н., Мельников Ю. Механизм интеграции стран СЭВ: буржуазные оценки и реальность // Плановое хозяйство. 1979. № 10. С. 105–117. [Cherkasov N., Melnikov Yu. The mechanism of integration of COMECON countries: Bourgeois assessments and reality. *Planovoe khozyaystvo*. 1979. No. 10. Pp. 105–117. (In Rus.)].

Статья поступила в редакцию 30.05.2023, принята к публикации 17.06.2023
The article was received on 30.05.2023, accepted for publication 17.06.2023

Сведения об авторах / About of the authors

Бодрова Елена Владимировна – доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой гуманитарных и социальных наук Института технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва

Elena V. Bodrova – Dr. Hab. in History; Head at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

E-mail: evbodrova@mail.ru

Калинов Вячеслав Викторович – доктор исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории факультета гуманитарного образования, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, г. Москва

Vyacheslav V. Kalinov – Dr. Hab. (History); Head of the Department of History, Faculty of Humanitarian Education, National University of Oil and Gas “Gubkin University”, Moscow, Russian Federation

E-mail: kafedra-i@yandex.ru

Красивская Валерия Николаевна – кандидат исторических наук; преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва

Valeria N. Krasivskaya – PhD in History; teacher at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

E-mail: krasivskaya93@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-73-85

УДК 271.3+94

О.С. Силина

Российский государственный гуманитарный университет,
125047 г. Москва, Российская Федерация

Королевские пожалования английским миноритам XIII в.

Статья посвящена анализу королевских пожалований францисканскому ордену в Англии XIII в. Многочисленные королевские пожалования материалов для строительства, еды, одежды и денег францисканским конвентам, с одной стороны, иллюстрируют королевскую щедрость и желание английских королей получить поддержку церкви в их противостоянии земельным магнатам. С другой стороны, с помощью пожалований можно понять, как монахи ордена отвечали на них своей службой королевским благодетелям. Францисканцы направлялись в дипломатические миссии английской короны и поддерживали короля Англии в его конфликте с Лливелином. Кроме того, некоторые королевские пожалования конвентам ордена являются единственными свидетельствами существования францисканских монастырей в том или ином английском городе, и порой единственными средствами определения числа проживающих в них монахов. В связи с этим анализ королевских пожалований позволяет внести существенный вклад в изучение истории францисканского ордена в Англии.

Ключевые слова: францисканский орден, королевские пожалования, XIII в., Англия, Генрих III, Эдуард I

© Силина О.С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Силина О.С. Королевские пожалования английским миноритам XIII в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 73–85. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-73-85

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-73-85

O.S. Silina

Russian State University for the Humanities,
125047, Moscow, Russian Federation

The royal grants to the English Minorites in the 13th century

The article is devoted to the analysis of the royal grants to the English Minorites in the 13th century. The numerous grants of materials for building, food, clothing and money to the Franciscan convents demonstrate, on the one hand, the royal bounty and the desire of the English kings to get the support of the church in their opposition to the land magnates. On the other the hand, royal grants show how the friars repaid their royal benefactors by service. The Franciscans were sent to the diplomatic missions of the English crown and supported the king in the conflict with Llywelyn. At the same time some grants to the Franciscan order are the only evidence of the existence of certain monasteries and the only means of determining the number of friars occupying them. Therefore, the analysis of the royal grants contributes to the study of the history of the Franciscan order in England.

Key words: the Franciscan order, royal grants, England, thirteenth century, Henry III, Edward I

FOR CITATION: Silina O.S. The royal grants to the English Minorites in the 13th century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 73–85. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-73-85

История английского конвента францисканского ордена началась в 1224 г., когда были созданы первые монастыри миноритов в Кентербери, Оксфорде и Корнхилле. Всего через три десятилетия английская

провинция ордена разрослась до 49 монастырей. Столь стремительный рост монастырского строительства во многом был обусловлен благосклонностью к новому монашескому ордену королевской власти.

В рассматриваемый период конфликты английской короны с Францией и Шотландией требовали регулярного повышения налогов, что встречало острое сопротивление со стороны баронов. В связи с этим королевской власти необходимо было искать поддержку у церкви. Такую поддержку мог обеспечить францисканский орден, известный своей преданностью папе римскому. К тому же монахи ордена с первых лет своего пребывания в Англии стали оказывать большое влияние на различные слои английского общества. Францисканские монахи, выступающие в роли проповедников, могли обеспечить лояльность к короне жителей городов и деревень.

Взаимоотношения представителей нового монашества с королевской властью нашли отражение в работах Э.Дж. Литтла [1; 2], Ч.Л. Кингсфорда [3], Дж.Р. Мурмана [4; 5], написанных в XX в. Работы исследователей посвящены истории францисканского ордена от основания первых конвентов в Англии до начала Реформации. На большом хронологическом отрезке исследователи рассматривают динамику взаимоотношений францисканцев с английской короной. Говоря о первом столетии пребывания монахов ордена в Англии, ученые отмечают преданность францисканцев святому престолу и интересам церкви. В связи с этим светская власть добивалась поддержки папы римского в вопросах внутренней и внешней политики английской короны посредством расположения к себе нового нищенствующего ордена. Данными устремлениями ученые объясняют щедрую благотворительность английских королей в отношении мендикантов.

В современной историографии в рамках рассматриваемой проблематики возросло внимание исследователей к более детальному анализу отдельных аспектов взаимоотношений миноритов и светской власти в Англии. Например, британский профессор Д. Бахрах, изучая военную историю Англии, ряд своих трудов посвятил анализу участия францисканцев в военных походах XIII в. в качестве капелланов [6, р. 265–286; 7, р. 617–633]. Бахрах, рассматривая пастырскую и дипломатическую службу миноритов в военных кампаниях, отмечает, что участие в них монахов являлось свидетельством одобрения церковью политики английской короны, поскольку санкционирование подобных полномочий францисканцев было за высшими прелатами. Следовательно, посредством привлечения миноритов к дипломатическим миссиям и участию в военных кампаниях происходило одобрение действий английских королей со стороны Апостольского престола.

В работах Н. Галлагера, посвященных участию нищенствующих орденов в военных и дипломатических кампаниях английских королей, отмечается не только стремление короны посредством монахов получить поддержку папы римского, но и ряд объективных оснований для обращения светской власти именно к мендикантам. К их числу относятся образованность монахов, высокая мобильность и свобода от епархиальных ограничений, поскольку в отличие от старого монашества представители нищенствующих орденов подчинялись только папству [8].

Несмотря на достаточно большое внимание исследователей к проблемам взаимоотношений мендикантов и светской власти Англии вопрос о причинах королевской благосклонности именно в отношении нищенствующих монахов остается дискуссионным. Францисканский орден в первое столетие своего существования беспрекословно подчинялся воле папы римского, в международных конфликтах и внутривосточных спорах приоритетной задачей монахов было отстаивание интересов церкви. И как следствие не всегда привлечение братьев ордена к дипломатическим миссиям для решения задач английской короны было эффективным. Однако королевские пожалования неуклонно направлялись францисканцам на протяжении всего рассматриваемого периода.

Проанализировать масштаб королевских пожалований и характер взаимоотношений представителей францисканского ордена и светской власти позволяют многочисленные записи, содержащиеся в закрытых (*Close Rolls*) и открытых (*Patent Rolls*) свитках. Закрытые свитки содержали королевские распоряжения должностным лицам о пожаловании земли, предоставлении прав аренды, дарений и пр. Открытые свитки были направлены на выдачу лицензий, пожалование денег и древесины из королевских угодий.

В числе привлекаемых документов королевской канцелярии также следует отметить хартии (*Charter Rolls*), содержащие записи о предоставлении льгот и привилегий. Францисканский орден получал льготы на исключительное право основывать монастыри в той или иной местности, на добычу камня в королевских карьерах и пр.

Записи о пожалованиях представляют собой распоряжения короля, направленные шерифу города или бейлифу. Они имели краткую и стандартизированную форму: «Шерифу Оксфорда. Подготовить 20 деревьев, которые король предоставил братьям проповедникам, и 20 деревьев, которые он предоставил братьям миноритам, из леса Шотовр; они должны быть срублены и доставлены в обители братьев в Оксфорде»¹;

¹ Calendar of the Liberate Rolls. Henry III. A.D. 1226–1240. J.B.W. Chapman, C. Johnson, W.H. Stevenson (eds.). London, 1916. P. 215. – Здесь и далее перевод автора статьи.

«Шерифу Глостера. Распоряжение предоставить братьям миноритам Глостера 100s., чтобы перевезти древесину для строительства их церкви»².

Зачастую данные распоряжения включали в себя наименования объектов ремонта (например, ремонт кровли часовни миноритов Сарратта³) или строительства: церквей (например, в Солсбери и Ноттингеме⁴), часовен (например, в Херефорде, Ноттингеме и Оксфорде⁵), госпиталей (например, в Глостере⁶), церковных хоров (например, в церкви Ноттингема⁷). Как правило, материалы для строительства доставлялись из королевских лесов, расположенных поблизости от францисканских монастырей. Монашеские обитатели Оксфорда⁸ и Солсбери⁹ получали древесину из Савернакского леса или леса Шотовр¹⁰, францисканцы Сарратта – из Кларендонского леса¹¹, монахи ордена, проживающие в Бристоле, получали деревья из Динского леса¹². Однако в записях королевских свитков можно обнаружить случаи направления материалов для строительства из королевских лесов, находящихся на значительном расстоянии от монастырей ордена. Одним из таких примеров может служить распоряжение короля доставить францисканцам Солсбери деревья из Динского леса, расположенного примерно в восьмидесяти милях от их обители¹³. Впрочем, получение королевского

² Calendar of the Liberate Rolls. Henry III. A.D. 1226–1240. J.B.W. Chapman, C. Johnson, W.H. Stevenson (eds.). London, 1916. P. 441.

³ Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1231–1234. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 260.

⁴ Ibid. P. 43; Calendar of the Close Rolls. Edward I. A.D. 1272–1279. London, 1900. P. 538.

⁵ Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1227–1231. London, 1902. P. 76, 305; Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1231–1234. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 75.

⁶ Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1227–1231. London, 1902. P. 480.

⁷ Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1231–1234. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 115.

⁸ Ibid. P. 75.

⁹ Ibid. P. 43.

¹⁰ Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1268–1272. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 384, 484; Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1231–1234. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 215.

¹¹ Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1231–1234. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 370; Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1247–1261. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 18; Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1251–1253. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 297; Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1254–1256. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 87, 251; Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1256–1259. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 226.

¹² Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1254–1256. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 335; Calendar of the Close Rolls. Edward I. A.D. 1288–1296. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 303.

¹³ Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1234–1237. London, 1908. P. 406.

пожалования из удаленной местности способствовало расширению связей монахов ордена с городской и манориальной администрацией Англии. Францисканцы, будучи получателями пожалования короля, освобождались от решения вопросов, связанных с транспортировкой древесины. Эта обязанность полностью возлагалась на королевских чиновников. К их числу относилось два лесных судьи, в ведении которых были земли к югу и северу от р. Трент, хранители и бейлифы¹⁴.

На протяжении XIII в. было издано порядка двухсот пятидесяти королевских распоряжений о предоставлении древесины для монастырей ордена, из них большая часть – в 1230-е гг. Именно на это время пришлось начало противостояния Генриха III с баронами и интенсивное расширение конвентов ордена.

Помимо древесины в записях королевской канцелярии часто встречаются пожалования в виде еды, вина, ткани и обуви. Иногда в источниках присутствуют прямые указания на то, какие продукты питания и в каком количестве следовало предоставить францисканским монастырям. Например, францисканцам Колчестера в 1260 г. было направлено 1000 сельдей [1, р. 36]. Однако более распространенной практикой была плата какому-либо королевскому чиновнику за поставку еды конвентам ордена.

Предоставление ткани для монашеского одеяния францисканцам Дарема и Ромни являются практически единственными доказательствами существования конвентов ордена в этих городах [Там же]. Кроме того, по данным королевских пожалований можно судить о размерах конвентов. Так, в 1233 г. оксфордским францисканцам было предоставлено 100 пар обуви¹⁵. В 1239 г. монахи Ньюкасла и Хартлпула получили 88 локтей серой ткани. И в королевском распоряжении было сказано, что эта ткань должна пойти на пошив одеяний для 22 монахов¹⁶. Францисканцам Уинчестера от короля было направлено 300 локтей ткани и 300 пар обуви¹⁷. Братья ордена, проживающие в Рединге, получили 52 локтя ткани для одеяния 12 монахов ордена¹⁸, а францисканцам Скарборо было направлено 48 локтей ткани¹⁹. В источниках зафиксированы и более впечатляющих масштабов королевские пожалования. В 1233 г. король приказал лондонским шерифам купить 700 локтей черной

¹⁴ Select peals of the forest. G.J. Turner (ed.). London, 1901. P. 14–15.

¹⁵ Calendar of the Liberate Rolls. Henry III. A.D. 1226–1240. J.B.W. Chapman, C. Johnson, W.H. Stevenson (eds.). London, 1916. P. 234.

¹⁶ Ibid. P. 368–369.

¹⁷ Ibid. P. 412.

¹⁸ Ibid. P. 420.

¹⁹ Ibid. P. 447.

и серой ткани и направить в качестве королевской милостыни братьям и проповедникам ордена миноров Лондона [1, р. 35].

Полученные сведения из сохранившихся записей о королевских пожалованиях не могут дать полной информации о размерах английских конвентов ордена. Поскольку мало вероятно, чтобы в первые десятилетия существования в английской провинции францисканского ордена в оксфордском монастыре проживало сто монахов или в Уинчестере их число доходило до трех сотен.

Впрочем, пожертвования столь большого количества пар обуви может свидетельствовать о наличии достаточно крупных конвентов, расположенных в королевских городах. В городах, принадлежащих короне, монастыри могли насчитывать по несколько десятков братьев. При этом в Рединге и Скарборо францисканские конвенты состояли примерно из 12 монахов. Пожертвование монахам Рединга 52 локтей ткани для 12 монахов прямо свидетельствует о числе братьев, проживающих там. Исходя из данного примера, можно предположить, что и в другом монастырском городе, Скарборо, проживало около 12 монахов, поскольку им было направлено 48 локтей ткани. Эти цифры дополняют сведения из хроники Фомы Экклестона, в которой имеются прямые указания на число братьев в некоторых монастырях Англии. Например, в лондонском монастыре в 1243 г. проживало 80 монахов, в Уинчестере – 23, в 1253 г. в Чичестере – 26.

Небольшое число францисканцев, проживающих на территориях монастырских городов, во многом объясняется тем, что они были немногочисленны. К тому же попытки миноритов основать свои монастыри на территории, принадлежащей бенедиктинцам или цистерцианцам, зачастую встречали острое сопротивление старого монашества. В королевских городах условия были иными²⁰.

Королевские пожалования монахам францисканского ордена дают информацию не только о том, насколько большими были монашеские конвенты, но и насколько многочисленными были орденские капитулы. Так, в 1240 г. состоялся капитул ордена в Кембридже. Из записей королевских свитков известно, что король предоставил 10 марок на расходы капитула, а королева направила еще 10 марок. И если предположить, что королевское пожалование исчислялось по принципу 4 пенса в день на одного монаха, то на капитуле присутствовало около 130 братьев ордена [4, р. 16].

²⁰ Помимо одежды, обуви, еды и строительных материалов в источниках упоминаются и другие щедрые пожалования короля братьям ордена. В 1257 г. францисканцам и доминиканцам Нортгемптона было предоставлено по 4 лошади (Calendar of the Liberated Rolls. Henry III. A.D. 1240–1245. London, 1930. P. 416).

При этом щедрые пожалования королевской власти не избавляли корону от трудностей в налаживании взаимоотношений с представителями новых монашеских орденов. В хронике Матвея Парижского имеется пассаж о том, как в 1252 г. волей короля францисканцам была направлена повозка, наполненная серой тканью. Однако монахи не приняли королевский дар, поскольку им стало известно, что король приказал изъять эту ткань у торговцев за неуплату налогов²¹. Отправляя обратно повозку с тканью, монахи аргументировали свои действия тем, что милостыня, данная путем грабежа, не является добрым поступком. Матвей Парижский, очевидно, хотел выдать данный эпизод за доказательство гордыни францисканцев и их непокорности королю. Вместе с тем, этот рассказ мог служить поддержанию репутации францисканцев не только как монахов, проповедовавших идеалы евангельской бедности и нищеты, но и следовавших им.

Духовные идеалы евангельской бедности францисканцы стремились выразить и посредством выбора материалов для возведения монастырей. Первоначально монастырские постройки ордена преимущественно создавались из дерева. В частности, это подтверждают многочисленными королевские указы о предоставлении францисканским конвентам древесины для строительства. Используемый строительный материал являлся визуальным доказательством соблюдения ими обета бедности.

Однако со второй половины XIII в. все чаще при возведении францисканских монастырей стали использовать камень. В этот период в документах королевской канцелярии зафиксировано достаточно большое количество распоряжений о предоставлении камня для строительства монастырей францисканского ордена или право на его добычу в карьерах, принадлежащих короне²².

Приведенные выше примеры королевских даров доказывают стремление правителя добиться от миноритов расположения к английской короне. На протяжении XIII в. количество королевских пожалований, направляемых францисканским конвентам, сократилось только на рубеже 1250–1260-х гг. В данный период английский король вел борьбу за сицилийскую корону, которая влекла за собой большие денежные затраты. В 1258 г. монахи францисканского ордена принимали участие в сделке получения Генрихом III займа от кредиторов Флоренции и Сиены²³.

²¹ Matthæi Parisiensis, monachi Sancti Albani, *Chronica majora*. H.R. Luard (ed.). London, 1872. T. V. P. 275–276.

²² Calendar of the Close Rolls. Henry III. A.D. 1254–1256. Nendeln; Liechtenstein, 1970. P. 417.

²³ Calendar of the Patent Rolls. Henry III. A.D. 1232–1247. H.B. Lee (ed.). Nendeln; Liechtenstein, 1971. P. 631.

Поскольку полученной от кредиторов суммы было недостаточно, король объявил об очередном сборе налогов, что привело к протестам со стороны земельных магнатов. Финансовую ситуацию английской короны усугубило и требование папы римского выполнить денежные обязательства перед святым престолом.

В этих условиях бароны, возглавляемые Симоном де Монфором, выразили требования пересмотреть некоторые положения Великой хартии вольностей. В результате давления баронов королем были приняты Оксфордские провизии, существенно ограничивавшие его власть. Политический климат в Англии обусловил уменьшение пожертвований францисканским конвентам.

Генрих III укрепил свое положение в 1261 г. Во многом этому способствовало вмешательство понтифика, для которого Оксфордские провизии приводили к снижению контроля над Англией. Папа римский издал буллу, которая освобождала английского короля от соблюдения установленного в 1258 г. соглашения. Здесь стоит отметить, что в конфликтах короля Англии и баронов францисканцы придерживались той же позиции, что и Апостольский престол.

Недолгий мир был прерван начавшейся второй баронской войной. На период очередной баронской войны приходится сокращение королевских пожертвований францисканскому ордену. В эти годы зафиксировано около десяти распоряжений короля о предоставлении монахам строительных материалов. В то время как в первые десятилетия существования ордена в Англии в один год число королевских пожалований могло достигать до нескольких десятков.

Королевские пожалования ордену вновь приобрели регулярный характер с приходом к власти Эдуарда I. В правление нового короля в большом объеме возобновились пожалования древесины для строительства и ремонта монастырей францисканцев. Королевская власть поддерживала и развитие образования в нищенствующих орденах. По воле короля были установлены ежегодные выплаты конвентам доминиканцев и францисканцев, расположенным в университетских городах. Выплаты пособий монастырям Оксфорда и Кембриджа часто происходили с задержками, однако они продолжали поступать вплоть до роспуска конвентов нищенствующих орденов в XVI в.

Правление Эдуарда I отмечено активной деятельностью монахов ордена в роли посланцев английской короны в различных дипломатических миссиях (в Шотландии, Уэльсе, Ирландии и Норвегии) [9, р. 84–88]. Большая вовлеченность францисканцев в дела английской короны в данный период во многом обусловлена тем, что архиепископом Кентерберийским был представитель ордена миноритов Иоанн Пекем.

Привлечение королевской властью церковного административного ресурса происходило посредством направления писем Кентерберийскому и Йоркскому архиепископам. В письмах сообщалось о справедливости военных действий, излагались просьбы о молитвах за короля и его армию [10, р. 396]. Затем архиепископы передавали информацию духовенству, пересказывая содержание полученных королевских посланий.

Несмотря на щедрые пожалования английских королей монастырям францисканского ордена и в свою очередь участие монахов в качестве послов английской короны, крепкий союз между представителями новых нищенствующих орденов и королевской властью так и не сложился. Отношения королевской власти с францисканским орденом периодически обострялись.

О сложных взаимоотношениях францисканца Иоанна Пекема с королем Англии Эдуардом I свидетельствуют письма архиепископа Кентерберийского, собранные в многотомном издании и опубликованные Ч.Т. Мартином²⁴. Документы в данном издании записаны на латыни с частичным переводом на английский язык.

Иоанн Пекем, будучи архиепископом Кентерберийским, настаивал на соблюдении Великой хартии вольностей и свободе церковных земель от королевских посягательств, обещая отлучение от церкви всем, кто будет нарушать ее права. Он требовал от Эдуарда I объяснений по вопросу о присвоении королем денег, изначально выделенных для церкви. И Пекем не успокоился до тех пор, пока король не только пообещал вернуть деньги, но и действительно вернул их. Иоанн Пекем направлял возмущенные письма королеве о неправомерных поборах с жителей Уэстклиффа, писал Эдуарду I о чрезмерных поборах с арендаторов в Ньюкасле, требуя от короля возмещения излишне уплаченного [9, р. 87].

Впрочем, категоричная позиция Иоанна Пекема в вопросах прав церкви не мешала ему выступать в качестве королевского делегата при урегулировании дипломатических споров, а также поддерживать английскую корону в конфликте с Лливелином.

В англо-уэльских конфликтах 1276–1277 гг. и 1282–1284 гг. обе стороны использовали мандикантов для ведения переговоров и доставки дипломатических писем. Иногда власти Англии и Уэльса прибегали к услугам представителей одного и того же нищенствующего ордена. Так, Иоанн Пекем выступал на переговорах со стороны англичан,

²⁴ Registrum Epistolarum Fratris Johannis Peckham, Archiepiscopi Cantuariensis. C.T. Martin (ed.). London, 1882–1885. 3 vols.

в то время как переговоры от имени Лливелина вел францисканец Уильям де Мертон, гвардиан монастыря миноритов в Лланфасе.

Вблизи францисканского монастыря, расположенного в Лланфасе, происходили одни из самых ожесточенных боев. Обитатели этого монастыря оказывали помощь раненым и хоронили погибших. Их число в этом районе было настолько велико, что потребовалось выделить новое место для захоронения в Рудлане. Иоанн Пекем прибыл в Рудлан, чтобы вести переговоры с принцем Уэльским.

В первом письме архиепископ Кентерберийский сообщал Лливелину о том, что желает для валлийцев благополучия и мира, однако не одобряет их жестокое обращение с заключенными, говоря, что они хуже сарацин. Иоанн Пекем отметил, что сарацины, по крайней мере, отпускали захваченных христиан, если их выкупали, в то время как валлийцы наслаждались кровью тех, кого пленили²⁵. В ответном письме принц Уэльский выразил благодарность Иоанну Пекему за его заботу и представил список преступлений, совершенных англичанами²⁶. Получив письмо с обвинениями англичан в многочисленных преступлениях, Иоанн Пекем завершил переговоры осуждением Лливелина за неспособность прийти к миру.

Несмотря на то, что дипломатическая миссия Иоанна Пекема провалилась, его усилия в вопросах восстановления церковей Уэльса, разрушенных в ходе военных действий, имели большой успех. Архиепископ Кентерберийский инициировал создание комиссии по расследованию ущерба, нанесенного валлийской церкви во время войны.

Что же касается духовной платы за королевские пожалования, то к услугам францисканских исповедников больше обращались английские королевы, чем короли. Отчасти это объясняется тем, что практически у всех королей от Генриха III до Генриха VI исповедниками были доминиканцы [9, р. 75].

Вместе с тем светская власть прибегала к услугам миноритов в качестве военных священников. Примером этого служит обращение графа Генри де Ласи к францисканцам с просьбой вступить на службу в ряды английской армии во время одной из кампаний Эдуарда I в Шотландии. Генри де Ласи просил направить двух братьев ордена, чтобы исповедовать воинов и назначать для них покаяние [7, р. 631–632].

Итак, анализ королевских пожалований показывает, что сложные отношения английской короны и святого престола не оказывали существенного влияния на благосклонность королей Англии к монахам ордена.

²⁵ Registrum Epistolarum Fratris Johannis Peckham, Archiepiscopi Cantuariensis. C.T. Martin (ed.). London, 1884. Vol. II. P. 436.

²⁶ Ibid. P. 437–465.

Несмотря на то, что в XIII в. происходила частая смена римских пап, чьи действия редко совпадали с политическими интересами английской короны, францисканцы продолжали пользоваться королевской благосклонностью. Пожалования ордену заметно уменьшились только в период второй баронской войной, но не прекратились вовсе. Следовательно, причины благоволения короны в отношении францисканцев были не только и не столько в стремлении английских королей получить папскую поддержку проводимой ими политики. Королевских пожертвования миноритам были несоизмеримы и с их участием в дипломатических миссиях или военных походах английской власти. О чем ярко свидетельствует неудачная дипломатическая миссия Пекема в Рудлан, организованная для переговоров с Лливелином. Вероятно, использование проповеднического и административного ресурсов францисканского ордена было более эффективным средством для усиления королевского контроля над общественно-политической обстановкой внутри страны и консолидации английского населения вокруг королевской власти.

Библиографический список / References

1. Little A.G. *Studies in English Franciscan History*. Manchester, 1917.
2. Little A.G. *Franciscan papers, lists and documents*. Manchester, 1943.
3. Kingsford C.L. *The Grey Friars of London*. Aberdeen, 1915.
4. Moorman J.R.H. *The Grey Friars in Cambridge. 1225–1538*. Cambridge, 1952.
5. Moorman J.R.H. *Church life in England in the thirteenth century*. Cambridge, 1945.
6. Bachrach D.S. The organization of military religion in the armies of King Edward I of England (1272–1307). *Journal of Medieval History*. 2003. No. 29. Pp. 265–286.
7. Bachrach D.S. The friars go to war: Mendicant military chaplains, 1216 – c. 1300. *The Catholic Historical Review*. 2004. Vol. 90. No. 4. Pp. 617–633.
8. Gallagher N. The Irish Franciscan Province: From foundation to the aftermath of the Bruce invasion. *Franciscan organisation in the mendicant context: Formal and informal structures of the friars' lives and ministry in the Middle Ages*. M.J. Robson, J. Röhrkasten (eds.). Berlin, 2010. Pp. 19–42.
9. Green V.G. *The franciscans in medieval English life (1224–1348)*. Paterson, 1939.
10. Bachrach D.S. The Ecclesia Anglicana goes to war: Prayers, propaganda, and conquest during the reign of Edward I of England, 1272–1307. *A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. 2004. Vol. 36. No. 3. Pp. 393–406.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023, принята к публикации 27.04.2023

The article was received on 17.01.2023, accepted for publication 27.04.2023

Сведения об авторе / About the autor

Силина Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры общественных связей, туризма и гостеприимства Историко-архивного института, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Olga S. Silina – PhD in History; lecturer at the Department of Public Relations, Tourism and Hospitality of the Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities, Moscow

E-mail: silina.os@rggu.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-86-102

УДК 323.22/.26+94

А.А. Митрофанов

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
119334 г. Москва, Российская Федерация

Народное сопротивление в Пьемонте: первое восстание цокколи в долине Аосты (май 1799 г.)

Небольшая франкоязычная провинция Сардинского королевства Валле д'Аоста, по сравнению с другими провинциями, к концу XVIII в. была наиболее отсталым регионом в экономическом и культурном плане. В кризисный для Пьемонта 1797 год здесь не наблюдалось массового протеста, однако спустя два года именно здесь разразилось первое восстание цокколи (zoccoli), во французской историографии называемое также *régiment des socques*. В статье анализируется историография этой темы и предложена новая реконструкция событий на основе известных и неопубликованных архивных свидетельств. Автор показывает, что для итальянской и французской традиций этот сюжет был и остается легендарным примером из истории народного антифранцузского сопротивления. По мнению автора, восстание цокколи имело стихийный характер, оно было спровоцировано глубоким экономическим кризисом, чрезвычайным налогом, реквизициями французской армии и действиями местных республиканцев в Аосте и других городках провинции. Оно не завершилось 7 мая 1799 г., как полагают многие историки, ополчение цокколи вместе с австрийскими войсками продолжило сражаться с французской армией в Альпах. Вместе с тем, это движение имело локальный характер, его участники ограничивались активными действиями только в пределах своего небольшого региона, что подтверждает известную концепцию характерного для государств Италии «кампанилизма» (местничества).

Ключевые слова: Пьемонт в 1799 г., долина Аосты, цокколи, *regiment des Socques*, крестьянские восстания в Италии рубежа XVIII–XIX вв., антифранцузское сопротивление в Пьемонте 1799 г.

© Митрофанов А.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Митрофанов А.А. Народное сопротивление в Пьемонте: первое восстание цокколи в долине Аосты (май 1799 г.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 86–102. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-86-102

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-86-102

A.A. Mitrofanov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119334, Russian Federation

Popular resistance in Piedmont: The first revolt of the Zoccoli in the Aosta Valley (May 1799)

A small French-speaking province of the Sardinian kingdom – Valle d'Aosta, compared with other provinces by the end of the 18th century, was the most backward region in economic and cultural terms. In the crisis year for Piedmont in 1797, there was no mass protest here, but two years later it was there that the first Zoccoli uprising broke out, also called «régiment des Socques» in French historiography. The article analyzes the historiography of this topic and proposes a new reconstruction of events based on known and unpublished archival evidence. The author shows that for the Italian and French traditions this plot has been and remains a legendary example from the history of popular anti-French resistance. According to the author, the Zoccoli uprising was spontaneous in nature, it was provoked by a deep economic crisis, requisitions by the French army and the actions of local republicans in Aosta and other towns in the province. This uprising did not end on May 7, 1799, as many historians believe, the Zoccoli militia, along with the Austrian troops, continued to fight the French army in the Alps. At the same time, this movement had a local character, its participants were limited to active actions only within their small region, which confirms the well-known concept of «campanilismo» (parochialism) characteristic of the Italian states.

Key words: Piedmont in 1799, Aosta Valley, Zoccoli, *régiment des Socques*, peasant uprisings in Italy at the turn of the 18th–19th centuries, anti-French resistance in Piedmont in 1799

FOR CITATION: Mitrofanov A.A. Popular resistance in Piedmont: The first revolt of the Zoccoli in the Aosta Valley (May 1799). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 86–102. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-86-102

В итальянской исторической литературе традиционно большое внимание уделяется крестьянским восстаниям, разворачивавшимся в Пьемонте с декабря 1798 г. Особое место в череде народных восстаний занимает движение, которое во французской традиции именуется *régiment des socques*, а в итальянской – восстанием цокколи (*la rivolta degli zoccoli*), которое охватило провинцию Валле д’Аоста и затронуло районы соседней провинции Канавезе в мае 1799 г. и в январе 1801 г. Но до сих пор не проведено ни социального, ни политического анализа этих восстаний. К тому же можно сказать, что первое восстание цокколи в мае 1799 г. целиком находится в тени «великого восстания», произошедшего в той же провинции в январе 1801 г. и третьего восстания – 1853 г. [29].

Вопрос о крестьянском протесте и антифранцузском сопротивлении в Пьемонте 1799 г. относится к числу хорошо разработанных в историографии. В этой связи необходимо указать на фундаментальные исследования Джорджо Ваккарино о формировании такого явления, как специфический итальянский «якобинизм» [30]. На основе богатых материалов из архивов Франции и Италии итальянский историк создал широкую панораму политических течений конца XVIII – начала XIX вв., указал на разнородный состав республиканского движения и расхождения итальянских революционеров с планами французского правительства наполеоновского времени в части определения судьбы Пьемонта и опубликовал источники по истории антифранцузского движения. Но, вместе с тем, работа Ваккарино – это пример того, как детально исследуется политическая история и упускаются социальные сюжеты, в частности, причины и последствия восстаний цокколи.

Определенное развитие тема крестьянских восстаний получила в статьях и монографии Розальбы Давико, которая детально исследовала экономическую конъюнктуру региона, систему денежного обращения, изменения в аграрном секторе, демографию [15, р. 27–29; 16, р. 98–101]. Парадоксально, но, несмотря на широкий охват материала, именно работы Давико показали ограниченность возможностей марксистской

методологии в изучении крестьянского социума. Несмотря на успехи в поиске социально-экономических причин крестьянского протеста, она только в общих чертах наметила контуры будущих исследований.

Дж. Рикуперати в своих работах не затрагивал тему крестьянского движения после 1798 г. [25; 26]. В работах М. Руджиеро представлена широкая, но в целом, традиционная для итальянской историографии картина. Исследователь не занимался социально-экономической стороной дела, а только констатировал факты, прослеживая эволюцию крестьянского движения в 1796–1802 гг. от провинции к провинции, показывая, как одновременно с ним в стране возникали очаги «бандитизма», имевшего антифранцузскую направленность [27, р. 141–142].

Ближе всего к раскрытию обозначенной темы подошел В.С. Бондарчук, посвятивший судьбе крестьянства Сардинского королевства в XVIII в. до сих пор единственную монографию по истории Пьемонта на русском языке [2, с. 1]. Бондарчук полагал, что в сельском хозяйстве Пьемонта быстрыми темпами развивались капиталистические отношения, наблюдались разорение и пролетаризация крестьян и распространение капиталистической аренды земель крупных собственников, что восставшими в 1790-е гг. двигали продовольственный кризис и стремление к социальной справедливости, волнения и восстания не имели политического или националистического подтекста, а антифранцузская тема в крестьянских выступлениях звучала намного тише. В долине Аосты в мае 1799 г., отмечал историк, крестьянский протест носил ненасильственный характер и закончился мирно. После чего последовали французские репрессии против вождей крестьян [Там же, с. 224].

Наконец, большой вклад в дело изучения пьемонтского крестьянства принадлежит и М. Броэрсу, посвятившему ряд своих трудов вопросам государственного строительства в Италии эпохи Наполеона [8–12]. Броэрс показал, как государственный аппарат и нотабли реагировали на крестьянский протест, какими методами действовали представители власти на местах и в Турине, как формировался новый политический дискурс о народном протесте в эпоху революционного кризиса 1799 г. и последовавшие за ним годы французского господства. Грань между «вендеттой» и политической борьбой республиканцев с роялистами весной 1799 г. практически исчезла, волны коллективного насилия накрывали пьемонтские провинции одна за другой. Восстаниям в долине Аосты Броэрс не посвятил особой главы или статьи, хотя и приводил аналогичные примеры из истории других провинций. Так, в дни вальдостанского восстания те же события повторились и в Мондови, где роялисты и патриоты даже предпринимали попытку объединить усилия в противостоянии вооруженным крестьянам [11, р. 204].

Итальянские исследователи истории долины Аосты на протяжении полутора столетий занимаются восстаниями 1799, 1801 гг. и приложили немало усилий, чтобы привлечь внимание к этим легендарным сюжетам. Так, вальдостанский краевед Пьер-Этьен Дюк на основе дневника очевидца событий прево Каванье, устного свидетельства жителя коммуны Доннас Пьера Далле и некоторых документов из коммунальных архивов в своем очерке 1873 г. реконструировал ход двух восстаний. Его версия существенно дополняет общую картину, но описывает их только с точки зрения одной из коммун – Веррес [17, р. 161–163].

Менее ценной, но все же информативной работой, остается до настоящего времени большой очерк аббата Фердинанда Фенуаля (1887 г.), который первым и представил историю двух восстаний цокколи в долине Аосты [18]. К сожалению, источники Фенуаля нам по большей части неизвестны, хотя он пользовался не только местными архивами, но, как и Дюк, некоторыми устными свидетельствами современников.

К началу XX в. восстания цокколи стали уже неотъемлемой частью исторической памяти вальдостанского региона. Именно поэтому труды по истории края не обходились без хотя бы кратких рассказов о них [21, р. 287–296; 24, р. 29–71]. Но лишь в двух публикациях итальянского историка А. Дзанотто в 1960-е гг. была сделана попытка не только в очередной раз реконструировать ход событий, но познакомить читателей и исследователей с обширным корпусом неопубликованных материалов за 1798–1801 гг. из архивов Аосты и других городов долины [32]. Дзанотто, в частности, полностью опубликовал мемуарные свидетельства архипресвитера Фрютаза, о которых будет сказано ниже. Он же и показал, что движение цокколи не завершилось внезапно 7 мая 1799 г., а фактически продолжилось: крестьяне вступили в ряды местного ополчения и до глубокой осени 1799 г. бок о бок с австрийскими частями сражались с французами [31]. Небольшой очерк о положении в долине Аосты в конце XVIII в. содержится в работе М. Куаза, обратившего внимание на то, что эта франкоязычная провинция по сравнению с другими регионами королевства в экономическом и культурном отношении была наиболее отсталой [13].

Как уже отмечено, благодаря Дзанотто мы располагаем хорошим комплексом мемуаров и официальных документов за 1798–1801 гг. Два основных источника о восстаниях в долине Аосты – анонимный памфлет «Восстание в нижней долине Аосты, рассмотренное с помощью телескопа истины» и памфлет комиссара пьемонтского правительства Фердинандо Бруни «Обзор событий восстания в долине Аосты, имевшего место в месяце нивоze 9 года республики», изданные по горячим следам второго восстания 1801 г., не содержат какого-либо повествования

о событиях 1799 г.¹ Особую ценность для истории вальдостанских восстаний представляют неопубликованные документы из фондов Архива министерства иностранных дел Франции и Архива внешней политики Российской империи, относящиеся к истории Пьемонта рубежа XVII–XIX вв. В частности, речь идет о записке графа Просперо Бальбо, в которой содержится подробная картина состояния хаоса и разрухи в Пьемонте 1799 г.²

Цель нашей статьи – показать причины и предпосылки восстания 1799 г. в долине Аосты, проанализировать основные версии его хода и попытаться вписать это важное событие в контекст пьемонтской истории рубежа XVIII–XIX вв.

Французское господство, установленное после занятия всех основных крепостей Пьемонта и вынужденного отречения сардинского короля Карла Эммануила IV от престола в декабре 1798 г., было неустойчивым и непрочным. Пока в Турине шли ожесточенные дискуссии о будущем страны между умеренными и радикальными республиканцами, а цизальпинские эмиссары интриговали в пользу объединения всех северных регионов Италии под началом Милана, крестьяне и горожане Пьемонта, уже длительное время испытывавшие непомерную тяжесть реквизиций для армии и насилие со стороны французов, переходили от слабого перманентного протеста к самым активным действиям. Размах народного сопротивления превосходил масштабы протестных движений лета 1797 г. Планы пьемонтского временного правительства и Директории по присоединению этой страны к Франции оказались под серьезной угрозой.

15 флореаля VII г. республики (4 мая 1799 г.) политический и гражданский комиссар в Пьемонте Мюссе в радужных тонах сообщил министру внешних сношений Франции Талейрану, что «политическая организация в Пьемонте близится к своему завершению, что общественное мнение полностью расположено в пользу свободы, что число друзей Французской республики увеличивается с каждым днем»³. Правда, сам Мюссе при этом вынужден был сообщить, что под влиянием разразившегося в Сузе восстания, перебрался в Шамбери – столицу французского

¹ Bruni F. Aperçu des événements de l'insurrection de la Vallée d'Aoste qui eut lieu dans le mois de nivôse de l'an IX républicain. Turin, 1801; L'insurrection de la basse Val d'Aoste soumise au télescope de la vérité. Milano, 1801.

² Mémoire sur la situation actuelle du Piémont et sur les événements qui l'ont précédée, le 19 décembre 1799 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. «Миссия в Турине». Д. 196. Л. 12а–24.

³ Lettre du commissaire Musset au ministre des relations extérieures Talleyrand, le 15 floréal, an VII. Archives des affaires étrangères de France. Correspondance politique. Sardaigne. Vol. 278. F. 475.

департамент Монблан. Относительно Севера Пьемонта Мюссе сообщал только об одном факте повстанческого движения в окрестностях г. Ивреа, которое якобы было «тотчас усмирено» [28]. Выдавая желаемое за действительное, Мюссе все же подробно докладывал и об угрозе новых восстаний в связи с приближением русско-австрийских войск, о новой опасности со стороны движения барбэ [22, р. 6]. «Продвижение врага в обеих провинциях будет зловещим: армия Моро слишком ослаблена, чтобы сохранить линию от перевала Тенде до Генуи, она может оказаться между двумя губительными альтернативами, открыть Геную или позволить отсечь отступление через Ниццу. Это то, что неприятель может предпринять с большой легкостью. Эмигранты из Ниццы стоят во главе барбэ, и они сделали сейчас коммуникации весьма ненадежными. Неизвестно, как теперь послать своевременные и многочисленные подкрепления через Ниццу, чтобы предупредить одно из двух неизбежных несчастий»⁴.

Доведенные до отчаяния местные администрации провинций в начале флореаля VII г. умоляли этого французского комиссара и туринское республиканское правительство предпринять хоть что-нибудь. Об этом, например, свидетельствует обращение центральной администрации департамента Эридано к Мюссе, сохранившееся в Архиве МИД Франции. «Настроение общества, – отмечал президент администрации Фавра, – с некоторого времени приняло обратное движение, и тот же народ, который вначале выказывал столько энтузиазма в отношении нового порядка вещей, теперь недалек от того, чтобы оплакивать старый, или как минимум, он вздыхает после новой перемены. <...> Надежда на близость контрреволюции поселилась в сердцах большей части людей, наиболее ревностные и энергичные патриоты уже определены в качестве жертв»⁵.

Однако гораздо больше критики мы видим в адрес республиканских властей и даже французских агентов. Местная власть открыто протестовала против новых налогов и частых злоупотреблений, которые будоражили общество: «Потребности государства увеличиваются каждый час, финансовые поступления ничтожно малы, общественный кредит парализован, поскольку заемщики и вкладчики, вследствие обычных налогов или вследствие чрезвычайных, надеются всегда встретить ту же странную слабость к ним, которая имела место до сих пор; поскольку

⁴ Lettre du commissaire Musset au ministre des relations extérieures Talleyrand, le 15 floréal, an VII. Archives des affaires étrangères de France. Correspondance politique. Sardaigne. Vol. 278. F. 476.

⁵ Lettre écrite par l'administration centrale du département l'Eridan au citoyen Musset, le 12 floréal, an VII. Ibid. F. 446.

правительство, которое их установило, прекратило существовать, то они вообразили, что правительство нынешнее захочет частично свернуть то, что другое сотворило, и теперь имеют намерение выждать в ожидании скорых перемен. Чрезвычайный налог отчасти плохо распределен, и есть граждане, которые обложены им сверх всех их возможностей, есть и другие, которые не заслужили этого благодаря своему патриотизму, известны, наконец, и те, кто, имея огромный финансовый капитал, нажитый всякими способами, и аристократическое происхождение, были от него освобождены. Добавим к этому распространенное мнение, что общественные средства разворованы, промотаны или изъяты к выгоде нескольких человек, и, надо сказать, также опасаются в этом отношении намерений, требований, нужд, влияния французских агентов, и пример тому – что некоторые среди них [хорошо] обеспечены в Италии. Еще около двух миллионов [лир] надо внести чрезвычайного налога, но не вносят в кассы и двух тысяч в день. Цены на сельскохозяйственные товары странным образом изменились, несмотря на редкость денежных средств, они странно увеличились, эта несурзаца спровоцирована недоверием к бумажным деньгам. Недоверием, которое нынешнее правительство не попыталось каким-либо образом уменьшить. Мелкая же монета стала редкостью и ежедневные сделки происходят с большими трудностями, и что увеличило недовольство среди народа, так это то, что монетный двор всегда простаивает без дела»⁶.

Отметим, в промышленности также наблюдался кризис и застой, особенно критической в 1799 г. стала ситуация с производством пьемонтского шелка (*organsin*), рабочие и владельцы этих производств массово разорвались и впадали в состояние нищеты [14]. Конъюнктура цен на сельскохозяйственные культуры сильно зависела от урожая и изъятия продовольствия на нужды иностранных армий.

Так, наиболее сложным выдался 1798 г., когда цены поднялись до небывалых высот. По отношению к ценам последнего мирного для Пьемонта 1792 г. стоимость пшеницы увеличилась на 245%, ржи – на 264%, кукурузы – на 293%, риса – на 263%. Такова была структура цен в провинциях, на столичном рынке они, как правило, были несколько выше [2, с. 160].

1799 год принес некоторое временное облегчение, цены стремительно снижались, но размещение в долинах Пьемонта австрийской армии и неурожаи снова подтолкнули цены вверх. Например, цена на рис, который выращивали только в некоторых провинциях, в 1800 г. поднялась

⁶ Lettre écrite par l'administration centrale du département l'Eridan au citoyen Musset, le 12 floréal, an VII. Archives des affaires étrangères de France. Correspondance politique. Sardeigne. Vol. 278. F. 446 verso, 447, 447 verso.

на туринском рынке до 251 лир за эмину⁷ (в 1799 г. она составляла всего 159 лир) [15, р. 47]. Продовольствия едва хватало для снабжения армии [28, р. 139; 27, р. 203]. Как сообщал генеральный контролер финансов П. Бальбо русскому посланнику при сардинском дворе А. Чарторийскому в декабре 1799 г., общая сумма расходов туринского монархического правительства на войну с французской армией, которые тяжким бременем легли на население, составила только за период с мая по ноябрь 30 938 537 лiry, тогда как чистый годовой доход казны в условиях военного времени достигал всего 15 300 000 лир⁸. Сбор же самих налогов осуществлялся одинаково плохо как при французах, так и при австрийцах⁹. Даже в самых общих чертах эти сведения дают представление о всей глубине экономического кризиса 1798–1800 гг.

Несогласие с нововведениями в сфере общественного порядка, требуя от французов их пересмотра и решительных действий, выражали провинциальные «муниципалисты» (*municipalisti*) – функционеры местных администраций. По приказу из Турина жители Пьемонта должны были разоружаться, но «бандиты» (*les brigands*) сами изымали оружие у граждан и даже отрядов национальной гвардии. В народной среде зрело глухое недовольство. «Хмурое молчание и большое безразличие к общественным делам проявляют в провинциях. Даже признаки анархии начинают наблюдать во многих местностях. Опасность стала постоянной для нас, для французов, для родины, для свободы. Частичные меры, терпение, ожидание раскаяния, умеренность, надежды на счастливое будущее более несвоевременны»¹⁰. Но надежды пьемонтских республиканских элит были тщетны.

Учитывая близость границы, доминирование в долине французского языка и большое количество сезонных мигрантов, вполне вероятно, что распространение новостей из Франции происходило чаще в устной форме, чем благодаря подпольным газетам и памфлетам. Начало войны и вторжение французов в Савойю 22 сентября 1792 г. [5]

⁷ Эмина – мера объема сыпучих тел в Пьемонте, равна 23,055 л.

⁸ *Mémoire sur la situation actuelle du Piémont et sur les événements qui l'ont précédée*, le 19 décembre 1799 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. «Миссия в Турине». Д. 196. Л. 20 об. По текущему курсу 1799 г. 5 пьемонтских лир соответствовали 6 старым французским ливрам.

⁹ См.: Passamonti E. *Un memoriale inedito di Prospero Balbo nel dicembre del 1799* // *Atti della Reale Accademia delle Scienze di Torino*. 1913–1914. XLIX. P. 914–951. Записка П. Бальбо из фонда Архива внешней политики Российской империи более подробно описывает финансовое и продовольственное положение в Пьемонте, чем текст из Туринского государственного архива, опубликованный Э. Пассамонти.

¹⁰ *Lettre écrite par l'administration centrale du département l'Eridan au citoyen Musset*, le 12 floréal, an VII. *Archives des affaires étrangères de France. Correspondance politique*. Sardaigne. Vol. 278. F. 448.

положило конец мирной жизни в долине Аоста. Отступление пьемонтцев на Альпийском фронте превращало ее в военный форпост. И без того бедная местная сельская экономика принуждала теперь еще одну часть жителей к сезонной эмиграции. Сельская экономика была преобразована в военную, чтобы кормить сначала солдат, а только затем местное население. Аоста была превращена в военный лагерь: церкви, часовни, колледж и семинария были реквизированы для размещения войск или использовались как госпитали или военные склады. В г. Аосте была организована городская гвардия, в которой должны были служить все горожане, в т.ч. и священники. Большое количество савойских иммигрантов, прежде всего священников, враждебно настроенных к Гражданской конституции духовенства и дворян, бежавших от нового режима, хлынули в долину Аоста на следующий день после 22 сентября [13, p. 317].

Сегодня нам хорошо известны контрреволюционные настроения и пропаганда духовенства, организованная епископом Аосты Солароди Вилланова, в то время как реконструкция истории сообщества сторонников Революции еще не проведена [30, т. II, p. 749–797]. Мы знаем, что в Аосте были люди, сочувствующие Революции. Двое из них, адвокат Ж.Ж.М. Шантель и торговец Ж.Ф. Жюно из Авизе, оказались вовлеченными в республиканский заговор 1794 г. и были повешены за оскорбление величества [3, с. 226–227; 32, p. 166]¹¹. Больше повезло Гийому Серизу (Гуильельмо Черизе), студенту-медику, которому после раскрытия заговора удалось бежать во Францию, где его ждала блестящая карьера в революционной армии [20]. В Аосте образовался подпольный революционный клуб «Вестники общества друзей свободы и равенства» (*Messaggeri della società degli amici della libertà edell'uguaglianza*), возможно, бывший ответвлением «Общества друзей свободы и равенства» (*Société des amis de la liberté et del'égalité*), созданного в соседней Савойе после французской оккупации 1792 г. Есть сведения и о революционной пропаганде, о случаях установки деревьев свободы и даже пения Марсельезы в тавернах [13, p. 317–318]. Эти явления, однако, как представляется, имели очень ограниченный характер (в городе насчитывалось всего 33 подозреваемых в «якобинизме» в соответствии с данными правительственного расследования 1799 г. [30, II, p. 786]). Приверженность революционным принципам стала чуть более характерна для вальдостанской общественности после 1798 г. Социальный состав «якобинцев» долины Аоста был аналогичен составу обществ «якобинцев»

¹¹ См. также: Congiura Junod – Chantel. Archivio di Stato di Torino. Materie politiche per rapporto all'interno. Mazzo 5. 1/1.

других государств Италии. В них преобладали юристы, врачи, студенты, торговцы, духовенство янсенистского толка.

После отречения короля Карла-Эммануила и организации временного правительства в Турине 3 января 1799 г. в Аосте был создан первый революционный муниципалитет. Первым его значительным действием была организация плебисцита по вопросу о присоединении к Франции. Из 73 муниципалитетов (коммун) два выступили против. 52 же муниципалитета поддержали присоединение, однако требовали, чтобы провинция Аоста была выделена в отдельный департамент, как о том просили наиболее видные республиканцы долины Аоста. Именно тогда и произошло первое разочарование новым режимом, требование муниципалитетов не было исполнено: Аоста, пониженная до ранга субпрефектуры (округа), была включена в состав департамента Дора (Дуар) с центром в г. Ивреа – главным городом соседнего Канавезе [13, p. 319].

Новый муниципалитет продержался у власти пять месяцев до наступления русско-австрийской армии в мае 1799 г., что было слишком мало для запуска плана реформ, но достаточно, чтобы население ощутило на себе тяжесть новой системы налогообложения. Ряд чрезвычайных налогов, предназначенных прежде всего для снабжения оккупационных армий, вызвал враждебность к французам, подогреваемую духовенством и эмигрантами. Настало время для создания отрядов полноценной национальной гвардии, для зрелищных демонстраций, сожжения патентов дворянства, высаживания деревьев свободы, сопровождавшихся выступлениями против «тиранов», время для реквизиции имущества некоторых церквей, сокращения празднеств в католическом календаре, введения праздника Верховного Существа. В Аосте был учрежден образовательный кружок по образцу тех, которые организовывались по всему Пьемонту. На его собраниях присутствовали члены муниципалитетов и лучшие ораторы, вдохновленные намерением распространить среди населения «истинное чувство гражданства», выявлять контрреволюционеров, способствовать секуляризации образования как инструмента искоренения религиозного мракобесия и монархического лоялизма. Братья из ордена барнабитов были лишены руководства коллежем, который стал теперь «Национальным коллежем». Во главе его был поставлен францисканец и пылкий республиканец отец Фавр. По просьбе кружка была также основана грамматическая школа, в которой детей воспитывали в республиканском духе, но не хватило времени ни на долгожданную реформу судов, ни на ограничение прав и владений монастырей, ни на продажу «национальных имуществ». Фиксированные цены на продукты, которые крестьяне должны были привозить в город и продавать под контролем

администрации, спровоцировали нехватку продовольствия, что осложнялось неурожаем, серьезными эпидемиями скота, мародерством солдат и обострением налогового бремени. Такова была обстановка в этом регионе Италии к маю 1799 г. [31, р. 161–168].

Весной 1799 г. русско-австрийская армия под командованием А.В. Суворова одерживала блестящие победы над французами в долине По. Активные боевые действия в провинциях Пьемонта в конце апреля – начале мая добавили надежд местному населению и подкинули дров в костер разгорающегося антифранцузского сопротивления [4, с. 380–390]. 2–3 мая 1799 г. город Ивреа заняли многочисленные отряды повстанцев из числа «Христианского воинства» Бранды Лучони [28, р. 102]. В коммунах Доннас и Веррес 4 мая были повержены деревья свободы, что было знаком начала восстания. Толпа из поселка Шампорше отправилась к твердыне французской обороны – горному форту Бар под предводительством аббата Николая Гонтье. Целью восставших был захват форта, доминировавшего над проходом в долину Аосты. Они продвигались быстро, т.к. французы не сумели оказать сопротивления. Форт был сдан комендантом, и это придавало смелости восставшим крестьянам, вооруженным только вилами и дубинками, плохо одетыми и обутыми в деревянные башмаки (цокколи).

В первые дни мая 1799 г. набат звучал со всех колоколен долины, призывая жителей подниматься, чтобы изгнать республиканцев и французскую армию. В ночь с 6 на 7 мая колонна крестьян, разрастаясь по мере своего продвижения, поднялась к г. Аоста. Войдя в город, «цокколи» начали с символического акта, срубив дерево свободы, знак ненавистной французской власти. Подозреваемые в «якобинизме» граждане, в т.ч. отец Фавр, архидьякон Дефэ и теолог Шантель, были схвачены и отправлены в форт Бар, а оттуда в крепость г. Ивреа [Там же, р. 102–103]. Только несколько самых известных республиканцев Аосты смогли скрыться от народного гнева (среди них были Г. Черизе, Л. Мартинэ и некоторые другие). Дома республиканцев подвергались грабежу, во время одного из таких актов был убит комендант Аосты Джулио Боттон. Крестьяне в знак своей победы по благословиению епископа Соларо установили на месте поверженного дерева свободы у муниципалитета освященный крест. Получив от городской администрации обещание заменить членов муниципалитета – республиканцев, повстанцы отступили, что предоставило французам 2 или 3 дня для спешных репрессий в отношении восставших. Из всех предводителей восстания мы располагаем сведениями только о жизни Николая Гонтье, который после событий 1799 г. служил кюре в пригороде Аосты Шарвансо и там же скончался в 1831 г. [18, р. 150].

Такова реконструкция общего хода восстания. К сожалению, в краеведческой литературе конца XIX в. содержатся весьма скудные и отрывочные сведения о первом восстании цокколи. Примером того служит публикация П.-Э. Дюка (1873 г.), посвященная действиям ополчения коммуны Веррес. Так, известно только, что предводителями восставших из Верреса был Франсуа Дальбар со своими помощниками: Бартеlemi по прозвищу Шенай, Жаном Пианом и Жозефом Бондоном. Когда отряды Дальбара продвинулись к Аосте, супрефект Мартинэ выслал им навстречу две мобильные колонны национальной гвардии. Первая шла навстречу инсургентам, вторая через горы, чтобы отрезать им путь к отступлению. Республиканский генерал Г. Черизе со своей колонной наткнулся на один из отрядов и вступил в переговоры с их предводителем и передал им письмо супрефекта, который обещал им в случае добровольной сдачи сохранить жизнь вожакам и всем восставшим с оружием, за исключением тех, кто поверг дерево свободы, которых надлежало выдать властям. Условия крестьяне приняли и разошлись, но мобильные колонны захватили четырех их предводителей, которые были казнены в г. Кивассо. Через несколько дней та же участь постигла и Ф. Дальбара [17, р. 163]. Из популярного очерка аббата Ф. Фенуаля (1887 г.) трудно почерпнуть дополнительные сведения о цокколи. Его свидетельство о том, что численность восставших достигла в первые дни мая 1799 г. 6 тыс. чел., не находит подтверждения в источниках. Также не подтверждается его информация о том, что восставших к 7 мая возглавлял некий савойский дворянин Жайе [18, р. 152]. Кроме того, аббат никак не отметил произошедшее между 7 и 9 мая. Таким образом, его работа немного добавляет к известной нам последовательности событий в долине.

9 мая в Аосту вступили русско-австрийские части и начали с упразднения муниципалитета в городе. На время воцарилось спокойствие. Один из очевидцев, архипресвитер Ф.-Ж. Фрютаз, свидетельствовал: «Долина Аосты не стала более счастливой под властью армии императора, чем при республиканском правительстве. Громадные поставки для нужд австрийских войск настолько разорили этот край, что продукты продавались по очень высокой цене, к тому же частные хозяйства и сами люди страдали от незаконных захватов и изъятий в тех местах, где квартировал полк [Леопольда. – А.М.] Кинского» [31, р. 172–173]. Вплоть до начала сентября 1799 г. военная ситуация в долине Аосты оставалась крайне нестабильной. Французы неоднократно пытались восстановить контроль над ключевыми пунктами, но встречали отпор как со стороны австрийцев, так и со стороны крестьянского ополчения.

Австрийцы и крестьянское ополчение цокколи под командованием капитана Жана-Франсуа Шамонэна (1762–1828) предприняли восхождение на перевал дю Мон, где нанесли республиканским войскам решительное поражение [18, р. 157; 23, р. 159]. Последние снова попытались занять перевал, но были разбиты людьми Шамонэна. 1 сентября между французами, спустившимися с перевала, и австро-сардинскими войсками произошло столкновение у Вальгрэзанша. Сардинцы, уступая французам численно, вели бой в обороне и отступали, преследуемые неприятелем. Французский генерал К.-Ф. Малле перешел Мальё Сен-Бернар и спустился в долину Аосты с корпусом в 10 тыс. чел. Уже 2 сентября французы заняли и саму Аосту. Французские войска спустились вплоть до форта Бар, где вынуждены были остановиться у стен неприступной крепости. Только в конце сентября французы поспешно ретировались в Савойю, преследуемые австрийскими войсками, численно их превосходившими [32, р. 208–212].

Австрийцы продержались в долине Аосты 12 месяцев. 14 мая 1800 г. французские части под командованием генерала Ж. Ланна перешли Большой Сен-Бернар, а уже 16 мая были в г. Аосте. На своем пути они встретили слабое сопротивление небольших австрийских отрядов в Сен-Реми, Энтрубле и Ля Клуаз, которые быстро обратились в бегство [19, р. 119]. 18 мая Ланн подошел к Шатийону, где австрийцам все же удалось подготовиться к французскому наступлению. После ожесточенных столкновений с австрийцами французам удалось продвинуться дальше к форту Бар. Несмотря на то, что его защищали всего 150 человек, форту удалось продержаться еще две недели [Там же, р. 199–214]. После тяжелых переходов через Альпийские перевалы сам Бонапарт прибыл в Аосту 21 мая. 1 июня защитники форта Бар капитулировали. И уже 14 июня французская армия одержала победу при Маренго. Французы снова были хозяевами в Северной Италии [7, р. 93–120; 19, р. 308].

Майское восстание 1799 г. в Валле д'Аоста развивалось автономно от других аналогичных движений, оно хорошо вписывается в концепцию «приходской» контрреволюции, предложенную М. Броэрсом. Английский историк полагает, что в силу укорененных традиций жители округа после того, как успешно изгоняли французов и местных республиканцев, не продолжали победное шествие на Турин, а ограничивались своей небольшой провинцией и возвращались к повседневным трудам [9, р. 172–174]. Первое восстание завершилось благодаря вмешательству сначала пьемонтских республиканских сил, а затем и австрийской армии, которая заняла Аосту во избежание эксцессов коллективного насилия. Австрийская оккупация в мае-июне 1799 г., а затем возвращение республиканских порядков в июне 1800 г. создали новые

социальные и экономические проблемы, что способствовало повторению вспышки народного протеста в начале 1801 г.

Восстание цокколи мая 1799 г. имело далеко идущие последствия в локальном масштабе. Крестьяне долины Аосты впервые с момента французской оккупации осознали свою силу и объединили усилия. Предводители этого стихийного движения не располагали социальной программой, не обладали широкой известностью и популярностью. Однако под общим напором и без того неустойчивая политическая конструкция, созданная в Пьемонте в 1799 г., окончательно разрушилась в считанные дни.

Библиографический список / References

1. Андронов И.Е. Уроки историографии. Савойское государство Раннего нового времени // Очерки по истории стран европейского Средиземноморья. К юбилею заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова В.П. Смирнова / Под общ. ред. Л.С. Белоусова. СПб., 2020. С. 18–32. [Andronov I.E. Lessons of historiography. The Savoy State of the Early Modern Time. *Ocherki po istorii stran evropejskogo Sredizemnomorya. K yubileyu zaslužennogo professora MGU im. M.V. Lomonosova V.P. Smirnova. L.S. Belousov* (ed.). St. Petersburg, 2020. Pp. 18–32. (In Rus.)]
2. Бондарчук В.С. Итальянское крестьянство в XVIII в. Аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве. М., 1980. [Bondarchuk V.S. *Italyanskoe krestyanstvo v XVIII v. Agrarnye otnosheniya i socialnoe dvizhenie v Sardinskem korolevstve*. М., 1980. [Italian peasantry in the 18th century. Agrarian relations and social movement in the Sardinian kingdom]. Moscow, 1980.]
3. Канделоро Дж. История современной Италии. Истоки Рисорджименто. 1770–1815. М., 1958. [Candeloro G. *Istoriya sovremennoj Italii. Istoki Risordzhimento. 1770–1815* [Storia dell'Italia moderna. Le origini del Risorgimento (1700–1815)]. Moscow, 1958.]
4. Милютин Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. В 3-х т. СПб., 1857. [Milyutin D.A. *Istoriya vojny 1799 goda mezhdru Rossiej i Franciej v czarstvovanie imperatora Pavla I* [History of the war of 1799 between Russia and France during the reign of Emperor Paul I]. In 3 vols. St. Petersburg, 1857.]
5. Митрофанов А.А. Мятежная Савойя: от «великой ферментации» до французской оккупации 1791–1792 гг. По материалам АВПРИ // Французский ежегодник. 2018. Вып. 51. С. 78–92. [Mitrofanov A.A. *Rebellious Savoy: From the “great fermentation” to the French occupation of 1791–1792. Based on the materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire. Annual of French Studies*. 2018. Vol. 51. Pp. 78–92. (In Rus.)]
6. Митрофанов А.А. Движение барбэ в эпоху Французской революции: крестьяне, контрреволюционеры, бандиты? // История. 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). DOI: 10.18254/S207987840015439-1 [Mitrofanov A.A. *The Barbet Movement in the times of the French Revolution: Peasants,*

- counter-revolutionaries, bandits? *Istoriya*. 2021. Vol. 12. Issue 7 (105). DOI: 10.18254/S207987840015439-1 (In Rus.)]
7. Arnold J.R. Marengo and Hohenlinden: Napoleon's rise to power. Barnsley, 2005.
  8. Broers M. Revolution as vendetta: Patriotism in Piedmont, 1794–1821. *The Historical Journal*. 1990. Vol. 33. No. 3. Pp. 573–597.
  9. Broers M. The parochial revolution: 1799 and the counter-revolution in Italy. *Renaissance and Modern Studies*. 1990. Vol. 33. No. 1. Pp. 159–174.
  10. Broers M. The police and the padroni: Italian notabili, French gendarmes and the origins of the centralized state in Napoleonic Italy. *European History Quarterly*. 1996. Vol. 26 (3). Pp. 331–353.
  11. Broers M. Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821: State building in Piedmont. Lewiston [New-York], 1997.
  12. Broers M. The politics of religion in Napoleonic Italy. The war against God, 1801–1814. London, New York, 2002.
  13. Cuaz M. Il ducato d'Aosta tra riforme e rivoluzione. *Dal trono all'albero della libertà. Trasformazioni e continuità istituzionali nei territori del Regno di Sardegna dall'antico regime all'età rivoluzionaria*. T. I–II. Roma, 1991. T. I. Pp. 315–324.
  14. Davico R. Populations marginales et développement industriel : l'économie du Piémont à la fin du XVIIIe et au début du XIXe siècle. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1972. T. 19. № 3. Pp. 469–497.
  15. Davico R. Prix et conjoncture : la "période" napoléonienne en Piémont. Quelques réflexions au sujet d'une crise. *Revue Historique*. 1972. T. 248. Fasc. 1 (503). Pp. 25–48.
  16. Davico R. Peuple et notables (1750–1816). Essai sur l'ancien régime et la révolution en Piémont. Paris, 1981.
  17. Duc P.-E. La prévôté et la paroisse de Saint-Gilles abbé a Verrès diocèse d'Aoste. Ivree, 1873. Pp. 161–163.
  18. Fenoil F. La Terreur sur les Alpes : avec l'histoire des deux premiers régiments des Socques. 2-e éd. Aoste, 1887.
  19. Gachot E. La deuxième campagne d'Italie (1800). Paris, 1899.
  20. Gosso M. Cerise Guglielmo Michele. *Dizionario Biografico degli Italiani*. 1979. Vol. 23. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/guglielmo-michele-cerise_%28Dizionario-Biografico%29/ (date of access: 06.03.2023).
  21. Henry J.-M. Histoire de la Vallée d'Aoste. 2-e éd. Aoste, 1959.
  22. Iafelice M. Barbets ! La résistance à la domination française dans le pays niçois 1792–1814. Nice, 1998.
  23. Omezzoli T. Il Comune di Aosta: figure, istituzioni, eventi in sei secoli di storia. Aosta, 2004.
  24. Pellini S. Due episodi di storia valdostana. Novara, 1909.
  25. Ricuperati G. Le avventure di uno stato «ben amministrato» rappresentazioni e realtà nello spazio sabauda tra ancien régime e rivoluzione. Torino, 1994.
  26. Ricuperati G. Lo Stato sabauda nel Settecento: dal trionfo delle burocrazie alla crisi d'antico regime. Torino, 2001.
  27. Ruggiero M. La rivolta dei contadini piemontesi 1796–1802. Torino, 1974.
  28. Ruggiero M. L'anno del fuoco (1799). I cosacchi e La Massa cristiana in Piemonte. Pinerolo–Torino, 1999.

29. Tercinod G. Le troisième régiment des socques 26, 27, 28 décembre 1853 et le débat près la Cour d' Appel de Turin. Aoste, 1968.
30. Vaccarino G. I giacobini piemontesi. 2 vol. Roma, 1989.
31. Zanotto A. Histoire de la Vallée d'Aoste. Aoste, 1980.
32. Zanotto A. Témoignages et documents pour l'histoire de la Vallée d'Aoste pendant la Révolution et l'Empire. *Société académique, religieuse et scientifique du duché d'Aoste*. Bulletin. 1965. № 42. Pp. 183–266.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023, принята к публикации 18.05.2023
The article was received on 13.04.2023, accepted for publication 18.05.2023

Сведения об авторе / About the autor

Митрофанов Андрей Александрович – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории, Институт всеобщей истории Российской Академии наук, г. Москва

Andrey A. Mitrofanov – PhD in History; senior researcher at the Department of New and Contemporary History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: paxgallica@gmail.com

О.В. Тихонович

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
392000 г. Тамбов, Российская Федерация

Полонизация Западной Белоруссии с помощью Корпуса Охраны Пограничья в первой половине 1920-х гг.

Статья посвящена процессам полонизации той части белорусской территории, которая по результатам польско-советской войны 1919–1921 гг. отошла по Рижскому мирному договору Второй Польской республике. В первой половине 1920-х гг. политическое руководство возрожденной Польши начало осуществлять национальную политику по ассимилированию белорусского этнического меньшинства. Его представители испытывали давление, что повлекло за собой прямое социальное недовольство. С целью подавления выступлений коренных жителей Западной Белоруссии, где польский элемент на протяжении веков находился в меньшинстве, в сентябре 1924 г. было создано специализированное воинское формирование – Корпус Охраны Пограничья, военнослужащие которого, помимо охраны восточной приграничной территории страны, задействовались в проведении культурно-просветительских и строительных мероприятиях для утверждения идей польской цивилизации среди белорусского этнического меньшинства с целью исключить любую возможность для белорусов встать на путь национально-духовного развития и сохранения своей самобытности. Польский солдат и офицер, по представлениям военно-политических кругов межвоенной Польши, мог не только силой оружия удержать за Варшавой Западную Белоруссию, но и провести денационализацию представителей белорусской идентичности, что означало ликвидацию в умах белорусов исторической индивидуальности.

Ключевые слова: Вторая Польская республика, межвоенная Польша, Западная Белоруссия, Корпус Охраны Пограничья, белорусское национальное меньшинство в Польше, полонизация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тихонович О.В. Полонизация Западной Белоруссии с помощью Корпуса Охраны Пограничья в первой половине 1920-х гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 103–116. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-103-116

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-103-116

O.V. Tikhonovich

Derzhavin Tambov State University,
Tambov, 392000, Russian Federation

Polonization of Western Belarus with the help of the Border Protection Corps in the first half of the 1920's

The article is devoted to the processes of Polonization of that part of the Belarusian territory, which, according to the results of the Polish-Soviet war of 1919–1921 ceded to the Second Polish Republic according to the Riga Peace Treaty. The article shows that in the first half of the 1920's the political leadership of the revived Poland began to implement a national policy of assimilation of the Belarusian ethnic minority, whose representatives in the first years of their stay in a bourgeois-democratic country experienced colonization methods that led to national infringement, which resulted in direct social discontent. And in order to suppress the actions of the indigenous inhabitants of Western Belarus, where the Polish element had been in its minority for centuries, in September 1924 a specialized military formation of the Polish army was created – the Border Protection Corps. Whose military personnel, in addition to protecting the country's eastern border territory, were involved in carrying out cultural, educational and construction activities to affirm the ideas of Polish civilization among the Belarusian ethnic minority in order to exclude any opportunity for Belarusians to embark on the path of their national and spiritual development and preserve their identity. It was the Polish soldier and officer, according to the ideas of the military-political circles of interwar Poland, who could not only keep

Western Belarus behind Warsaw by force of arms, but also denationalize representatives of the Belarusian identity, which meant the elimination of historical individuality in the minds of Belarusians.

Key words: Second Polish Republic, interwar Poland, Western Belarus, Border Protection Corps, Belarusian national minority, polonization

FOR CITATION: Tikhonovich O.V. Polonization of Western Belarus with the help of the Border Protection Corps in the first half of the 1920's. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 103–116. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-103-116

Польско-советская война 1919–1921 гг. являлась последствием политики стран Антанты по возвращению на восточноевропейскую карту польской государственности – Второй Польской республики, которая лишилась своего существования во второй половине XVIII в. по результатам т.н. «Трех европейских разделов» Первой Речи Посполитой [1, с. 103; 8, с. 22].

Если представители польской идентичности справедливо добивались осенью 1918 г. своих исконно этнических земель [9, с. 38–39], то военная авантюра Ю. Пилсудского [22, р. 100], проходившая под знаменем многовекового польского лозунга – «Polska od morza do morza» («Польша от моря до моря») [10, с. 68], в отношении восточных территорий Белоруссии, Украины и Литвы являлась неоправданной, т.к. столетиями на данных землях проживали в большинстве своем представители восточнославянского этноса – белорусы, украинцы и русские, а также литовцы, в то время как польский элемент всегда был в меньшинстве, но обладал сильными экономическими и культурно-духовными позициями [2, с. 149, 152; 31, с. 251; 35, с. 258–259].

Польско-советское военное противостояние закончилось 18 марта 1921 г. с подписанием мирного договора в Риге, по статьям II–III которого устанавливалась восточная граница возрожденной Польши с БССР и УССР¹. Для руководства РСФСР данные статьи Рижского мира означали потерю огромных территорий с большей долей лиц восточнославянского происхождения – белорусов и украинцев, а также русских. Речь идет о землях Западной Белоруссии и Западной Украины, получивших свое наименование в советской идеологии с целью показать различный уровень общественно-экономического развития тех белорусов,

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III. Апрель 1920 г. – март 1921 г. М., 1965. С. 521–524.

которые проживали в Стране Советов, и той части белорусской нации, представители которой в межвоенный период испытывали классовый и национальный гнет в буржуазно-демократической Польше [13, с. 203; 18, с. 152].

Также ключевой являлась статья V мирного соглашения, согласно которой Москва и Варшава обязывались гарантировать в отношении друг друга государственно-территориальный суверенитет, что означало не только отказ от прямого вмешательства коммунистов во внутренние дела Второй Польской республики, но и польских политиков в отношении тех земель, которые перешли под руководство национальных советских республик. Также обе стороны, подписавшие Рижский мир, брали на себя обязательство не способствовать созданию каких-либо организаций, ставивших перед собой цель вооруженной борьбы с противоположной стороной².

Статьи Рижского мира детально прописывали правовое положение лиц восточнославянской национальности, которые были переведены во Второй Польской республике в разряд национальных меньшинств. Так, статья VII мирного договора гарантировала белорусам, украинцам и русским право на сохранение своей самобытности. Им предоставлялась возможность развивать собственную культуру, культивировать свой родной язык и религию путем открытия национальных школ, просветительско-образовательных организаций, центров и союзов, а также возведения религиозных сооружений. Поэтому белорусским гражданам Второй Польской республики была гарантирована полная свобода в открытии и посещении православных церквей³.

Свобода религиозного исповедания была призвана не только сохранить самобытность восточных славян, проживающих в пределах межвоенной Польши, но и закрепить языковую составляющую их жизни, т.к. белорусские прихожане во время богослужений могли слышать из уст священнослужителей родной для них русский язык, а не польский или латинский, как это было в стенах католических костелов [3, с. 90, 92; 5, с. 30–31; 15, с. 28–29].

Стоит также отметить, что высшее руководство возрожденной Польши, помимо своих обязательств перед правительством Страны Советов, имело официальные договоренности с Лигой Наций⁴, касающиеся

² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III. Апрель 1920 г. – март 1921 г. М., 1965. С. 525.

³ Там же. С. 527–528.

⁴ Данная международная организация в 1920–1930-е гг. выполняла задачу по предотвращению межэтнической и межконфессиональной розни на территориях тех стран, которые входили в ее состав, в т.ч. это касалось и Второй Польской республики.

сохранения межнационального спокойствия между польским большинством и тем национальным меньшинством, к которым относились немцы, чехи, белорусы, украинцы, русские и евреи. Такое обязательство перед западноевропейским сообществом было заключено польской делегацией на Парижской мирной конференции в Версале 28 июня 1919 г., т.е. в тот же самый день, когда завершилась Первая мировая война. В тогдашних условиях элита Второй Польской республики была вынуждена пойти на подписание с США, Францией, Великобританией, Италией и Японией т.н. «Малого Версальского договора», текст которого состоял из двух глав. Первая глава, включающая в себя 12 статей, возлагала на Польшу обязательства по выработке и принятию законопроектов по охране расовых, национальных, религиозных, языковых и культурных прав тех лиц, которые не принадлежали к польской национальности, а также предоставлению всем гражданам страны равных возможностей в политической, экономической, образовательной и научной деятельности [23, s. 87–93]. Подобные условия были приняты Варшавой по соображениям закрепления последующих договоренностей со странами Антанты для получения дипломатических и военных гарантий с продвижением польских войск на Восток в сторону Советской России. Прежде всего это касалось Французской Республики, с которой возрожденная Польша стремилась заключить тесный союз [4, с. 56; 16, с. 108].

Помимо внешних соглашений, к положениям которых правящие классы межвоенной Польши были обязаны присматриваться в процессе своей законотворческой деятельности, функционировала внутренняя юридическая база, ограничивающая произвол польских служащих на региональном и центральном уровне в отношении нацменьшинств. Речь идет о высшем законе межвоенной Польши – Конституции, которая на протяжении двух десятилетий независимого существования польской государственности претерпела существенные изменения, что влекло за собой перестройку всей политической системы страны.

Так, Польша в 1920-е гг. прошла два важных внутривнутриполитических этапа. Первый этап являлся периодом парламентаризма, начавшимся 17 марта 1921 г. с принятием Конституции, которая была самой демократической во всей Европе. Основным законом страны предоставлял двухпалатному сейму (парламенту) неограниченную законотворческую инициативу [14, с. 135–136]. Важно отметить, что статьи 109–110 «Мартовской» Конституции гарантировали равноправие представителям всех национальных меньшинств, которые проживали в пределах Польши, а статьи 111–115 прописывали следующее положение: лица непольской идентичности могли свободно исповедовать собственную

религию, а также открывать за свой счет специальные помещения, которые были предназначены для религиозной деятельности, и беспрепятственно участвовать в богослужениях, не встречая при этом сопротивления со стороны органов государственной власти и представителей католической ветви христианства [25, с. 38–39].

Но парламентский период Второй Польской республики был недолгим, т.к. 12–14 мая 1926 г. в стране произошел военный переворот, устроенный и возглавляемый Ю. Пилсудским, в результате которого была установлена диктатура Первого маршала Польши с его приближенными военными лицами. Они с «майского переворота» стали проводить т.н. политику «Санации» [11, с. 47], что означало очищение страны от тех враждебных элементов, которые представляли для государства прямую или косвенную угрозу⁵.

Из вышеприведенного следует, что польские правящие круги не были свободны в определении курса, касающегося положения национальных меньшинств, к которым относились и белорусы, проживающие на северо-востоке Польской республики в границах четырех воеводств – Белостокского, Полесского, Новогрудского и Виленского. Их численность на территориях данных административно-территориальных единиц Польши в 1920–1930-е гг. составляла более 2 млн чел., 80% которых проживало в сельской местности [19, с. 54–59; 34, с. 111–123].

Если в статьях «Малого Версальского договора» и Рижского мира были определены прогрессивные на тот момент тенденции в отношении представителей непольской идентичности, то правящая элита Второй Польской республики решила не только не принимать во внимание тот фундамент национальной политики, который был указан в 1919 г. Антантой, а в 1921 г. – руководством Советской России, но и приняло решение игнорировать «Мартовскую» Конституцию 1921 г. Такое попустительство высшего политического руководства Польши в отношении своих собственных граждан привело к тому, что в первой половине 1920-х гг. северо-восток Польши стал очагом мощного партизанского движения украинских, литовских и белорусских крестьян. Причины такого вооруженного недовольства заключались в непродуманной политике польских властей по разрешению земельного вопроса, т.к. аграрное законодательство страны с 1920 г. не предоставляло лицам восточнославянского происхождения возможности приобретать даже небольшие земельные наделы [7, с. 69]. В то же время после завершения польско-советской войны стал формироваться привилегированный

⁵ Они не стали на колени. Сборник воспоминаний и документов о концлагере Береза Картузская. Мн., 1966. С. 283–284.

социальный институт – «осадничество»), членами которого становились военнослужащие польской армии, государственные чиновники и гражданские лица польской нации. В результате этого осадники получали в Западной Белоруссии и Западной Украине за бесценно огромные земельные участки [6, с. 36; 17, с. 97], лишая возможности белорусских и украинских крестьян выкупать у государства землю. Особенно остро данная проблема в начале 1920-х гг. проявилась в Западной Белоруссии, где территория славилась своими болотами, лесами и сезонными наводнениями. Присутствие польских офицеров, переходивших в разряд помещиков, вызывало недовольство местных жителей, которые видели в новоиспеченных панах главную причину своих экономических проблем [24, с. 182–183]. Представители белорусской интеллигенции опасались влияния не только пришлых помещиков, но и всех представителей польской нации (например, чиновников и учителей), т.к. их деятельность могла окончательно уничтожить самобытность белорусов [29, с. 84–85].

Но крупные очаги крестьянских выступлений в белорусских воеводствах польскому руководству удалось подавить военными мероприятиями к концу 1923 г. Генеральный штаб Второй Польской республики в сентябре 1924 г. специальным указом принял решение об образовании воинского формирования – Корпуса Охраны Пограничья (КОП) [21, р. 6; 37, с. 209]. Корпус был призван охранять восточную границу Польши от «коммунистической угрозы» со стороны Советского Союза⁶, а также военнослужащих планировалось направлять против тех волнений, которые наблюдались в восточной части страны, включая Западную Белоруссию. Так, офицеры и солдаты КОПа привлекались для осуществления карательных операций по подавлению тех революционно настроенных лиц, организаций и различных сообществ, которые своей деятельностью подрывали польскую государственность [32, с. 98–99]. КОП обязан был также внедрять в местную среду элементы польской культуры для того, чтобы полонизировать белорусов, украинцев, русских и литовцев, и, таким образом, способствовать решению национального вопроса в пользу поляков путем стирания культурно-исторического кода представителей нацменьшинств.

Командующий КОПом генерал-лейтенант Х. Минкевич в первую годовщину образования корпуса в 1925 г. особенно подчеркивал, что миссия солдат, располагавшихся на восточной границе, заключалась не только в военной защите страны от «советской угрозы», но и в просвещении местного населения [27, с. 1], которое, по представлениям

⁶ Протяженность границы Второй Польской республики с СССР составляла 1450 км.

польских военно-политических кругов, являлось тогда необразованным, некультурным и темным [31, s. 255].

В связи с этим важным вопросом по полонизации белорусских воеводств являлась деятельность Корпуса по обучению малограмотных крестьянских масс. С этой целью офицерский состав КОПа был призван сперва обучить своих военнослужащих путем специальных курсов, во время которых солдат усваивал знания по истории польской нации, знакомился с официальными символами и заучивал фамилии ключевых исторических деятелей, первое место среди которых занимала фигура Пилсудского [20, s. 155]. Приобретая полученные знания, военнослужащие во время патрулирования, способствующего прямым контактам с местным населением, могли приобщать граждан непольской национальности к духовно-культурным корням польской цивилизации. Более того, офицерам Корпуса предписывалось проводить специальные лекции по ликвидации неграмотности среди сельского населения [26, s. 14; 27, s. 19–20]. Стоит, правда, отметить, что подобные просветительские акции носили скорее демонстративный характер, нежели давали качественный результат, т.к. граждане восточнославянского происхождения зачастую не обладали знанием польского языка и поэтому не могли воспринимать речь офицеров-лекторов в достаточном объеме. Крестьянское население Западной Белоруссии относилось к подобным мероприятиям с опасением, поскольку за непосещение лекций могли посадить в полицейский участок или в камеру отделения военной контрразведки (дефензивы) в качестве прорусски настроенных активистов, которые своим отсутствием на образовательных акциях молчаливо высказывались за коммунистическую идеологию.

Местных жителей приобщали к польской истории путем организации массовых манифестаций по случаю важнейших государственных праздников. Например, воинские подразделения КОПа ежегодно 3 мая обязаны были «приглашать» сельских и городских жителей Западной Белоруссии к празднованию «Дня Конституции Третьего мая»⁷, на мероприятиях которого развивались национальные символы страны – двухцветный бело-красный флаг и одноглавый белый орел [33, s. 48–49].

С государственно-историческими символами проходило чествование дня «Польского солдата», отмечавшегося ежегодно 15 августа и посвященного победе польской армии под командованием Ю. Пилсудского в Варшавской битве 1920 г. над Красной Армией [36, s. 159]. Данный

⁷ Данный национальный праздник и сегодня отмечается в Польше на высшем уровне, т.к. 3 мая олицетворяет прогрессивность всей польской нации, которая в 1791 г. в лице сейма Первой Речи Посполитой приняла первый Основной закон во всей Европе.

праздник являлся молодым для возрожденной Польши. По этому случаю для местного населения, помимо совместных религиозно-католических служб, манифестаций и речей ксендзов, польских чиновников и военных, проводились военные парады и театрализованные представления, главными участниками которых являлись военнослужащие КОПа. Офицеры должны были заранее не только отрепетировать с рядовыми парадный марш и строевой смотр, но и составить такой сценарий театрализованных постановок, который мог бы с помощью яркой эмоциональной игры и примитивных декораций донести до местного населения идею о прогрессивно-исторической роли польской нации в жизни лиц восточнославянского происхождения. Актерами подобных исторических представлений являлись зачастую сами солдаты, а лица офицерского звания выступали в роли сценаристов [26, s. 15–16; 27, s. 22]. С такой же торжественностью ежегодно праздновался день именин архитектора польской государственности – Ю. Пилсудского, отмечавшийся 19 марта на всех уровнях государственной власти [12, с. 322, 331, 370].

Другим мероприятием по проведению политики колонизации являлся вопрос уровня медицинского обслуживания населения восточных воеводств, т.к. руководители польского государства с помощью печатных изданий выстраивали пропагандистскую картину неразвитости и дикости жителей Восточной Польши. Местечки Западной Белоруссии в первой половине 1920-х гг., по мнению польских правящих кругов, были наводнены крестьянами, которые являлись переносчиками венерических заболеваний, а также распространителями эпидемий сыпного тифа и туберкулеза. Поэтому военнослужащие КОПа под предлогом борьбы с очагами инфекций обязаны были присутствовать в восточных окраинах страны, выполняя «цивилизационную миссию» по спасению белорусов от высокого уровня смертности [26, s. 27–28; 27, s. 17].

Не последней обязанностью корпуса, которая решала задачу колонизации белорусов, являлась строительная работа по возведению дорожной инфраструктуры в Западной Белоруссии. Данный процесс не только укреплял обороноспособность страны по переброске воинских контингентов, но и был направлен на улучшение внутренних и внешних экономических связей [28, s. 96], т.к. по Рижскому мирному договору предусматривалось налаживание торгово-экономических отношений с Москвой, «воротами» для чего служили восточные воеводства республики. К тому же строительство дорожной инфраструктуры с помощью рядовых военнослужащих также было призвано служить демонстративной акцией местному населению, создавая впечатление единства польского солдата и обычного гражданина [27, s. 4].

Такая миссия корпуса объяснялась тем, что территории белорусских воеводств Польши находились в первой половине 1920-х гг. в состоянии полной экономической разрухи по причине интенсивных боевых действий в 1914–1921 гг., в результате которых население западно-белорусской территории не имело важных инфраструктурных и социальных объектов. Перед польским руководством стояла задача осуществить процесс восстановления и модернизации приграничных стратегических участков, т.к. большевистская Россия, по заверениям политического и военного командования Польской Республики, представляла главную внешнюю угрозу не только для возрожденной Польши, но и всего западноевропейского сообщества [30, с. 73–74]. Поэтому КОП предлагалось привлекать, например, для налаживания узлов связи, что приводило к телефонизированию ближайших населенных пунктов. Также военнослужащие Корпуса активно задействовали само местное население в налаживании данных средств связи путем их найма в качестве вспомогательной рабочей силы по доставке многометровых телефонных кабелей или деревянных телеграфных столбов [27, с. 13–14]. Данная акция также была призвана продемонстрировать восточнославянскому населению поддержку, исходившую от военнослужащих польской армии. Работа сводилась к простым, но тяжелым физическим действиям, благодаря которым отцы семейств могли поправить свое материальное положение.

Возвращение суверенной польской государственности в 1918 г. по праву может оцениваться как историческая справедливость за тот 123-летний период раздробленности, который представители польской нации пережили со второй половины XVIII в. Но развязанная с Советской Россией в 1919–1921 гг. война никак не может рассматриваться как акт возвращения исконно польских территорий по той простой причине, что веками от Люблинщины до Смоленщины польский национальный элемент был в своем меньшинстве и уступал в количественном отношении лицам восточнославянского происхождения – белорусам, украинцам и русским. Включение Западной Белоруссии в состав Польши привело к разрыву единой белорусской нации. Западнобелорусская территория, составлявшая 22% всей межвоенной Польши, попала под прицел национальной политики колонизации, целью которой являлась ассимиляция белорусского населения. Подобные внутривнутриполитические действия привели в первой половине 1920-х гг. к революционным волнениям и вооруженным выступлениям белорусских крестьян, которые стремились утвердить для себя социальную справедливость, а не попасть под средневековое ярмо польских панов.

Для подавления в будущем подобных волнений в сентябре 1924 г. был образован Корпус Охраны Пограничья, на который возлагалась обязанность защиты польской границы от СССР. Также деятельность корпуса была направлена на поддержание общественно-политического спокойствия в восточной части Польской республики, что означало реализацию политики полонизации в отношении лиц восточнославянского происхождения. С этой целью правительство и военные круги страны задействовали офицеров и солдат КОПа в пропаганде идей польской цивилизации при помощи демонстративных социально-культурных мероприятий и строительных работ. Это должно было укрепить институт польской власти на территории Западной Белоруссии, и таким путем лишить население белорусских воеводств Польши всякой возможности развития национального самосознания.

Библиографический список / References

1. Ахмадеева К.Р. Разделы Речи Посполитой: предпосылки, события, итоги // *Шаг в науку*. 2022. № 3. С. 101–106. [Ahmadeeva K.R. Disunion of Polish-Lithuanian commonwealth: Backgrounds, events, results. *Shag v nauku*. 2022. No. 3. Pp. 101–106. (In Rus.)]
2. Борисенок Ю.А. Белорусские земли между Польшей и Россией – от разделов Речи Посполитой до окончания Второй мировой войны (1772–1945 годы) // *Новая и новейшая история*. 2015. № 5. С. 148–159. [Borisenok Yu.A. The Belarusian territory between Poland and Russia – from partition of the Polish-Lithuanian commonwealth until the end of World War II (1772–1945). *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2015. No. 5. Pp. 148–159. (In Rus.)]
3. Вабішчэвіч А.М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст, 2008. [Vabishhevich A.M. Nacionalno-kulturnaja zhizn Zapadnoj Belarusi (1921–1939 gg.) [National-cultural life of Western Belarus (1921–1939)]. Brest, 2008.]
4. Вершинин А.А. Наследие Рижского договора 1921 г. и европейская безопасность в межвоенный период: проблема франко-польско-советского взаимодействия // *Рыжскі мірны дагавор 1921 г. у лёсах народаў Усходняй і Цэнтральнай Еўропы: Матэрыялы міжнар. навук. канф.*, Мінск, 26 сак. 2021 г. / А.Г. Кахановіскі (рэд.). Мінск, 2022. С. 50–59. [Vershinin A.A. The heritage of the Riga treaty of the and European security in the interwar period: The problem of franco-polish-soviet interaction. *Ryžski mirny dahavor 1921 h. u losach narodaў Uschodniāj i Centralnaj Jeŭropy*. A.G. Kahanovskij (ed.). Minsk, 2022. Pp. 50–59. (In Rus.)]
5. Волокитина Т.В. Православная церковь в системе государственно-церковных отношений в Польше первой половины XX в. // *Российские и славянские исследования: Научный сборник*. Вып. 3. / Редкол.: А.П. Сальков. Мн., 2008. С. 26–47. [Volokitina T.V. The Orthodox Church in the system of Church-State relations in Poland in the first half of the 20th century. *Rossijskie i slavjanskije issledovanija*. Vol. 3. A.P. Salkov (ed.). Minsk, 2008. Pp. 26–47. (In Rus.)]

6. Гресь С.М. Итоги аграрных реформ и их влияние на состояние сельского хозяйства Западной Беларуси (1921–1939 гг.) // История и археология. 2014. № 10 (18). С. 35–39. [Gres S.M. Results of agrarian reforms and their impact on the state of agriculture in Western Belarus (1921–1939). *Istorija i arheologija*. 2014. No. 10 (18). Pp. 35–39. (In Rus.)]
7. Гресь С.М. Разработка аграрного законодательства польскими властями в 1921–1939 гг. // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (2). С. 68–71. [Gres S.M. Development of agrarian legislation by the Polish authorities in the years 1921–1939. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. 2014. No. 1 (2). Pp. 68–71. (In Rus.)]
8. Демидов А.В. Россия и разделы Польши // Chronos: общественные науки. 2022. Т. 7. № 1 (24). С. 17–25. [Demidov A.V. Russia and partitions of Poland. *Chronos: obshhestvennye nauki*. 2022. Vol. 7. No. 1 (24). Pp. 17–25. (In Rus.)]
9. Жеймо М. Геополитические условия формирования восточных границ Польши после окончания Первой мировой войны (Сообщение второе) // Проблемы межрегиональных связей. 2019. № 14. С. 38–41. [Zhejmo M. Geopolitical conditions for the formation of the eastern borders of Poland after the end of the First World War. *Problems of Connections between Regions*. 2019. No. 14. Pp. 38–41. (In Rus.)]
10. Курганский А.А. Игнаций Падеревский о границах и внешнеполитической ориентации независимой Польши (1914–1921) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 60–71. [Kurganskiy A.A. Ignacy Paderewski on the borders and foreign policy of independent Poland (1914–1921). *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2021. No. 2. Pp. 60–71. (In Rus.)]
11. Матвеев Г.Ф. К вопросу о типологии режима «санации» в Польше // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 3 (26). С. 42–51. [Matveev G.F. Questions about the typology of the “Sanation” regime in Poland. *Bereginya. 777. Sovo: Obshhestvo. Politika. Jekonomika*. 2015. No. 3 (26). Pp. 42–51. (In Rus.)]
12. Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008. [Matveev G.F. Pilsudskij [Józef Piłsudski]. Moscow, 2008.]
13. Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.). М., 1969. [Olshansky P.N. Rizhskij mir. Iz istorii borby Sovetskogo pravitelstva za ustanovlenie mirnyh otноshenij s Pоlshej (konec 1918 – mart 1921 g.) [From the history of the struggle of the Soviet government for the establishment of peaceful relations with Poland (late 1918 – March 1921)]. Moscow, 1969.]
14. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. [Polsha v XX veke. Oчерki politicheskoy istorii [Poland in the 20th century. Essays on political history]. Moscow, 2012.]
15. Самосюк Н.В. Православные праздники в культуре Западной Беларуси в межвоенный период // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 3 (45). С. 26–32. [Samosiuk N.V. Orthodox holidays in culture Western Belarus in the interwar period. *Vestnik*

- Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv.* 2022. No. 3 (5). Pp. 26–32. (In Rus.)]
16. Сорокин Н.Д. Винцент д’Абернон и франко-британская военно-дипломатическая миссия в Польше (1920 г.) // Интеллигенция и мир. 2022. № 1. С. 100–126. [Sorokin N.D. Vincent d’Abernon and the Franco-British military-diplomatic mission in Poland (1920). *Intelligentsia and the World.* 2022. No. 1. Pp. 100–126. (In Rus.)]
  17. Степанчук О.П. Национальная политика польской администрации и командования Войска Польского относительно украинцев Холмщины в 20–30-х годах XX в // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2012. № 34. С. 97–101. [Stepanchuk O.P. National policies of Polish administration and command of the Polish Army about Ukrainians from Holmschina in 20–30-years of XX century. *Nauchnye trudy istoricheskogo fakulteta Zaporozhskogo nacionalnogo universiteta.* 2012. No. 34. Pp. 97–101. (In Rus.)]
  18. Трофимчик А.В. Западная Беларусь: проблема генезиса понятия // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2017. № 2. С. 147–154. [Trofimchik A.V. Western Belarus: The problem of the genesis of the term. *Rossija i Belarus: istorija i kultura v proshlom i nastojashhem.* 2017. No. 2. Pp. 147–154. (In Rus.)]
  19. Barwiński M. Spisy powszechne w Polsce w latach 1921–2011 – określanie czy kreowanie struktury narodowościowej? *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Geographica Socio-Oeconomica.* 2015. Nr. 21. S. 53–72.
  20. Dobrowolski P. Świątlice żołnierskie – rola i zadania w systemie wychowawczym żołnierzy (1918–1939). *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica.* 2018. Nr. 101. S. 147–158.
  21. Henryk C. Działalność Korpusu Ochrony Pogranicza w systemie bezpieczeństwa II Rzeczypospolitej. *Almanach (Actual Issues in World Economics and Politics).* 2010. Vol. 5 (1). Pp. 5–16.
  22. Isakau S. Belarusian lands in the plans of political concepts of Yu. Pilsudski and R. Dmowski during Polish-Soviet war (1919–1921). *BSPU Bulletin. Series 2. History. Philosophy. Political Science. Sociology. Economics. Culture Studies.* 2020. No. 2 (104). Pp. 99–102.
  23. Kazimierz K. Ochrona praw mniejszości w Polsce. Poznań, 1933.
  24. Kirwiel E. Gospodarka Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej uwarunkowania rozwoju, reformy ekonomiczne. *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX wieku.* 2012. T. X. S. 181–193.
  25. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 17 marca 1921 r. wraz z uzupełnieniami z 1926 roku. Warszawa, 1933.
  26. Korpus Ochrony Pogranicza w trzecią rocznicę objęcia służby na granicach Rzeczypospolitej 1926–1927. Warszawa, 1927.
  27. Korpus Ochrony Pogranicza: w pierwszą rocznicę objęcia służby na wschodniej granicy Rzeczypospolitej: 1924–1925. Warszawa, 1925.
  28. Łach H. Praca społeczna jako obowiązek służbowy żołnierzy w garnizonach Korpusu Ochrony Pogranicza. *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica.* 2018. Nr. 102. S. 89–102.
  29. Litwiński R. Inteligencja polska w służbie państwowej II Rzeczypospolitej (zarys problematyki). *Studia z Historii Społeczno-Gospodarczej XIX i XX wieku.* 2018. T. XIX. S. 81–99.

30. Materski W. Miejsce II Rzeczypospolitej w sowieckiej polityce zagranicznej (1918–1939). *Przegląd Nauk Historycznych*. 2002. R. 1. Nr. 1. S. 71–85.
31. Mironowicz A. Specyfika pogranicza polsko-białoruskiego. *Sąsiedztwo i pogranicze – między konfliktem a współpracą*. 2013. T. II. S. 249–256.
32. Ochał A. Problemy żandarmerii Korpusu Ochrony Pogranicza z marynarzami Flotylli Pińskiej w 1927 r. Przyczynek do historii formacji w świetle dokumentów żandarmerii KOP. *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 2018. Nr. 3–4. S. 98–113.
33. Pietras T. Z Orłem Białym przez wieki. Z dziejów polskiej symboliki państwowej. *Aleksandrów wczoraj i dziś*. 2013. S. 8–55.
34. Rzepkowski A. Spisy ludności na ziemiach polskich w latach 1789–1939. *Przegląd Nauk Historycznych*. 2005. R. IV. Nr. 2 (8). S. 101–125.
35. Śleszyński W. Pogranicze polsko-białoruskie – obszar zgody czy konfliktu. *Sąsiedztwo i pogranicze – między konfliktem a współpracą*. 2013. T. II. S. 257–268.
36. Stefański M. Uroczystości państwowe, wojskowe i religijne w Korpusie Ochrony Pogranicza na przykładzie 16 Batalionu “Sienkiewiczze” w latach 1927–1932. *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Historica*. 2018. Nr. 102. S. 157–168.
37. Zawadzki P. Raisons de la création et de l'évolution des formations frontalières polonaises dans l'entre-deux-guerres. *Miscellanea Historico-Iuridica*. 2021. T. 20. Z. 2. S. 201–229.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023, принята к публикации 14.06.2023

The article was received on 26.04.2023, accepted for publication 14.06.2023

Сведения об авторе / About the author

Тихонович Олег Владимирович – аспирант кафедры истории и философии факультета истории, мировой политики и социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина

Oleg V. Tikhonovich – postgraduate student of the Department of History and Philosophy of the Faculty of History, World Politics and Sociology, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

E-mail: tikhonovich.oleg@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-117-132

УДК 329.1/6+94

Д.Д. Сушков

Российский государственный гуманитарный университет,
125993 г. Москва, Российская Федерация

Фашизм и Сопротивление в Италии в интерпретации Коммунистической партии и Христианской демократической партии (1943–1948 гг.)

В статье выявляется роль мифологемы Сопротивления в формировании партийной идентичности Коммунистической партии Италии и Христианской демократической партии. Рассматривается процесс становления мифологемы и трансформации представлений о фашизме в контексте политических и социальных изменений, произошедших в Италии после Второй мировой войны. Автор рассматривает феномен Сопротивления в качестве конструкта, использовавшегося представителями коммунистического и либерально-демократического лагеря для обоснования собственной идеологии и поиска новой идентичности в изменившихся политических условиях. Для представителей левых сил во главе с коммунистами Сопротивление обладало особым символическим значением, т.к. Коммунистическая партия не была представлена до этого в легальном политическом поле. Демократы, в свою очередь, видели в Сопротивлении один из символов объединения народа, движение воспринималось ими как пробуждение нации.

© Сушков Д.Д., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: фашизм, Сопротивление, Коммунистическая партия Италии, Христианская демократическая партия Италии, Пальмиро Тольятти, А. Де Гаспери

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Сушков Д.Д. Фашизм и Сопротивление в Италии в интерпретации Коммунистической партии и Христианской демократической партии (1943–1948 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 117–132. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-117-132

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-117-132

D.D. Sushkov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, 125993, Russian Federation

Fascism and Resistance in Italy in the interpretation of the Communist Party and the Cristian Democratic Party (1943–1948)

The article reveals the role of mythology of Resistance in the formation of party identity of the Communist Party of Italy and the Christian Democratic Party. The author analyzes the process of mythologemic formation and transformation of ideas about fascism in the context of political and social changes that took place in Italy after World War II. The author examines the phenomenon of the Resistance as constructs used by representatives of the communist and liberal-democratic camps to justify their own ideology and search for a new identity in a changed political environment. For representatives of the left-wing forces led by the Communists, the Resistance had a special symbolic meaning because the Communist Party was not represented in the legal political field until after the war. For their part, the democrats saw the resistance as a symbol of national unity and saw the movement as an awakening for the nation.

Key words: Fascism, Resistance, Italian Communist Party, Christian Democratic Party of Italy, Palmiro Togliatti, Alcide De Gasperi

FOR CITATION: Sushkov D.D. Fascism and Resistance in Italy in the interpretation of the Communist Party and the Cristian Democratic Party (1943–1948). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 117–132. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-117-132

После Второй мировой войны Италия испытала на себе перемены, которые отразились не только на политике и экономике страны, но и определили угол восприятия и осмысления «Фашистского двадцатилетия» (*Ventennio fascista*) и нового национального мифа о Соппротивлении. К нижней хронологической рамке исследования относится 1943 г. – начало гражданской войны в Италии и появление движения Соппротивления. Верхней границей исследования является 1948 г. – год политического «раскола» между Христианской демократической партией (ХДП) и Коммунистической партией Италии (КПИ), связанный с окончательным переходом последней в оппозицию из-за присоединения Италии к Плану Маршалла и сближения с западными странами.

Понятие партийной идентичности тесно связано с коллективной идентичностью, в которой политическая партия или движение играют важную роль. С одной стороны, партия является репрезентативным органом части населения, разделяющей ее систему ценностей и политических целей. С другой стороны, партия принимает непосредственное участие в формировании идентичности, возлагая на себя функции подбора значимых исторических событий в качестве ценностной основы и их интерпретации, что влияет как на партийную идентичность, так и на коллективную идентичность ее электората [1].

В статье анализируются различные интерпретации Соппротивления и место данной мифологемы в определении партийной идентичности КПИ и ХДП как наиболее значимых акторов послевоенной политики.

Феномен Соппротивления рассматривается с разных сторон: с одной стороны, это реакция на фашизм, не удовлетворявший более запросы общества. С другой стороны, движение являлось важным идеологическим и культурным инструментом, использовавшимся в политических целях. В этой связи стоит разделять понятия «Соппротивление-движение» и «Соппротивление-миф», подобно тому, как Р. Де Феличе проводил черту между «фашизмом-движением» и «фашизмом – государственным режимом» [12, р. 29–46].

В качестве источниковой базы исследования используются политические выступления партийных лидеров ХДП и КПИ, политические программы партий и газетные статьи указанного периода.

История Сопrotивления как исторического движения рассмотрена во многих работах. Наибольший вклад в эту область внесли итальянские авторы. К. Павоне анализирует характер гражданской войны в Италии и приходит к выводу, что в период 1943–1945 гг. страна вела сразу три войны: гражданскую между фашистами и антифашистами, освободительную против германских войск и классовую, заключавшуюся в открытом противостоянии между крупными промышленниками и рабочим классом [22]. Павоне стремится показать широкое разнообразие факторов, из которых состоит Сопrotивление. Эти факторы вступали в сложную сеть взаимодействий, которую и называют Сопrotивлением [20].

С. Пели анализирует пути становления движения Сопrotивления и деятельность различных групп, из которых оно состояло [23]. Исследователь выявляет мотивы различных слоев населения, главным из которых является стремление к переменам на фоне общей усталости от войны и присутствия немецких войск на территории страны [23, р. 6–8].

К. Фалькони изучал деятельность католических организаций в Сопrotивлении и послевоенной Италии [13]. По мнению исследователя, Сопrotивление стало своеобразной подготовкой активистов движения к послевоенной политической борьбе. Автор разделяет католицизм на два течения: «народный католицизм», повлиявший впоследствии на формирование политических партий, и «католицизм интеллектуалов», которые формулировали официальную политику Ватикана по отношению к послевоенному будущему Италии и роли церкви в стране.

Исследованием Сопrotивления и фашизма как мифов, формировавших идентичность и историческую память итальянцев, занимается Ф. Фокарди, анализирующий мифологемы фашизма и Сопrotивления, их соотношение и осмысление в итальянском обществе в разное время [15; 16].

Среди англоязычных исследователей отметим Н. Когана, занимавшегося политической историей послевоенной Италии. Он полагает, что одним из важнейших факторов, повлиявших на переустройство Италии после войны, стало качественное изменение общества: увеличение числа рабочих и индустриализация страны [19, р. 213–223].

Е. Ага-Росси анализирует, каким образом зарождавшаяся биполярная система влияла на политическую обстановку в Италии. По мнению этого автора, одним из ключевых факторов, предопределивших положение страны на внешнеполитической арене, стал военно-политический контроль стран-союзниц и отсутствие советской военной администрации в 1943–1945 гг., а присутствие союзников позволило провести демократизацию политической системы в 1945–1947 гг. [7].

Среди российских исследователей отметим Н.П. Комолову и Г.С. Филатова, обобщивших различные историографические подходы в исследовании фашизма и Сопротивления [4; 6]. Авторы выводят три основных направления в изучении указанных исторических явлений. Марксистский подход рассматривает фашизм как наиболее агрессивную и реакционную часть мировой капиталистической системы. Сторонники либерального подхода считают фашизм противоестественным для итальянского общества и рассматривают Сопротивление как процесс восстановления нормальных политических форм в стране. Сторонники третьего направления рассматривают фашизм как естественный этап в формировании итальянского национального государства.

Изучением политического контекста в послевоенной Италии занималась Ц. Кин. В своих работах она подробно анализирует деятельность КПИ и ХДП от времени сотрудничества до полного разрыва. Исследователь уделяет особое внимание феноменам «черного» и «красного» экстремизма, оказывавшим большое влияние на жизнь итальянского общества. Согласно Ц. Кин, союз КПИ и ХДП в долгосрочной перспективе был невозможен из-за разных политических целей и принципиальных различий в идеологии [2].

Восприятие фашистского прошлого в Италии имеет свои особенности. Это связано с культурно-историческими условиями, в которых развивалось итальянское общество на протяжении столетий. Иными являются обстоятельства зарождения и оформления фашистского режима, который отличается от других тоталитарных режимов большей мягкостью.

С.Е. Князева справедливо отмечает, что двойственность режима не позволила создать крепкую связку между партией и государством, которая была характерна для других тоталитарных режимов эпохи. Среди основных причин отметим развитую городскую культуру и сохраняющийся в умах местечковый национализм, получивший название «кампанилизм»¹. В подобных условиях тотальное подчинение общества государству было маловероятным [3, р. 194–195]. К остальным факторам, помешавшим формированию тоталитарного государства, можно отнести институт монархии, существовавший параллельно с режимом, и большое влияние католицизма в обществе [Там же, р. 196–197].

Наличие данных институтов, таким образом, мешало формированию идеократии и всеобъемлющего государства, которое могло бы

¹ Кампанилизм (итал. *il campanilismo*) – чрезмерная и исключительная любовь к родному региону, часто приводящая к предвзятому неприязненному отношению к другим странам и обычаям. URL: <https://dizionari.repubblica.it/Italiano/C/campanilismo.html> (дата обращения: 03.12.2022).

осуществлять контроль не только за общественными процессами, но и за частной жизнью граждан.

Отсутствие жесткого контроля за обществом в годы правления Б. Муссолини привело к ряду последствий. С одной стороны, стало возможным появление и развитие движения Сопrotивления, деятели которого создали прецедент для появления после войны нового национального мифа. С другой стороны, гражданская война 1943–1945 гг.² продемонстрировала отнюдь не однозначное отношение итальянцев как к представителям Сопrotивления, так и к фашистам. Более того, отсутствие масштабных дополнительных мероприятий, связанных с дефашизацией общества и государственных институтов [15, р. 207–209] могут свидетельствовать о том, что в послевоенной Италии не сформировалось ясное отношение к прошлому. Очевидно, что прогнозы философа Б. Кроче о том, что последующие поколения итальянцев будут «стыдиться» фашизма, в полной мере не оправдались [8, р. 66].

Дискуссия о фашизме и Сопrotивлении возникает уже к концу Второй мировой войны. Участники Сопrotивления по-разному оценивали перспективы дальнейшего развития страны. Политические события вызывали различную реакцию внутри Движения. Так, казнь Муссолини, совершенная партизанами 28 апреля 1945 г., привела к разногласиям по поводу справедливости произошедшего с бывшим вождем итальянского государства. Коммунисты стремились создать в массах образ «Муссолини-труса», «преступника», расправа над которым в любом случае представлялась легитимной [28, р. 94]. Лидер тогдашних социалистов П. Ненни отмечал, что «текущая война является продолжением борьбы, которую итальянский народ вел с режимом последние 20 лет» [15, р. 90].

С другой стороны, Ватикан осуждал подобное деяние, указывая на то, что любой преступник должен предстать перед справедливым судом [28, р. 95]. Стоит отметить, что представители самого фашистского лагеря не были едины: пока часть из них была в заключении, некоторые «бывшие фашисты», чуть позднее занявшие политические посты, оценивали ликвидацию режима и казнь Муссолини как «наиболее законное деяние за весь период войны» [Там же]. Нельзя также не упомянуть и о массе «уставшего» населения, отвергавшего любую политическую полярность. Главным выразителем этой позиции был Г. Джаннини, выпускавший журнал “L’Uomo Qualunque” и создавший позднее одноименную партию [2, с. 215–218].

² Milza P. E’assurdo disfare l’Italia che esiste da venticinque secoli. *Corriere della sera*. 14 giugno 2005.

Таким образом, исторический и идеологический контекст во второй половине 1940-х гг. был сложен, от последующих политических шагов зависело формирование новых мифологем, примирение между различными группами или рост напряженности внутри общества и, как следствие, судьба молодой республики, т.к. определенная часть населения воспринимала смерть Муссолини и переход Италии на сторону антигитлеровской коалиции как «поражение и гибель всей нации» [18, р. 135].

Итак, мы можем выделить по крайней мере четыре тенденции, имевших влияние на общество в первые годы существования Итальянской республики. Во-первых, это КПИ и наиболее близкая ей идеологически Итальянская социалистическая партия (ИСП), принимавшие активное участие в движении Сопротивления. Далее, представители либерального и католического лагеря, имевшие в качестве репрезентативного органа ХДП, образованную в 1943 г. Третья сила была представлена бывшими фашистами, стремившимися вновь влиться в политическую и идеологическую жизнь страны в обход XII статьи Конституции, запрещавшей в каком бы то ни было виде возобновлять деятельность Фашистской партии и допускать ее бывших функционеров в политику в ближайшие 5 лет, т.е. с 1946 до 1952 г.³ Наконец, «уставшие» от политических разногласий и интриг представители “Uomo qualunque”, заявившие о себе сразу после войны, но не сумевшие предложить политической альтернативы. Остальные мелкие партии и движения имели сравнительно небольшое влияние и ориентировались на одну из вышеуказанных сил.

Каждая из сторон стремилась дать свое видение прошлого и создать миф, который мог бы сформировать новую итальянскую идентичность. В этом вопросе позиции социалистов, коммунистов и демократов имели точки соприкосновения.

Снятие ответственности с итальянцев и формирование образа «Италии-жертвы» относится к 1943 г., когда союзники обратились к итальянскому народу по радио, назвав политический режим в королевстве «антиитальянским» и возлагая всю ответственность за текущее положение дел на Муссолини [15, р. 26–32].

Подобная позиция союзников снимала с Италии часть ответственности, что было удобно как для Великобритании и США, стремившихся к умиротворению одного из основных союзников Германии, так и для самих итальянцев. Антифашистские лидеры сразу же стали разделять «Италию Муссолини» и «демократическую и антифашистскую Италию» [Там же, р. 89]. Ненни утверждал, что итальянский народ, по существу,

³ Costituzione della Repubblica Italiana, Art. No. XII. URL: <https://www.quirinale.it/allegati-statici/costituzione/costituzione.pdf> (data di accesso: 30.11.2022).

стал первой жертвой фашизма [15, р. 93], а Кроче пытался показать культурную и историческую разницу между Италией и Германией, чтобы подчеркнуть «неестественность» их союза. Италию он видел преемницей коммунальной городской культуры и Рисорджименто, а Германия представлялась ему агрессивным государством, созданным Бисмарком и Вильгельмом II и породившим Гитлера⁴.

Итак, после окончания войны партиям предстояло сформулировать свое отношение к периоду «фашистского Двадцатилетия» и определить собственную роль в Сопротивлении.

Интерпретация Сопротивления Коммунистической партией Италии

Одной из наиболее влиятельных политических сил в послевоенной Италии являлась КПИ, которая уже с 1943 г. демонстрировала ясную позицию по отношению к фашизму и членам фашистской партии. Сразу после войны коммунисты исходили из текущей политической ситуации, поэтому их политика была однозначна: убийство Муссолини, гонения и расправы над высшими фашистскими иерархами, попытки дефашизации общества, по их мнению, были легитимны⁵, т.к. «обнаружение следов фашистского влияния во всех сферах жизни общества и их последующее разрушение» [Там же, р. 93] позволило бы реформировать всю систему в русле демократизации, что, в свою очередь, повысило бы шансы коммунистов и социалистов на победу в политической борьбе.

Казнь Муссолини до того момента, как он мог попасть в руки союзников, с точки зрения коммунистов, была единственно верным решением, т.к. это снижало шансы активизации сторонников фашизма [28, р. 90–93]. Более того, коммунисты пытались разрушить миф о «гипермаскулинном» и «мужественном» Муссолини, сделав фигуру Дуче менее привлекательной [Там же, р. 94]. Этому способствовала широкая кампания, развернутая в газетах. Ее целью было создание нового мифа о бывшем вожде, причем акцент делался на его бесславном конце. Созданию такого образа способствовали воспоминания коммунистов, участвовавших в убийстве Муссолини, например, Вальтера Аудизио. Партийные газеты также не обходили этот вопрос стороной, умело расставляя акценты. В первом выпуске журнала “La Rinascita” была помещена большая статья, обозначающая официальную позицию КПИ касательно режима Муссолини. Фашисты объявлялись «ответственными за случившуюся катастрофу, предателями нации и заклятыми

⁴ Croce B. *Pagine politiche luglio-dicembre 1944*. Bari, 1945. P. 115.

⁵ Togliatti P. *Opere scelte*. Roma, 1974. Pp. 328–330.

врагами рабочего класса»⁶. Газета “Avanti!” (главное издание КПИ) отреагировала на казнь Муссолини лишь краткой заметкой от 29 апреля 1945 г. под названием «Правосудие свершилось» (*Giustizia è fatta*), где убийство дуче объявлялось «решением народа» и «исполнением приговора»⁷. Подобный ход формировал у читателя ощущение незначительности произошедшего на фоне других событий.

С деконструкцией мифа о фашизме возникала необходимость создать новый миф. Для всей Европы, за исключением Германии, это был миф о Соппротивлении [15, р. 9]. Коммунисты принимали активное участие в Соппротивлении на всех его уровнях, начиная от организации забастовок и заканчивая созданием партизанских отрядов. Об этом свидетельствует большое количество документов, связанных с формированием коммунистических ячеек и налаживанию их взаимодействия [21], а также создание Комитета национального освобождения (КНОСИ) – главного координирующего органа Соппротивления.

Лидеры КПИ рассчитывали влиться в политический процесс после окончания войны и, вероятно, занять лидирующие позиции, являясь главной организующей силой Соппротивления [Там же, р. 368].

В своем обращении от 20 декабря 1943 г. П. Секкья, один из видных функционеров КПИ, акцентирует внимание на кризисном состоянии правительства, которым должны воспользоваться коммунисты [Там же, р. 264–268]. Более того, КПИ имела главенствующее положение и при разрешении кризисов, намечавшихся внутри самого Соппротивления. Так, например, в 1944 г. коммунистами была пресечена попытка раскола движения. Дж. Амендола отмечал их главенствующую роль при разрешении этого кризиса, получившего название «Салернский поворот» (*Svolta di Salerno*) [Там же, р. 409–412], а одной из главных задач движения, сформулированных П. Тольятти (генеральным секретарем КПИ), было освобождение севера страны до прихода союзников [Там же, р. 505]. КПИ, таким образом, стремилась реорганизовать страну во время гражданской войны, создать благоприятный для себя политический климат и сформировать пространство для дальнейших политических маневров.

Одной из задач послевоенного времени стала борьба за внимание масс, которая происходила между левыми в составе КПИ и ИСП и «буржуазными силами», крупнейшим представителем которых являлась ХДП. Обещания коммунистических лидеров Соппротивления касательно послевоенного периода сводились к «трансформации революционной

⁶ Classe operaia e la partecipazione al governo. *La Rinascita*. 1944. No. 1. P. 4.

⁷ *Giustizia è fatta. Avanti!* 29 aprile 1945. P. 1.

борьбы с сохранением первоначальных идей» [10, р. 112–113.], заключавшихся в «борьбе с фашизмом» и после этого – «социалистическим преобразованием общества»⁸.

Таким образом, мы можем выделить ряд черт, создававших образ «коммунистического» Сопrotивления. Во-первых, активная работа с массами, направленная как на распространение коммунистических идей, так и на налаживание функционирования общественных институтов (КНОСИ, система профсоюзов, «Римский пакт»⁹ и т.д.). Во-вторых, организующая роль, связывавшая представителей различных политических партий в единое движение и, в-третьих, роль медиатора, призванного разрешать кризисные ситуации. По указанным причинам Сопrotивление было одним из важнейших идеологических элементов, на котором строилась послевоенная идентичность КПИ. Борьба с фашизмом открыла организационный и политический потенциал партии. Предыдущий период воспринимался коммунистами как зло, а единственным конструктивным событием за «Фашистское двадцатилетие» стало Сопrotивление, в котором КПИ играла главную роль [8, р. 3–32; 12, р. 356].

Результаты муниципальных выборов 1946 г., где левые заняли второе место, а центристский блок обошел их лишь на 100 голосов [26, р. 401], подтвердили важную роль партии в общественно-политическом пространстве Италии.

Сразу после войны КПИ столкнулась с изменившейся политической и социальной реальностью, в которую необходимо было встроиться. Тольятти охарактеризовал тактику партии как «новую попытку взаимодействия с массами» [14, р. 357], коммунисты взяли курс на расширение «бреши в стене, выстроенной фашистами» [14, р. 359], т.е. на увеличение влияния партии среди представителей нового поколения, а также создание «доверительных отношений» с ними [Там же, р. 357]. Руководством КПИ был сформулирован новый политический курс с ориентацией на опыт СССР [2, с. 341], однако послевоенные выборы не принесли КПИ большинства в парламенте, а роль лидера переходила к ХДП. Опыт Сопrotивления не смог обеспечить коммунистам победы, а раскол между двумя крупнейшими политическими силами стал очевиден.

Коммунистическая пропаганда тех лет пыталась актуализировать внимание общества на опасности фашизма, используя марксистскую интерпретацию данного явления. Тольятти считал фашизм режимом

⁸ Statuto del PCI. Roma, 1951. P. 3.

⁹ «Римский пакт» (итал. *“Patto Romano”*) – соглашение, заключенное 3 июня 1944 г. между коммунистами, социалистами и христианскими демократами, направленное на создание Всеобщей итальянской конфедерации труда.

крупных капиталистов, которые после поражения в войне вынуждены были искать новые инструменты для сохранения влияния. Таким инструментом для них стали США, являвшиеся ведущей капиталистической державой, а также остатки старых, но влиятельных в обществе групп: католической церкви, «старых» фашистов и ведущих промышленников [14, р. 361].

Согласно этой логике, итальянские элиты, заключившие союз с США и принимавшие от них помощь, предали, по мнению руководства партии, идеи демократии и сотрудничества, сложившегося в годы гражданской войны.

С другой стороны, политическая переориентация КПИ была неизбежна из-за принципиальных различий с ХДП. Показательна официальная переписка между Тольятти и генеральным секретарем ХДП А. Де Гаспери, датированная 1944 г. Письмо Тольятти от 12 сентября 1944 г. посвящено признанию коммунистами важности религии и традиций, которые защищает ХДП. В ответном письме Де Гаспери подчеркивал важность взаимного доверия и самодисциплины, но указывал на убийства христианских демократов, совершаемые коммунистами¹⁰, что говорило о напряженности между КПИ и ХДП уже в годы Сопrotивления. В выступлениях от 20 июня 1947 г. и 10 июня 1948 г.¹¹ вождь КПИ констатировал раскол между партиями и обвинял правительство в создании клерикально-фашистского блока для борьбы с движением рабочих.

Таким образом, расчеты коммунистов касательно Сопrotивления оправдались лишь частично. Движение не принесло КПИ победу, хотя и стало одним из важнейших событий в конструировании идентичности, предложенной обществу коммунистами. Демократическая борьба требовала иных методов взаимодействия с обществом.

Интерпретация Сопrotивления Христианско-демократической партией

ХДП была второй крупной силой, активно принимавшей участие в Сопrotивлении и определявшей ход политических процессов в указанный период. Несмотря на совместные действия против общего противника, христианские демократы стремились демонстрировать политическую обособленность от КНОСИ. Так, Де Гаспери в своих выступлениях стремился подчеркнуть политическую самостоятельность партии во время гражданской войны, разделяя деятельность ХДП и КНОСИ.

¹⁰ De Gasperi A. *Un partito di popolo*. Roma, 1973. P. 45–47.

¹¹ Togliatti P. *La rottura dell'unità democratica*. Togliatti P. *Opere scelte*. Roma, 1974. P. 498–519, 520–549.

После войны христианские демократы стали первой политической силой в республике, что вызвало возмущение КПИ, рассчитывавшей на долгосрочный эффект от участия в Соппротивлении.

Во время гражданской войны вокруг ХДП образовывались сообщества, ориентированные не на марксистское учение и СССР, а на христианские ценности и демократизм [17, р. 1–5], что делало возможным дальнейшее сотрудничество со странами-союзницами и облегчало стране реинтеграцию в европейское сообщество государств.

«Христианское» движение Соппротивления не было однородным, оно состояло из сил, опиравшихся на христианские ценности, например, представителей ликвидированной Муссолини Итальянской народной партии, корнями уходящей в довоенное движение «Католическое действие» (“Movimento Azione Cattolica”). Активное участие в борьбе с режимом также принимали представители оппозиционных режиму католических организаций.

Если для КПИ Соппротивление было одним из важнейших инструментов легитимизации, способом интеграции в легальное политическое поле, то для ХДП оно являлось способом возродить дофашистский парламентский режим. Курс на «реконструкцию» Де Гаспери [9, р. 107–118] стал одной из главных политических задач ХДП сразу после войны.

Неслучайно фашистская полиция связывала Де Гаспери со «старыми политическими теориями» [25, р. 63]. Приверженность «старым теориям» и позволила политику избежать длительного ареста, т.к. незаконная политическая деятельность такого рода не представляла для фашистского режима большой опасности.

Итак, начиная с 1943 г. на всей территории страны возникают различные католические объединения и отряды, которые не имеют единой организации, но также участвуют в Соппротивлении. Среди наиболее крупных движений можно отметить «Бригады зеленых огней» (“Brigate Fiamme Verdi”), являвшиеся аналогом коммунистических гарибальдийских дивизий.

Характерной чертой всего «некоммунистического» Соппротивления была неоднородность и отсутствие единого политического центра, оно состояло из католиков разных направлений: остатков «Партии левых христиан» (“Partito della sinistra cristiana”) [11, р. 21–54], активно взаимодействовавших с социалистами и демократами [28, р. 150–152]. Несмотря на формальное подчинение всех сил Соппротивления КНОСИ, образованного в 1944 г., главенствующая роль коммунистов в Комитете не могла не отталкивать идеологически чуждые им элементы, поэтому роль этого органа сводилась к координированию военных действий против общего врага.

Политический дискурс разделялся на два основных потока – левый, коммунистический, ориентирующийся на опыт СССР, и либерально-демократический, тяготеющий к другим странам-союзницам.

Идейно-политическое формирование партий приводило к кризисам. Например, попытка политизации католицизма привела к расколу, в результате которого одна часть примкнула к социалистам Ненни, а другая часть осталась в фарватере ХДП.

Тем не менее, и это признавалось даже коммунистами, католическая вера имела огромное значения для масс. Любопытно, что Тольятти обвинял ХДП в узурпации права на защиту свободы вероисповедания¹².

В определенный момент население должно было выбрать, кого поддерживать: коммунистов, идентичность которых основывалась на «материалистических» учениях, или же партию, представляющую традиционные христианские ценности и идеалы, что еще раз подтверждает высокую роль христианства в итальянском обществе.

К концу гражданской войны стало ясно, что итальянское общество находилось в противоречивой ситуации: с одной стороны, заметно выросла масса рабочих, т.к. процесс индустриализации страны привел к численному росту городов и фабрик. С другой – укорененность католических ценностей не позволяла в полной мере сформировать классовое мышление, что открывало ХДП возможность перехватить у коммунистов инициативу, в то время как публичный курс КПИ, направленный на консолидацию с христианскими демократами, выглядел неестественно и носил ситуативный характер [26, р. 316–322].

Что касается отношения к фашистскому прошлому и Муссолини, представители ХДП практически не касались этой темы в своих выступлениях. Большое количество характеристик, составленных на Де Гаспери в фашистский период, нейтральны по двум причинам: во-первых, его активность прекратилась с приходом к власти фашистов, во-вторых, все попытки подпольной деятельности считались для режима безопасными, т.к. имели в своем основании установки прохристианской «Народной партии» и не могли увенчаться успехом из-за договоренностей между церковью и режимом¹³. После нескольких попыток выехать за границу [24, р. 177–178], Де Гаспери переехал в Ватикан, где и находился под протекцией Святого престола [Там же, р. 291–292].

После окончания войны ХДП не обращается к памяти о Соппротивлении как о ключевом событии истории XX в. Внимание христианских

¹² Togliatti P. *Opere scelte*. Roma, 1974. P. 485–497.

¹³ Латеранские соглашения (итал. “*Patti Lateranesi*”) – ряд договоров, урегулировавших взаимоотношения между католической церковью и Итальянским королевством.

демократов обращено к актуальным проблемам – созданию прочного союза европейских государств¹⁴, коммунистической угрозе¹⁵, идеологическому противостоянию Европы и СССР¹⁶, сохранению политического баланса в обществе и примирению нации, а также политической реконструкции государства, основанной на традиционных христианских ценностях¹⁷.

* * *

Итак, Соппротивление имело большое идейно-политическое значение, поскольку являлось одним из основных элементов формирования новой послевоенной политической системы [9, р. 107–108]. Для ХДП оно играло роль одного из этапов формулирования новой политической задачи христианской демократии [17, р. 1–5] и не имело конституирующего значения в политической идентичности. Обновленные христианские ценности в сочетании с привлекательной перспективой общеевропейского партнерства, создавали возможность реорганизовать общество не только на уровне общественно-политического устройства, но и основываясь на традиционных ценностях, сформировавших поколения итальянцев вне зависимости от их политической принадлежности.

Для ИКП, напротив, миф о Соппротивлении играл важнейшую роль, был конституирующим элементом, «моментом силы», к которому обращались, чтобы замедлить отток электората. Не имея возможности реализовать программу «итальянского пути к социализму» [2, с. 341], коммунисты были вынуждены снова и снова обращаться к мифу о Соппротивлении.

Библиографический список / References

1. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017. [Assman A. *Raspalas svyaz vremen? Vzlet i padenie temporalnogo rezhima Moderna* [Is time out of joint? On the rise and fall of the Modern time regime]. Moscow, 2017.]
2. Кин Ц. Итальянский ребус. М., 1991. [Kin C. *Italyanskij rebus* [The Italian rebus]. Moscow, 1991.]
3. Князева С.Е. Итальянский фашизм в контексте итальянской идентичности: социокультурные практики // Фашизм, неофашизм и их преступная практика. М., 2021. С. 192–202. [Knyazeva S.E. *Italian fascism*

¹⁴ De Gasperi A. *Discorsi politici*. Roma, 1956. P. 364–365.

¹⁵ *Ibid.* P. 365–370.

¹⁶ *Ibid.* P. 362–363.

¹⁷ *Il programma della Democrazia Cristiana. Atti e documenti della Democrazia cristiana 1943–1967*. Vol. I. Roma, 1968. Pp. 36–51.

- in the context of Italian identity: Sociocultural practices]. *Fashizm, neofashizm i ih prestupnaya praktika*. Moscow, 2021. Pp. 192–202. (In Rus.)]
4. Комолова Н.П. Идејная борьба в итальянской историографии по проблемам движения Сопротивления. М., 1985. [Komolova N.P. Idejnaya borba v italyanskoj istoriografii po problemam dvizheniya Soprotivleniya [Ideological struggles in Italian historiography on the Resistance movement]. Moscow, 1985.]
  5. Любин В.П. Итальянская историография фашизма: подходы левых и правых // Фашизм, неофашизм и их преступная практика. М., 2021. С. 64–83. [Lyubin V.P. [The Italian historiography of Fascism: Left- and right-wing approaches]. *Fashizm, neofashizm i ih prestupnaya praktika*. Moscow, 2021. Pp. 64–83. (In Rus.)]
  6. Филатов Г.С. Проблема «второго Рисорджименто» и историография итальянского движения Сопротивления. М., 1963. [Filatov G.S. Problema «vtorogo Risordzhimento» i istoriografiya italyanskogo dvizheniya Soprotivleniya [The problem of the “second Risorgimento” and the historiography of the Italian Resistance movement]. Moscow, 1963.]
  7. Aga-Rossi E. Italy at outbreak of the Cold War. *Power in Europe? Great Britain, France, Italy and Germany in a Postwar World, 1945–1950*. N.-Y., 1986. Pp. 503–517.
  8. Amendola G. Comunismo, antifascismo e Resistenza. Roma, 1967.
  9. Andreotti G. De Gasperi e la ricostruzione. Roma, 1974.
  10. Checchi L. Il comunismo della Resistenza. Lotte sociali e guerra di liberazione nel Mugello. Milano, 1978.
  11. Cucchiari A. Cattolici tra Togliatti e De Gasperi (1937/45). Roma, 1977.
  12. De Felice R. Intervista sul fascismo. Bari, 1975.
  13. Falconi C. La Chiesa e le organizzazioni cattoliche in Italia (1945–1955). Torino, 1956.
  14. Ferrara M. Conversando con Togliatti. Roma, 1953.
  15. Focardi F. Il cattivo tedesco e il bravo italiano. La rimozione delle colpe della seconda guerra mondiale. Roma; Bari, 2016.
  16. Focardi F. La guerra della memoria. La Resistenza nel dibattito politico italiano dal 1945 a oggi. Roma; Bari, 2005.
  17. Galli G. Storia della democrazia cristiana. Bari, 1974.
  18. Hughes H. S. The United States and Italy. Cambridge, 1979.
  19. Kogan N. A political history of postwar Italy. L., 1966.
  20. Landi G. Sulla Resistenza. Rivista anarchica, 1993. No. 201. URL: http://www.arivista.org/?nr=201&pag=201_14.htm (data di accesso: 28.03.2023).
  21. Longo L. I centri dirigenti del PCI nella Resistenza. Roma, 1974.
  22. Pavone C. Una guerra civile. Saggio storico sulla moralità nella Resistenza. Torino, 1991.
  23. Peli S. La Resistenza in Italia. Storia e critica. Torino, 2004.
  24. Rossini G. De Gasperi e il fascismo. Roma, 1974.
  25. Scoppola P. La proposta politica di De Gasperi. Bologna, 1977.
  26. Tranfaglia N. Come nasce la Repubblica. La mafia, il Vaticano e il neofascismo nei documenti americani e italiani. 1943/1947. Bergamo, 2004.
  27. Valiani L., Bianchi G., Ragionieri E. Azionisti cattolici e comunisti nella Resistenza. Milano, 1971.
  28. Ventresca R. A. Mussolini’s Ghost: Italy’s Duce in History and Memory. *History and Memory*. 2006. Vol. 18. No. 1. Pp. 86–119.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023, принята к публикации 11.04.2023
The article was received on 28.03.2023, accepted for publication 11.04.2023

Сведения об авторе / About the author

Сушков Даниил Дмитриевич – аспирант кафедры всеобщей истории Историко-архивного института, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Daniil D. Sushkov – post-graduate student at the Department of General History of the Faculty of History, Russian State University for the Humanities, Moscow

E-mail: d.d.sushkov@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-133-146

УДК 32.019.5+394

С.Ю. Рафалюк

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация;

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
117418 г. Москва, Российская Федерация

Коллективная историческая память о Первой мировой войне в России и Беларуси в контексте коммеморативных практик XXI в.

Статья посвящена изучению феномена коллективной памяти о Первой мировой войне в современных России и Беларуси на основе анализа коммеморативных практик XXI в. Автором рассматриваются такие формы коммеморации, как возведение мемориалов, учреждение памятных дат, восстановление преданных забвению воинских захоронений и ряд других. Актуальность изучения данной проблемы обусловлена как современными политическими событиями, в которых Россия и Беларусь выступают консолидированно не только на международной арене, но и в процессе формирования единого культурно-идеологического пространства и политики памяти в отношении значимых событий общей истории, так и современным состоянием изучения феномена коллективной памяти, а также необходимостью осмысления значения коммеморативных практик в процессе ее формирования.

© Рафалюк С.Ю., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: коллективная историческая память, Первая мировая война, коммеморативные практики, места памяти, политика памяти

Благодарности. Статья подготовлена в рамках темы 123091200055-4 «Образы и нарративы исторической памяти российского общества: ценностный императив гражданского активизма» Экспертного института социальных исследований при поддержке Министерства науки и высшего образования в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Рафалюк С.Ю. Коллективная историческая память о Первой мировой войне в России и Беларуси в контексте коммеморативных практик XXI в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 133–146. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-133-146

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-133-146

S.Yu. Rafalyuk

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Moscow, 117418, Russian Federation

Collective historical memory of the First World War in Russia and Belarus in the context of commemorative practices of the XXI century

The article is devoted to the study of the phenomenon of collective memory of the First World War in modern Russia and Belarus based on the analysis of commemorative practices of the XXI century. The author considers such forms of commemoration as the erection of memorials, the establishment of memorable dates, the restoration of military graves consigned to oblivion, and a number of others. The relevance of studying this issue is due to both modern political events in which Russia and

Belarus act in a consolidated manner not only in the international arena, but also in the process of forming a single cultural and ideological space and memory policy in relation to significant events of common history, as well as the current state of studying the phenomenon of collective memory and the need to comprehend the significance of commemorative practices in the process of its formations.

Key words: collective historical memory, the First World War, commemorative practices, places of memory, memory policy

Acknowledgment. The article was prepared within the framework of the topic 123091200055-4 “Images and narratives of the historical memory of Russian society: the value imperative of civic activism” by Expert Institute of Social Research with the support of the Ministry of Science and Higher Education at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

FOR CITATION: Rafalyuk S.Yu. Collective historical memory of the First World War in Russia and Belarus in the context of commemorative practices of the XXI century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 133–146. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-133-146

Термин «коллективная память» был введен в научный оборот в первой половине XX в. М. Хальбваксом, связывавшим ее возникновение и существование с социальной группой, воздействие которой способно придавать любым индивидуальным воспоминаниям о прошлом универсальный характер, способствующий единению и сохранению общественного организма, но, в сущности, рождающий мифологию, а не историю. Ученый противопоставлял коллективную и историческую память, утверждая, что «история возникает там, где останавливается память» [20, р. 112]. На формирование коллективной памяти о событии существенное влияние оказывает политический, социальный, идеологический, культурный контексты его восприятия в конкретном обществе, со временем складывается своеобразный «канон восприятия», разделяемый большинством.

Представления о коллективной памяти по мере эволюции методологических парадигм подверглись определенной трансформации. Так, одна из авторитетнейших фигур в области изучения истории памяти А. Ассман отвергает наличие границ между историей и памятью и выдвигает концепцию «идеальных моделей» коммеморативных практик [1]. С учетом недостаточной изученности роли последних в современной культуре можно согласиться с тем, что процесс формирования коллективной памяти носит управляемый характер.

Одними из центральных сюжетов в конструкции коллективной исторической памяти народов России и Беларуси являются события Второй мировой войны. Это вполне объяснимо, учитывая общее боевое прошлое по достижению Победы, громадное количество человеческих жертв, в т.ч. из состава мирного населения, которое по статистике понесли именно эти республики Советского Союза. Мероприятия и общественные инициативы по поддержанию единой исторической памяти об этой войне имеют и постоянную государственную поддержку в рамках Союзного государства России и Белоруссии, значительно возросшую с связи с событиями на Украине, позицией западных стран в конфликте и стремительной деградацией традиционных европейских ценностей, частью которых на протяжении долгого времени являлось негативное отношение к нацизму.

Историческая память о Первой мировой войне не так актуализирована в сознании современных белорусов и россиян, хотя она имеет сходную природу, также обусловленную общим историческим прошлым народов, которые в начале XX в. были частью Российской империи. В периоды тяжелых испытаний память о военных подвигах и жертвах традиционно выступала одним из важнейших элементов поддержания общегражданской идентичности. В современных обстоятельствах не только память о Второй, но и о Первой мировой войне приобретает особую актуальность для конструирования единой политики памяти в России и Беларуси. В обращении к участникам X Форума регионов России и Беларуси Президент Российской Федерации В.В. Путин, говоря о перспективах дальнейшего сотрудничества отметил, что «особой оценки заслуживают совместные региональные инициативы, направленные на нарастающее взаимодействие в научных, образовательных и культурных сферах, на сохранение общей исторической памяти и борьбу с фальсификацией истории»¹. В ходе Первого российско-белорусского форума историков, который состоялся в Москве 2–3 июня 2023 г., в центре внимания его участников также оказались различные аспекты изучения общей исторической памяти двух народов.

Формы коммеморации памяти о Первой мировой войне, сформировавшиеся еще в межвоенный период, являются достаточно универсальными для всех стран-участниц. Это показывает анализ публикаций, выходящих к юбилейным датам – 50-летию и 100-летию Первой мировой войны, посвященных анализу коммеморативных практик (см., напр.: [5; 15]). На Западе память о войне поддерживается как на государственном (путем возведения мемориалов, почитания Могилы

¹ «Сотрудничество крепнет из года в год». Обращение Президента Российской Федерации Владимира Путина к участникам X Форума регионов России и Беларуси // Союзное государство. 2023. № 6 (196), июнь. С. 11.

неизвестного солдата (Париж, Лондон и др.), создания мемориальных парков и обустройства «лесов памяти», учреждения памятных дат, прежде всего – 11 ноября, почитаемого как день окончания войны, и особых ритуалов, единой символики с использованием красного мака и т.д.), так и на локальном уровне, посредством поддержания семейной памяти – сохранения писем и дневниковых записей фронтовиков, поездок на места сражений и т.п. [15, с. 96]. Однако если для государств, входивших в Антанту, и их народов историческая память о Первой мировой стала одной из важнейших в процессе формирования гражданской и национальной идентичности (а для канадцев, австралийцев и новозеландцев – системообразующей), то для стран, потерпевших поражение, она выступает одной из «болевых точек» в процессе культурной идентификации.

Особое положение в этом контексте занимают Россия и Беларусь, входившие в состав Российской империи, которая войну не проиграла, но и не вошла в число победителей благодаря революционным событиям 1917 г. Основными источниками поддержания коллективной памяти о Первой мировой войне здесь, как и в европейских странах, прежде всего, выступают исторические мемориалы и кладбища жертв боевых действий. В современном научном словаре они получили наименование «мест памяти» – понятия, теоретически обоснованного в работах П. Нора, который трактовал его достаточно широко, включая в число подобных «мест» архивы, музеи, коллекции, кладбища, годовщины и т.д. [9, с. 26]. К настоящему времени сложилось целое направление, занимающееся этим аспектом изучения коллективной памяти, а сам термин вошел в число часто упоминаемых в печати и речах политиков. Ярким примером воплощения данного подхода на Западе может служить монография Дж. Уинтера «Места памяти, места скорби: Первая мировая война в культурной истории Европы», переведенная на русский язык и опубликованная в нашей стране в 2023 г. [17]. В отечественной науке также активно разрабатывается данная проблематика, накопился значительный опыт в изучении эмпирических данных и наметился интерес к ее концептуальному осмыслению [13; 16]. Коллективная память о Первой мировой войне в России тоже является предметом научного интереса исследователей [4; 10–12; 14].

Как известно, в рамках советского дискурса память о Первой мировой войне не обрела достойного места, а сама она получила название империалистической, хотя многие участники этих событий продолжали жить в стране и являлись не только носителями исторической памяти о них, но и обладателями уникального боевого опыта, который оказался чрезвычайно востребован в ходе последующего глобального конфликта XX в. Воинские захоронения не поддерживались, многие из них были

утрачены (как, например, Братское кладбище в Всехсвятском, пригороде Москвы – ныне район Сокол), памятники героизму участников боевых действий уничтожались, а новые начали возводиться, за редким исключением, в постсоветский период. Память о павших поддерживалась усилиями энтузиастов из различных исторических обществ, представителями историко-реконструкторского движения, потомками погибших и т.п. Значимый статус в качестве мест памяти воинские кладбища начали приобретать только после крушения Советского Союза.

Регионом наиболее сохранившихся мест памяти о Великой войне в России является Калининградская область. Здесь расположено значительное количество воинских захоронений, 36 из которых охраняются государством, 9 из них – это кладбища воинов русской армии, 3 относятся к числу захоронений немецких военнослужащих и 24 составляют русско-немецкие захоронения. На учете государства состоят также 38 немецких и 2 современных памятника и памятных знака [8, с. 15]. Однако реальное число захоронений и памятников гораздо больше, и многие из них до сих пор находятся в плачевном состоянии.

На территории Беларуси, по некоторым оценкам, в настоящее время насчитывается порядка 200 захоронений военнослужащих русских, австрийских и немецких войск; здесь, как и в России, часть из гораздо большего числа ранее существовавших кладбищ была утрачена в XX в. В то же время появляются новые находки. На территории Минской области, включая сам Минск, находятся 47 подобных захоронений, 53 расположены на территории Брестской области, 34 – в Витебской области [2, с. 5; 3, с. 5, 124]. Показательно, что воинские захоронения противоборствующих сторон часто дополняли друг друга, что было обусловлено прифронтовой практикой тех времен. Например, на кладбище в районе д. Боруны (Гродненская обл.) среди сотен могил немецких солдат и офицеров нашел последний приют героический экипаж русского бомбардировщика «Илья Муромец», сбитого в 1916 г. На мемориальных кладбищах в районе Нарочи и Десятников (Минская обл.) русские и немецкие могилы соседствуют друг с другом².

В период нахождения белорусских земель в составе Польши, вплоть до 1939 г., вопросами обустройства воинских захоронений занимались польские власти, что, кстати, оговаривалось и условиями Рижского договора 1921 г.; значительную активность, несмотря на ревностное отношение государства, проявлял и Народный союз Германии, который интересовал в первую очередь захоронения соотечественников, однако поддерживалась сохранность могил российских военных [7, с. 214].

² Гарналицкий М. 1916-й. Белорусское наследие Первой мировой войны. URL: <https://realt.onliner.by/2018/11/12/1916-legacy?ysclid=ln1rtmvrwv440767789> (дата обращения: 10.06.2023).

После Второй мировой войны восстановление и обустройство воинских захоронений в Белоруссии активизировалось в 1980-е гг. по инициативе местных жителей и администраций; в 1990-е гг., после падения железного занавеса, в этот процесс вновь включился Народный союз Германии по уходу за воинскими захоронениями, восстановивший порядка 30 воинских кладбищ эпохи Первой мировой войны, на которых были захоронены немецкие солдаты, но имелись и русские захоронения. В 2000-е гг. активное содействие восстановлению воинских кладбищ Первой мировой войны стало оказывать Министерство обороны Беларуси. Учетом захоронений занимается Управление по увековечению памяти жертв войн; специализированные подразделения, имеющие в своем составе штатных археологов, осуществляют поиск, эксгумацию и захоронение с почестями останков участников боевых действий. В России в 2006 г. выполнение задач по увековечению памяти погибших при защите Отечества также было возложено на Министерство обороны (см. Указ Президента РФ от 22.01.2006 № 37).

Историческая ирония состоит в том, что материальных оснований для коммеморации подвига русской армии в Первой мировой войне на территории Беларуси, где находился один из театров военных действий, гораздо меньше, чем для армии противника. Немецкие позиции лучше снабжались передовыми, с точки зрения военно-инженерной мысли, материалами, в результате чего в лесах Беларуси сохранилось огромное количество немецких укреплений – траншей, дотов, бетонированных убежищ для солдат и офицеров, помещений для хранения оружия и целые бункеры с внутренними переходами; русские же укрепления сохранились плохо. Тем не менее, в настоящее время и те, и другие являются объектами для экскурсионных маршрутов. Многие делается для их восстановления и поддержания.

В постсоветский период восстановлению коллективной памяти о Первой мировой войне активно способствовала деятельность общественных организаций. Так, в 1998 г. в уже упомянутом районе Сокол на севере Москвы на месте разрушенного Братского кладбища по инициативе таких организаций началось обустройство Мемориально-паркового комплекса героев Первой мировой войны [6, с. 48–49]. В настоящее время Российское военно-историческое общество, Российская ассоциация историков Первой мировой войны и другие общественные организации и объединения России и Беларуси делают много для увековечения памяти героев и жертв Первой мировой войны.

В 2014 г. мир отметил 100-летие с начала Первой мировой войны. В России и Беларуси это событие было ознаменовано не только проведением целой серии научных конференций и всплеском публикационной активности историков и представителей других гуманитарных наук,

но и активным включением государства в процесс коммеморации. Еще в декабре 2012 г. была утверждена поправка к Федеральному закону Российской Федерации «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 г., вступившая в силу 1 января 2013 г., в которой Днем памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг., было установлено 1 августа³. Поскольку Калининградская область является единственным регионом современной России, где проходили боевые действия во время Первой мировой войны, именно в Калининграде 30 мая 2014 г. открылся первый в Российской Федерации памятник героям этой войны (скульптор С. Щербakov). В 2014 г. в г. Пушкине в составе музея-заповедника «Царское село» в Государевой Ратной палате открылся первый в России музей «Россия в Великой войне», а в 2018 г. здесь был заложена мемориальная растительная зона памяти героев Первой мировой [6, с. 49]. Традиция создания «лесов памяти» постепенно формируется и в других регионах России.

В г. Сморгони Гродненской области Беларуси в день 100-летия объявления Германией войны России открылся Мемориальный комплекс памяти героев и жертв Первой мировой войны (скульпторы А. Артимович, В. Теревун, архитектор А. Божидай), на возведение которого из средств Союзного государства было выделено 700 тыс. долларов, привлекались и средства из местного бюджета⁴. Место для памятника было выбрано неслучайно: 810 дней здесь шли ожесточенные бои, сдерживавшие продвижение противника вглубь страны. В этом противостоянии погибли десятки тысяч солдат и офицеров русской армии (точная цифра не установлена, известны всего порядка 900 имен), а город Сморгонь получил название «мертвого», поскольку из 16 тыс. жителей в нем осталось только 154 человека. Здесь героически сражались будущие маршалы Советского Союза Р.Я. Малиновский и Б.М. Шапошников, будущие знаменитые писатели М.М. Зощенко и В.П. Катаев, будущие активные участники Белого движения М.Г. Дроздовский и А.П. Кутепов и многие другие.

Мемориал представляет собой масштабную композицию, состоящую из двух элементов. Первый представлен символической часовой с колоколами, у подножия которой находится отлитая в бронзе стилизованная карта боевых действий 1915–1917 гг., а по бокам расположены

³ Федеральный закон от 30.12.2012 № 285-ФЗ «О внесении изменений в статью 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140081/3d0cac60971a511280cbb229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения: 10.09.2022).

⁴ Блинов М. «Лучший памятник солдату» открыт в Белоруссии к юбилею Первой мировой. 04.08.2014. URL: <https://ria.ru/20140804/1018773257.html?ysclid=lmxkt3g7qn618867732> (дата обращения: 10.04.2023).

гранитные урны с землей с мест воинских захоронений. Информация об объекте мемориализации изложена на двух языках – русском и белорусском (важное замечание, поскольку большинство исторических памятников на территории Минска, например, сопровождающих табличек на русском языке не содержат). Вторая часть комплекса представлена трехчастной скульптурной композицией – «Беженцы», «Солдаты Первой мировой» и «Крылатый гений солдатской славы», вокруг которой размещены гранитные памятные камни с бронзовыми медальонами с текстом на русском языке, повествующие о событиях и героях тех далеких дней. Так, на одном из медальонов обозначено, что «здесь 19 июня 1916 г. на позициях 253-го Перекопского и 254-го Николаевского пехотных полков 26-го армейского корпуса российской армии в результате газовых атак германских войск были отравлены 33 офицера и 1584 солдата». В дальнейшем на фронте под Сморгонью газовые атаки предпринимались неоднократно и унесли жизни десятков тысяч человек. Описание этого ужаса сохранились в источниках личного происхождения: дневнике и письмах с фронта А.Л. Толстой, дочери великого русского писателя, которая работала в госпитале недалеко от Сморгони, в воспоминаниях К.Г. Паустовского, служившего здесь санитаром.

Для Беларуси мемориал в Сморгони стал первым памятником подобного масштаба. На его открытии заместитель премьер-министра Республики Беларусь А. Тозик охарактеризовал события Первой мировой войны как «огромную трагедию национальной истории» для белорусов⁵. Согласно данным, размещенным на официальном сайте Национальной библиотеки Беларуси, около 900 тыс. жителей белорусских губерний было призвано в армию Российской империи и порядка 70 тыс. из них оказались в числе безвозвратных потерь, около 60 тыс. мирных жителей погибло и еще порядка 50 тыс. было угнано в Германию, громадных масштабов достигло беженство, количественные оценки которого до сих пор вызывают споры историков и колеблются в пределах от 1,5 до 2,2 млн человек⁶. Само явление беженства также получило неоднозначную оценку в белорусской историографии. Так, например, О.Ф. Шаталова характеризует его исключительно как принудительное и приводит данные о количестве эвакуированных царскими войсками

⁵ Блинов М. «Лучший памятник солдату» открыт в Белоруссии к юбилею Первой мировой. 04.08.2014. URL: <https://ria.ru/20140804/1018773257.html?ysclid=lmxkt3g7qn618867732> (дата обращения: 10.04.2023).

⁶ Беларусь в Первой мировой войне: общая справка. Национальная библиотека Беларуси. Официальный сайт организации. URL: <https://www.nlb.by/content/informatsionnye-resursy/elektronnye-informatsionnye-resursy/resursy-natsionalnoy-biblioteki-belarusi/virtualnyye-proekty-vystavki-i-kolleksii/virtualnyye-proekty-biblioteki/belarus-v-pervoy-mirovoy-belarus-v-pervoy-mirovoy-voynе-obshchaya-spravka/> (дата обращения: 10.03.2023).

православных крестьян из Гродненской губернии летом 1915 г., называя цифру в 1 340 000 чел., которые вынужденно выехали вглубь империи [18, с. 164]. Однако оснований рассматривать гуманитарную трагедию белорусского народа как результат злонамеренных действий российской армии и правительства нет никаких оснований, поскольку мотивом эвакуации было спасение человеческих жизней, да и тяготы войны в той или иной степени несли на своих плечах представители всех народов, входивших в состав империи. Мемориал в Сморгони в силу своей художественной и смысловой ценности, с нашей точки зрения, может рассматриваться в качестве удачного проекта по формированию единой исторической памяти россиян и белорусов о Великой войне. Сохраняются планы устройства здесь музея памяти, который пока не возведен. Поддержание мемориала в должном состоянии в настоящее время требует дополнительного финансирования.

Значение знаково-символических образов, заключенных в произведениях искусства и формируемых с помощью искусства, для укрепления исторической памяти общества возрастает в процессе их превращения в фактор социализации подрастающего поколения. Мемориал в Сморгони является местом посещения школьников, в основном, в рамках экскурсионных программ, тематических поездок и организации здесь памятных акций с участием молодежи⁷. Воспитательный потенциал этого места памяти далеко не исчерпан.

События у Сморгони нашли отражение в российском кинематографе. Вышедший в 2015 г. телевизионный сериал режиссера Д.Д. Месхиева «Батальонъ» повествует о подвиге женщин-добровольцев в Первой мировой войне; одна из сюжетных линий фильма посвящена собственно боевым действиям у Сморгони, в которых женский батальон принимал участие под командованием М.Л. Бочкарёвой. Героизация этого забытого подвига (сразу оговоримся, что термин «забытая» в отношении Первой мировой войны актуален скорее для общественного (массового) сознания, нежели для академической науки, которая изучает данное событие довольно пристально) на уровне кинематографа является относительно успешной попыткой интеграции данной тематики в пространство современной массовой культуры. Репрезентацию событий Первой мировой войны в кинематографе можно рассматривать в качестве одного из механизмов формирования исторической памяти, которая с научной точки зрения является результатом взаимодействия прошлого и настоящего и отражается в различных социокультурных контекстах [19, р. 2].

⁷ Сморгонь посетила российская делегация Фонда «Мир ради жизни» // Гродзенская праўда. 11.11.2018.

Возведение символических объектов в местах, где мемориализируемые события не происходили непосредственно, но призванных актуализировать внимание граждан на конкретном историческом событии или символическом увековечении памяти о героях, также выступает важной формой коммеморации и элементом политики памяти. Подобные объекты в знак памяти о Первой мировой войне на территории Российской Федерации были возведены в Москве, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Санкт-Петербурге, Батайске, Азове Ростовской области, Воронеже, Краснодаре, Гусеве Калининградской области и ряде других городов. 1 августа 2014 г. на церемонии открытия памятника Героям Первой мировой войны на Поклонной горе в Москве В.В. Путин отметил, что «принципиально важно достойно увековечить память о бойцах русской армии, найти и обустроить захоронения Первой мировой войны, которых в России немало, их сотни. <...> Там покоятся воины разных стран. Но все они навеки связаны общей трагедией»⁸.

Яркими примерами скульптурных сооружений, формирующих символический образ народного героя войны в массовом сознании, выступают памятники «Прощание славянки» на Белорусском вокзале в Москве (скульпторы С. Щербаков и В. Малокостов, архитектор В. Данилов) и «Русской Гвардии Великой войны» на Витебском вокзале в Санкт-Петербурге (архитектор А. Королев). Первые авторы наделили двойным символическим значением, обнаруживая связь времен между 1914 и 1941 гг. По подсчетам исследователя Первой мировой войны и специалиста в области изучения коллективной памяти К.А. Пахалюка, за период 2001–2016 гг. в разных регионах России, за исключением Москвы, Калининградской области и мест, где был увековечена память казаков и воинов «Дикой дивизии», был возведен 41 памятник, не считая мемориальных досок [10].

Рассмотрение форм коммеморации последних двух десятилетий показывает, что они не имеют принципиальных отличий от используемых в мировой практике, при этом масштабы мемориализации глобального военного конфликта начала XX в. в России и Беларуси существенно возросли. Увеличилась и доля государственного участия в работе по увековечению памяти о нем, обусловленная как внутренним общественным запросом, так и решением общих политических задач, однако она несравнима с масштабами инициативы, которая исходит снизу и продолжает оставаться основным источником конструирования коллективной памяти о Великой войне.

⁸ Владимир Путин призвал современников помнить об уроках Первой мировой войны. Сообщение ТАСС. 01.08.2014. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1355093?ysclid=lmxuobkttk672427084> (дата обращения: 10.02.2023).

Коммеморация событий и героев Первой мировой войны обладает существенным потенциалом для выстраивания единой политики памяти России и Беларуси. Однако этот процесс затрудняет разная трактовка трагических событий начала XX в.: в отличие от России, где тема воинского героизма возобладала в процессе реконструкции памяти о войне, в Беларуси доминирует тема «коллективной трагедии» национального масштаба. С Первой мировой войной связывается экономический упадок и обезлюдение целого ряда областей, из которых мирные жители вынуждены были эвакуироваться вглубь России, спасая свои жизни и семьи. Для сближения позиций необходима кропотливая работа историков, учителей, грамотных политиков с обеих сторон.

Библиографический список / References

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. [Assman A. *Dlinnaja ten proshlogo: memorialnaja kultura i istoricheskaia politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow, 2014.]
2. Воинские захоронения на территории Республики Беларусь. Минская область. Первая мировая война / Сост. В.А. Богданов, Ф.Ю. Каркотко. Мн., 2018. [Voinskie zahoroneniia na territorii Respubliki Belarus. Minskaja oblast. Pervaja mirovaja vojna [Military burials on the territory of the Republic of Belarus. Minsk region. World War I]. V.A. Bogdanov, A.Ju. Karkotko (eds.) Minsk, 2018.]
3. Воинские захоронения на территории Республики Беларусь. Брестская область. Витебская область. Первая мировая война / Сост. В.А. Богданов, Ф.Ю. Каркотко. Мн., 2019. [Voinskie zahoroneniia na territorii Respubliki Belarus'. Brestskaja oblast. Vitebskaja oblast. Pervaja mirovaja vojna [Military burials on the territory of the Republic of Belarus. Brest region. Vitebsk region. World War I]. V.A. Bogdanov, A.Ju. Karkotko (eds.). Minsk, 2019.]
4. Война, политика, память: наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / Баранов Н.Н., Галкина Ю.М., Голотина А.И. и др. М., 2020. [Baranov N.N., Galkina Ju.M., Golotina A.I. et al. *Vojna, politika, pamjat: napoleonovskie vojny i Pervaja mirovaja vojna v prostranstve jubileev* [War, politics, memory: The Napoleonic Wars and the First World War in the space of anniversaries]. Moscow, 2020.]
5. Галкина Ю.М. Коммеморативные практики пятидесятилетия Первой мировой войны во Франции (1964–1968) // Клио. 2019. № 8 (152). С. 66–75. [Galkina Yu.M. Commemorative practices of the fiftieth anniversary of the First World War in France (1964–1968). *Klio*. 2019. No. 8 (152). Pp. 66–75. (In Rus.)]
6. Маньков С.А. Мемориализация Великой войны в парках и ландшафтных объектах мира // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 2 (43). С. 44–50. [Mankov S.A. Memorialization of the Great War in parks and landscape objects of the world. *Vestnik*

- Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultyry*. 2020. No. 2 (43). Pp. 44–50. (In Rus.)]
7. Морозов Д.В. Благоустройство и сохранение мест памяти Первой мировой войны на территории Западной Беларуси 1921–1939 гг. // Сервис в России и за рубежом. 2015. Т. 9. № 5. С. 210–218. [Morozov D.V. Improvement and preservation of places of memory of the First World War in the territory of Western Belarus 1921–1939. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 2015. Vol. 9. No. 5. Pp. 210–218. (In Rus.)]
  8. Новиков А. Поля воинской славы и памятные знаки четырех войн самой западной области России // Проблемы межрегиональных связей. 2018. № 13. С. 12–17. [Novikov A. Fields of military glory and commemorative signs of the four wars of the westernmost region of Russia. *Problemy mezhregionalnyh svyazey*. 2018. No. 13. Pp. 12–17. (In Rus.)]
  9. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора; Пер. с фр. Д.Р. Хапаевой. СПб., 1999. С. 17–50. [Nora P. Between memory and history. Problematics of places of memory. *Les Lieux de mémoire*. P. Nora (ed.). D.R. Hapaeva (transl. from French). St. Petersburg, 1999. Pp. 17–50. (In Rus.)]
  10. Пахалюк К.А. Первая мировая война и память о ней в современной России // Неприкосновенный запас. 2017. № 1 (111). С. 106–128. [Pakhalyuk K.A. The First World War and its memory in modern Russia. *Neprikosnovenniy zapas*. 2017. No. 1 (111). Pp. 106–128. (In Rus.)]
  11. Пахалюк К.А. Память о Первой мировой войне в региональном измерении современной России // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1 (41). С. 79–93. [Pakhalyuk K.A. Memory of the First World War in the regional dimension of modern Russia. *Vestnik NIi gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordovija*. 2017. No. 1 (41). Pp. 79–93. (In Rus.)]
  12. Пахалюк К.А. Первая мировая война в контексте культурного измерения внешней политики современной России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 1. С. 17–32. [Pakhalyuk K.A. The First World War in the context of the cultural dimension of the foreign policy of modern Russia. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija*. 2017. No. 1. Pp. 17–32. (In Rus.)]
  13. Политика Памяти в России – региональное измерение / Под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М., 2023. [Politika Pamjati v Rossii – regionalnoe izmerenie [The memory policy in Russia – a regional dimension]. A.I. Miller, O.Ju. Malinova, D.V. Efremenko (eds.). Moscow, 2023.]
  14. Поршнева О.С. Исследование политики памяти: к преодолению методологической дихотомии (на примере Первой мировой войны) // Дискурс-Пи. 2020. Т. 17. № 2 (39). С. 128–141. [Porshneva O.S. The study of the politics of memory: To overcome the methodological dichotomy (on the example of the First World War). *Diskurs-Pi*. 2020. Vol. 17. No. 2 (39). Pp. 128–141. (In Rus.)]
  15. Смирнова Т.А. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918–1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. 1. С. 95–98. [Smirnova T.A. Features of the study of historical memory and

- practices of commemoration of the First World War in Great Britain 1918–1939. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2014. No. 4. Vol. 1. Pp. 95–98. (In Rus.)]
16. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности / Сыров В.Н., Головашина О.В., Аникин Д.А. и др. Томск, 2019. [Syrov V.N., Golovashina O.V., Anikin D.A. et al. *Konceptualnye osnovaniya politiki pamjati i perspektivy postnacionalnoj identichnosti* [Conceptual foundations of the memory policy and prospects of post-national identity]. Tomsk, 2019.]
  17. Уинтер Дж. Места памяти, места скорби: Первая мировая война в культурной истории Европы / Пер. с англ. А.В. Глебовской; Науч. ред. Б.И. Колоничкий. СПб., 2023. [Winter J. *Mesta pamjati, mesta skorbi: Pervaja mirovaja vojna v kul'turnoj istorii Evropy* [Sites of memory, sites of mourning: The Great War in European cultural history]. A.V. Glebovskaya (transl. from English); B.I. Kolonickiy (ed.). St. Petersburg, 2023.]
  18. Шаталова О.Ф. «Непреодоленное прошлое»: войны и катастрофы как «места памяти» белорусских крестьян // История и историческая память. 2010. № 2. С. 162–175. [Shatalova O.F. “The insurmountable past”: Wars and catastrophes as “places of memory” of Belarusian peasants. *Istorija i istoricheskaja pamjat*. 2010. No. 2. Pp. 162–175. (In Rus.)]
  19. Coss D. First World War Memorials, Commemoration and Community in North East England, 1918–1939. Durham University, 2012.
  20. Halbwachs M. *The Collective Memory*. N.-Y., 1980.

Статья поступила в редакцию 01.09.2023, принята к публикации 15.09.2023
The article was received on 01.09.2023, accepted for publication 15.09.2023

Сведения об авторе / About the author

Рафалюк Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва

Svetlana Yu. Rafalyuk – PhD in History; associate professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; Researcher at the Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow

E-mail: svetlana.rafalyuk@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-147-165

УДК 32.019.51+327.8+94

А.Е. Фоминых

Марийский государственный университет,
424000 г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Оценки целевой аудитории американской публичной дипломатии в СССР в документах Информационного агентства США (1972–1973 гг.)

В научный оборот вводятся аналитические документы Информационного агентства США (ЮСИА), посвященные оценкам целевой аудитории американских программ публичной дипломатии в Советском Союзе. В переводе на русский язык документы публикуются впервые. В период холодной войны передвижные тематические выставки по различным аспектам жизни Соединенных Штатов, которые ЮСИА демонстрировало в городах СССР, пользовались большой популярностью и обоснованно считались одним из наиболее эффективных средств воздействия на массовую советскую публику. Другим важным пропагандистским инструментом было международное вещание, в котором ведущая роль отводилась трансляциям находившейся в ведении ЮСИА радиостанции «Голос Америки». Аналитические записки агентства, датированные 1972–1973 гг., раскрывают восприятие американцами советской аудитории как объекта воздействия программ публичной дипломатии и некоторые особенности работы ЮСИА в СССР в период разрядки.

© Фоминых А.Е., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Информационное агентство США, ЮСИА, публичная дипломатия, культурная дипломатия, пропаганда, американские выставки в СССР, «Голос Америки», холодная война

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Фоминых А.Е. Оценки целевой аудитории американской публичной дипломатии в СССР в документах Информационного агентства США (1972–1973 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 147–165. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-147-165

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-147-165

A.E. Fominykh

Mari State University,
Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation

Estimates of the Target Audience of American Public Diplomacy in the USSR in the Documents of the US Information Agency (1972–1973)

The paper examines two analytical documents of the US Information Agency (USIA) containing estimates of the target audience of American public diplomacy programs for the Soviet Union. The documents are published in Russian translation for the first time. During the Cold War, American traveling thematic exhibitions displayed by USIA in the cities of the USSR, were very popular and were considered one of the most effective means of influencing the mass Soviet audience. Another major propaganda tool was international broadcasting, in which the leading role was given to the "Voice of America", also administered by USIA. The two USIA research memoranda, dated 1972–1973, reveal the US perception of the Soviet audience as an object of public diplomacy programs, along with some specific features of the USIA practices in the Soviet Union during the period of détente.

Key words: United States Information Agency, USIA, public diplomacy, cultural diplomacy, propaganda, US exhibitions in the USSR, the Voice of America, Cold war

FOR CITATION: Fominykh A.E. Estimates of the Target Audience of American Public Diplomacy in the USSR in the Documents of the US Information Agency (1972–1973). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 147–165. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-147-165

Противостояние Советского Союза и США в годы холодной войны непосредственным образом отражалось в содержании программ публичной дипломатии и пропаганды, реализуемых двумя сверхдержавами как в отношении друг друга, так и на территории третьих стран. В современных российских публикациях публичная дипломатия определяется как взаимодействие с зарубежным экспертным сообществом и гражданским обществом: общественно-политическими, деловыми, экспертными кругами, направленное на отстаивание внешнеполитических интересов своей страны [2, с. 6]. Как правило, к инструментам публичной дипломатии относят информационные программы, образовательные обмены, проекты в области культуры и спорта, а также, в последние десятилетия, цифровую дипломатию [5, с. 121]. В эпоху до появления Интернета основными каналами коммуникации с иностранной аудиторией служили радио- и телевидение, распространение печатной продукции, а также различного рода культурные обмены (выставки, фестивали, гастроли и т.д.).

В советской политической литературе в годы холодной войны эта деятельность, как правило, относилась к средствам внешнеполитической пропаганды (при этом сам термин «пропаганда» в СССР не имел выраженной негативной коннотации) [1, с. 28–29]. В самих США клише *public diplomacy* вошло в политический лексикон не ранее второй половины 1960-х гг. [7, р. 19–20]. Вплоть до конца холодной войны в американских дипломатических кругах доминировал дискурс не о публичной дипломатии, а о «внешней культурной политике» (как вариант – «культурной дипломатии»), поскольку «публичная дипломатия» в то время считалась эвфемизмом для обозначения пропаганды, значит, порождала негативные ассоциации с дезинформацией и недоверием [4, с. 189].

Ведущая роль в проецировании внешнеполитической повестки США на население зарубежных стран принадлежала созданному в 1953 г. Информационному агентству США (US Information Agency, USIA – ЮСИА). В ведении агентства находились международные вещательные каналы США, прежде всего, радиостанция «Голос Америки», а также распространение печатных публикаций (например, иллюстрированного журнала «Америка») и проведение американских тематических выставок за рубежом. Советский Союз и другие страны социалистического

лагеря, с учетом непростого внешнеполитического фона отношений между Востоком и Западом, а также прямого информационного противодействия в «идеологической холодной войне», являлся крайне сложным для американцев театром для реализации своей публичной дипломатии.

Тем не менее, «железный занавес» не был полностью непроницаемым. Так, благодаря двусторонним соглашениям о культурных связях, первое из которых было подписано в 1958 г.¹, между СССР и США были установлены достаточно устойчивые каналы культурных обменов, в т.ч. выставочных. Наибольшую известность получили самые первые выставки, открывшиеся летом 1959 г., – Советская выставка в Нью-Йорке и Американская Национальная выставка в московском парке Сокольники. Именно выставка в Сокольниках как наиболее масштабная и массовая по охвату аудитории стал предметом наибольшего количества публикаций, освещающих тему советско-американских выставочных обменов периода холодной войны. В то же время демонстрировавшиеся в городах СССР в 1960–1970-х гг. передвижные американские выставки исследованы фрагментарно. Одной из причин этого является сравнительно слабая степень представленности в литературе источников по деятельности ЮСИА в рассматриваемый период.

В настоящее время в известной серии сборников исторических документов госдепартамента США (Foreign Relations of the United States, FRUS) вышло несколько тематических томов, посвященных американской публичной дипломатии². В то же время, в указанные хрестоматии довольно редко попадают аналитические материалы, раскрывающие «внутреннюю кухню» ЮСИА. Это, прежде всего, отчеты, справки и аналитические записки (Research memoranda), подготовленные службой исследований (Research service) – внутренним аналитическим подразделением ЮСИА для информирования директора агентства и других заинтересованных лиц и ведомств.

Большая часть этих документов хранится в отделении Национального архива США (National Archives and Records Administration, NARA) в Колледж-Парк, штат Мэриленд. Конкретно деятельности ЮСИА

¹ Соглашение между СССР и США об обменах в области науки, техники, образования, культуры и других областях, также известное как «Соглашение Лэйси–Зарубина», по именам подписавших документ специального помощника государственного секретаря США Уильяма С. Лэйси и посла СССР в США Г.Н. Зарубина.

² FRUS, 1917–1972, Vol. VII, Public Diplomacy 1964–1968; Idid, Vol. VIII, Public Diplomacy 1969–1972; FRUS, 1977–1980, Vol. XXX, Public Diplomacy; FRUS, 1917–1972, Vol. XXXVIII, Organization and Management for Foreign Policy; Public Diplomacy, 1973–1976.

в сфере публичной дипломатии, в т.ч. ключевым для эпохи до появления Интернета вопросам организации зарубежных выставок США, других программ культурных и образовательных обменов, а также международного радиовещания посвящен фонд № 306 (Records group № 306)³. Документы в подборках этого фонда систематизированы не в хронологическом порядке, а в соответствии с источником происхождения, в зависимости от того или иного подразделения ЮСИА, географического или тематического отдела Госдепартамента и т.д. Это несколько затрудняет архивный поиск по событиям.

Тем не менее, именно аналитические материалы из этой коллекции позволяют лучше понять механизм принятия решений по выработке политики США по оказанию информационного влияния на СССР в годы холодной войны, какими бы терминами («внешняя культурная политика», «публичная дипломатия», «пропаганда») оно ни обозначалось. Так, становится очевидной серьезная исследовательская основа (социологическая, страноведческая), подводимая экспертами ЮСИА под планируемые в отношении Советского Союза программы выставок и радиовещания. Важным элементом этой аналитической работы являлся непосредственный сбор данных в ходе «полевых исследований» – через интервьюирование советских посетителей американских выставок, перевод письменных комментариев в книгах отзывов, изучение спектра тем интереса аудитории и т.д. По результатам каждого крупного мероприятия (например, выставки США в каком-либо городе СССР) составлялся соответствующий промежуточный отчет, а по завершении всей серии показов – итоговый. Работа во многом была схожа с коммерческими маркетинговыми исследованиями, поскольку ЮСИА таким образом отслеживало уровень интереса советских граждан к своим информационным продуктам, что позволяло впоследствии гибко корректировать наполнение вещательных программ и культурных обменов, исходя из запросов целевой аудитории, не забывая при этом о соответствующей политико-идеологической составляющей доводимой до советских граждан информации.

Вниманию читателей предлагаются в русском переводе два аналитических документа исследовательской службы ЮСИА, характеризующиеся общим обзорным характером, что выделяет их на фоне прочих (как правило, привязанных к конкретному мероприятию в рамках программы культурных обменов). Оба документа имели ограниченное распространение (помечены грифом “Limited official use”) и рассекречены в августе 1979 г.

³ NARA. Records Group No 306. Records of the U.S. Information Agency.

ATTITUDES OF SOVIET VISITORS TO U.S. EXHIBITS¹

The following comments summarize observations of American guides and U.S. officials connected with the presentation of 11 traveling exhibits on aspects of American life during a 12-year period starting in 1959:

- Official Soviet attitudes toward American exhibits have not always been warm, but our exhibits have proved tremendously popular with the Soviet public.
- Soviet visitors to our exhibits, of all ages and of all walks of life, have displayed intense and detailed interest in U.S. society as well as in the lives and activities of ordinary Americans.
- The U.S. continues to enjoy great popularity and respect with the Soviet people despite decades of intensive and extensive communist anti-American propaganda.
- Of all elements of Soviet society, professional people and students generally are more skeptical than the public at large about regime-promulgated criticisms of American society.

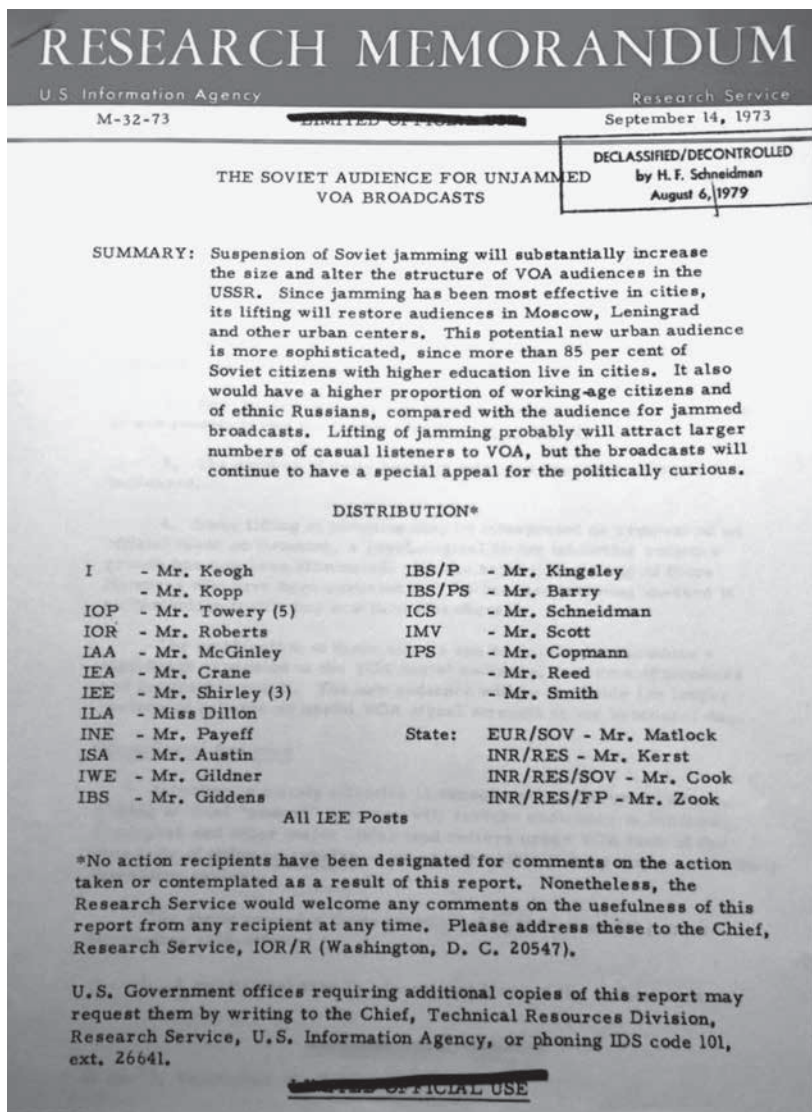
¹This report is by no means a full treatment of this subject. It is largely a spin-off from the preparation of briefing material for the American guides and staff accompanying the twelfth exhibit in this series. The exhibit in question opened January 24, 1972 in Tbilisi. Its subject is "Research and Development".

DECLASSIFIED/DECONTROLLED
by H. F. Schneidman
August 6, 1979

Рис. 1. Аналитическая записка «Отношение советских посетителей к выставкам США» (л. 1)

National Archives Records Administration, USA. Record Group 306. U.S. Information Agency. Entry 64. Office of Research and Media Reaction. Box 32. Research Memoranda, 1963-99. Research Memorandum M-15-72. Attitudes of Soviet Visitors to U.S. Exhibits. 10 Feb. 1972

Рис. 2. Лист рассылки аналитической записки «Отношение советских посетителей к выставкам США»

National Archives Records Administration, USA. Record Group 306. U.S. Information Agency. Entry 64. Office of Research and Media Reaction. Box 32. Research Memoranda, 1963–99. Research Memorandum M-15-72. Attitudes of Soviet Visitors to U.S. Exhibits. 10 Feb. 1972

Первый документ – аналитическая записка, содержащая оценки отношения советских гражданам к американским выставкам⁴. Документ подготовлен в феврале 1972 г. вскоре после старта показа по городам СССР экспозиции «Исследования и разработки США» (Research and Development – USA) (рис. 1). Адресатами документа в листе рассылки обозначены директор ЮСИА Фрэнк Шекспир (Frank Shakespeare), а также руководители заинтересованных подразделений агентства (рис. 2). Кроме того, документ для ознакомления получил советник по связям с общественностью посольства США в СССР Эндрю Фалькевич (Andrew T. Falkiewicz) и некоторые другие дипломаты, в т.ч. Джек Мэтлок (Jack Matlock) – в 1972 г. директор Госдепартамента по советским делам и будущий посол США в СССР (1987–1991).

По сути, это краткое руководство для американских гидов (как правило, молодых людей со знанием русского языка или языков народов СССР), которых ЮСИА привлекало для работы на тематических выставках: чего ожидать от советской публики, на какие наиболее типичные вопросы иметь подготовленные ответы, что представляют собой советские города, в которых проходят показы. Представляет интерес достаточно критический взгляд на общий уровень осведомленности советской публики о жизни в США. Особого внимания заслуживают исторические и культурологические экскурсы, призванные улучшить понимание американским персоналом агентства этнического и языкового многообразия советского общества, в частности, обстановки в столицах союзных (Тбилиси) и автономных (Казань) национальных республик в составе СССР.

Вторая переведенная аналитическая записка содержит оценки и прогнозы экспертов ЮСИА относительно перспектив изменения численности и состава аудитории радиостанции «Голос Америки» в СССР после неожиданной приостановки советскими властями глушения ее сигнала в сентябре 1973 г.⁵ Радиостанция вещала на Советский Союз с 1947 г. Уже со второй половины 1950-х гг., после серьезной структурной перестройки, предпринятой первым директором ЮСИА Теодором Стрейбертом (Theodore Streibert), в содержании вещания «Голоса Америки» на Советский Союз преобладали новостные и музыкальные программы. Как отмечает С.Н. Мирошников, «антикоммунизм оставался

⁴ National Archives Records Administration, USA. Record Group 306. U.S. Information Agency. Entry 64. Office of Research and Media Reaction. Box 32. Research Memoranda, 1963–99. Research Memorandum M-15-72. Attitudes of Soviet Visitors to U.S. Exhibits. 10 Feb. 1972.

⁵ Ibid. Box 34. Research Memoranda, 1963–99. Research Memorandum M-32-73. The Soviet Audience for Unjammed VOA Broadcasts. 14 Sep. 1973.

важным компонентом в деятельности радиостанции, но упор делался на то, чтобы подать идеи антикоммунизма в такой упаковке, которая была бы понятна и принималась слушателями радио» [3, с. 294].

Глушение сигнала западных радиостанций, вещающих на русском и других языках народов СССР, в период холодной войны практически всегда происходило на фоне кризисов в отношениях Москвы и Вашингтона. В свою очередь, почти каждый эпизод, связанный с потеплением советско-американских отношений, сопровождался смягчением контроля над эфиром. Так, глушение трансляций «Голоса Америки» на СССР было прекращено в июне 1963 г. в качестве жеста доброй воли, адресованного Н.С. Хрущевым президенту США Дж. Кеннеди, но возобновлено в октябре 1968 г. после ввода войск стран Организации Варшавского договора в Чехословакию.

Приостановка глушения передач «Голоса Америки» в 1973 г. произошла на фоне беспрецедентной антисоветской информационной кампании, развернутой на Западе, прежде всего, в США. Одним из поводов для нее стало принятие советскими властями мер, направленных на ограничение выезда из страны высококвалифицированных специалистов («утечки мозгов»). В частности, недовольство вызвал указ, требовавший от выезжающих за рубеж возврата государству средств, потраченных на обучение в школах и вузах (1972)⁶. Поскольку принятие указа совпало с волной массовой миграции советских евреев в Израиль и США, новые нормы были истолкованы на Западе как дискриминационные и антисемитские. Кроме того, буквально за две недели до приостановки глушения (27 августа – 1 сентября 1973 г.) в Москве состоялся громкий судебный процесс над диссидентами Петром Якиром и Виктором Красиным по обвинению в антисоветской агитации. Попутно разворачивалась кампания по «общественному осуждению» А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына. В этой обстановке внезапная приостановка глушения «вражьих голосов» советской стороной в США рассматривалась как своего рода уступка Западу со стороны руководства СССР. При этом реальным поводом для беспокойства советской партийной верхушки считалась не озабоченность состоянием свободы слова в стране, а угроза срыва торговых соглашений с США⁷. В скором будущем эти опасения найдут подтверждение в принятии Конгрессом США известной «поправки Джэксона–Вэника» (1974 г.).

⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1972 г. «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение». Был отменен в мае 1991 г.

⁷ Gwertzman B. Soviet is said to stop jamming of Voice of America. *The New York Times*. Sept. 13, 1973.

Аналитическая записка

Информационное агентство США
М-15-72

Служба исследований
10 февраля 1972 г.

Отношение советских посетителей к выставкам США*

Приводимые ниже комментарии резюмируют наблюдения американских гидов и официальных представителей США, связанных с показами 11 передвижных выставок, посвященных различным аспектам американской жизни на протяжении 12-летнего периода, начиная с 1959 г.:

- Отношение официальных советских властей к американским выставкам не всегда было теплым, однако наши экспозиции оказались чрезвычайно популярны у советской публики.
- Советские посетители наших выставок, представляющие людей разного возраста и социального положения, продемонстрировали живой и глубокий интерес к американскому обществу, жизни и деятельности простых американцев.
- Соединенные Штаты продолжают пользоваться у советского народа популярностью и уважением, несмотря на десятилетия интенсивной и продолжительной антиамериканской коммунистической пропаганды.
- Из всех элементов советского социума наибольший скептицизм по отношению к навязываемой режимом критике американского общества проявляют образованные специалисты и студенты.

* Настоящий доклад ни в коем случае не претендует на полное раскрытие темы. Это в значительной степени побочный продукт процесса подготовки информационных материалов для американских гидов и сотрудников, сопровождающих двенадцатую выставку в этой серии мероприятий. Выставка, о которой идет речь, открылась 24 января 1972 г. в Тбилиси. Ее тема – «Исследования и разработки в США»⁸.

Выставки США в СССР

Тема ⁹	Даты проведения	Место проведения	Количество посетителей
Национальная выставка	Июль–август 1959 г.	Москва	2 700 000
Пластмассы	Июль–октябрь 1961 г.	Киев, Москва, Тбилиси	375 000

⁸ Примечание авторов аналитической записки.

⁹ В переводе использованы официальные наименования выставок на русском языке в документах Информационного агентства США, например, официальных буклетах-путеводителях экспозиций.

Транспорт	Ноябрь–декабрь 1961 г.	Волгоград, Харьков	172 500
Медицина	Март–июнь 1962 г.	Москва, Киев, Ленинград	206 590
Техническая книга	Февраль–июнь 1963 г.	Москва, Ленинград, Киев	140 430
Американская графика	Октябрь 1963 – июнь 1964 г.	Алма-Ата, Москва, Ереван, Ленинград	1 602 488
Средства связи	Август–декабрь 1964 г.	Москва, Ленинград, Киев	768 851
Архитектура	Май–сентябрь 1965 г.	Ленинград, Минск, Москва	714 220
Ручной инструмент	Август–декабрь 1966 г.	Харьков, Ростов-на-Дону, Ереван	716 912
Промышленная эстетика	Февраль–июнь 1967 г.	Москва, Киев, Ленинград	831 592
Народное образование	Июль 1969 г. – июнь 1970 г.	Ленинград, Киев, Москва, Баку, Ташкент, Новосибирск	911 000
Исследования и разработки	Январь–декабрь 1972 г.	Тбилиси, Москва, Волгоград, Донецк, Казань, Ленинград	

Отношение советских посетителей к выставкам США*

Американская Национальная выставки в парке Сокольники в Москве в 1959 г. и десять последующих передвижных выставок США в своей совокупности составляют сложную, многогранную программу культурного и информационного обмена.

Несмотря на разнообразие тематики выставок, географический разброс городов СССР, в которых проходили показы, а также значительные колебания общего климата советско-американских отношений на протяжении последних двенадцати лет, в стране сформировалось несколько основных подходов в общем отношении к выставкам США.

* Материалы настоящего отчета были использованы для информирования американского персонала выставки «Исследования и разработки США», проходящей в настоящее время в СССР¹⁰.

Массовое признание

Хотя официальное отношение советских властей к американским выставкам не всегда было теплым, экспозиции оказались чрезвычайно

¹⁰ Примечание авторов аналитической записки.

популярны у советской аудитории. За редким исключением, выставочные залы были заполнены до отказа, и даже более – особенно в первые дни работы и последние дни перед закрытием выставки в каком-либо городе. Это правило подтверждалось неизменно, проходил ли показ в Москве, Ленинграде или в отдаленных столицах союзных республик и областных центрах наподобие Алма-Аты или Харькова. Реклама, как организованная американскими организаторами выставок, так и исходящая от советской стороны, играет важную роль в стимулировании посещаемости. Однако определяющим фактором все же становились устные сообщения. Парадоксально, что признаки признания со стороны масс зачастую соседствуют (об этом ниже) с незнанием и непониманием базовых основ американского образа жизни. Советские посетители выдвигали множество критических замечаний и предложений, в том числе доброжелательных, по тематике и стилю подачи материала каждой экспозиции.

Темы интереса

Советские посетители выставок, представляющие людей разного возраста и социального положения, продемонстрировали живой и глубокий интерес к американскому общественному устройству, а также жизни и деятельности простых американцев. Посетители одиннадцати выставок США, проведенных в СССР с 1959 по 1970 гг., в основном, проявляли интерес к одним и тем же вопросам жизни в Америке: уровню заработной платы, ценам, занятости и безработице, образованию, стоимости и доступности медицинских услуг, межрасовым отношениям.

Прежде всего, интерес посетителей к Америке отражается в их любопытстве к уровню жизни в Соединенных Штатах. Обычные советские граждане, как правило, проводят сравнение экономических систем двух стран почти исключительно со своей личной позиции. Многие посетители выступают в защиту экономики своей страны со всеми ее недостатками; очень часто это выражается в комментариях вроде «У нас такое тоже есть, только лучше». Граждане СССР из всех социальных слоев, будь то специалист с высшим образованием, квалифицированный рабочий или колхозник, особенно интересуются уровнем благосостояния и образом жизни своих американских коллег. Молодые люди – как студенты, так и рабочие – обнаруживают неутолимую жажду к информации о последних причудах и увлечениях западной молодежи, равно как и к общим фактам о жизни и досуге студентов и молодых рабочих.

Очевидно, что Соединенные Штаты продолжают пользоваться у советского народа популярностью и уважением, несмотря на десятилетия противодействия со стороны интенсивной и навязчивой коммунистической антиамериканской пропаганды. Также очевидно и то, что годы

идеологизации и изоляции, как физической, так и интеллектуальной, имели следствием появление искаженных представлений об американских реалиях буквально во всех слоях советского общества. Уровень фактических знаний и понимания жизни в Соединенных Штатах сильно варьируется в каждом отдельно взятом городе или социальной страте, и в значительной степени, видимо, определяется наличием контактов с миром за пределами СССР. В целом, ленинградцы, которые географически ближе к Западу и имеют общий доступ к морю с сопредельными некоммунистическими государствами, обладают более широким кругозором, чем москвичи, в то время как во многих республиканских и областных центрах даже образованные профессионалы порой имеют на удивление слабые представления о самых простых аспектах жизни за рубежом. Таким образом, взгляды посетителей выставок часто кажутся американцам причудливой смесью фактов и выдумок, почерпнутых из официальной пропаганды, общенациональных и частных предрассудков и слухов. Из всех элементов советского социума наибольший скептицизм по отношению к навязываемой режимом критике американского общества проявляют образованные специалисты и студенты. Они же, соответственно, более открыты к восприятию новой информации.

Международные отношения

По большому счету, обсуждение международных отношений как таковых советскими посетителями на американских выставках происходит довольно редко. Необходимость мира и дружбы между советским и американским народами никем не оспаривается и не ставится под сомнение. С другой стороны, некоторые посетители демонстрируют более глубокое понимание проблем, осложняющих отношения США и СССР в послевоенный период. Немногие гости выставок на публике выражают свою искреннюю поддержку политике и действиям советского правительства. В общей массе посетители, судя по всему, осознают, что дискуссии с американскими гидами на выставке могут отслеживаться советскими агентами безопасности, равно как и другими советскими гражданами или чиновниками, работающими на экспозиции или привлеченными к мероприятию каким-то иным образом. Более того, советский опыт настраивает посетителей на ожидание заведомой фальши в публичном обсуждении вопросов внешней политики между представителями разных стран. Таким образом, посетители заранее ожидают, что, говоря о международных проблемах, гиды будут просто озвучивать официальную позицию США, что для советской публики не представляет особого интереса. На протяжении многих лет даже вопрос по политике США во Вьетнаме вызывал лишь спорадический (хотя порой и активный) интерес.

Национальная принадлежность

Какова бы ни была роль национализма в современном советском государстве, национальная принадлежность посетителей выставок – с присущими этой теме языком, культурными и эмоциональными аспектами – снова и снова оказывается ведущим фактором в их образе мышления. Многие посетители начинают свой разговор с гидами и сотрудниками выставок с вопроса: «Кто вы по национальности?». Иногда они спрашивают, есть ли среди персонала выставки украинец (татарин, еврей и т.д.), ожидая, что общие национальное происхождение, даже спустя несколько поколений, способно послужить мостом между двумя странами. Нерусские посетители часто выражают недовольство тем обстоятельством, что они и американские гиды вынуждены использовать в общении русский язык. Более того, в нерусских городах (например, Ереване, Тбилиси, Ташкенте) посетители с восторгом принимали выставку, если она хотя бы частично сопровождалась информацией на местном языке, и, наоборот, критиковали Соединенные Штаты за показы выставок «на русском – видимо, только для русских в нашем городе».

Из городов, в которых будет показана текущая выставка «Исследования и разработки», неславянское население и местный «национализм» особенно проявляется в Тбилиси и Казани.

Тбилиси и грузинский национализм

Тбилиси является столицей Грузинской Республики в составе СССР, центром грузинской жизни с историей, насчитывающей 1600 лет. Грузины относятся к кавказским народам. Принявшим христианство в IV в. грузинам удалось сохранить сильный индивидуализм и националистическую ориентацию внутри современного советского общества. Исторически настроенные прославянски и пророссийски, грузины чрезвычайно бережно оберегают свою культуру, одну из древнейших в мире. Грузины стойко придерживаются своего языка и уникального алфавита и выражают гордость своим вкладом в мировую цивилизацию и развитие советского государства, включая Иосифа Сталина.

Даже сегодня Тбилиси сохраняет свой грузинский колорит, хотя в городе имеются значительные общины армянского, русского и азербайджанского меньшинства. Местные жители и чиновники всячески подчеркивают (и, вероятно, преувеличивают) степень независимости Тбилиси и Грузии от Москвы. Показателем такого поведения может служить тбилисский милиционер на выставке, который отказывался отвечать на вопросы, задаваемые ему на русском языке (хотя сам определенно хорошо владел русским).

Казань и татарское присутствие

Казань несколько отличается от Тбилиси тем, что сегодня это современный советский город, где русское влияние доминирует, но присутствие коренного (татарского) населения все еще очень сильно. На протяжении веков Казань была центром мощного, процветающего и развитого мусульманского княжества в среднем течении Волги, населенного преимущественно тюрко-татарскими народами. После включения в состав Российской империи более четырех столетий назад город приобрел двойной русско-татарский колорит, который он имеет и сегодня. Несмотря на постоянно возрастающее русское влияние, татарское присутствие в городе и политике Татарской Республики поощряется Москвой, чтобы подтвердить тезис режима о гармонии в межнациональных отношениях.

Славянские города

Между советскими городами с преимущественно славянским населением существуют различия, возникающие вследствие исторических, географических, экономических и других факторов, однако эти различия являются поверхностными в сравнении с теми контрастами, которые отличают славянские города от неславянских. Таким образом, между Донецком и Волгоградом, расположенными далеко друг от друга в разных союзных республиках, гораздо больше схожих черт, чем различий. Каждый из этих городов был почти полностью разрушен во время Второй мировой войны. Сегодняшние жители этих городов – это, в основном, переселенцы из близлежащей сельской местности или из других крупных и малых городов СССР. Донецк (ранее Сталино) находится в административных границах Украины, но в его населении и культуре в равной степени представлены русские и украинцы. Волгоград в административном и культурном отношении является русским городом с небольшим украинским меньшинством. В каждом из этих городов, куда направится выставка «Исследования и разработки США», как и во многих других советских городах, присутствует сильный элемент регионального патриотизма и местечковости. Эти чувства порой сочетаются с недовольством местных властей и общественности чрезмерным диктатом со стороны Москвы. Однако такие настроения все же не достигают той глубины и силы, которую имеет национализм, остаточные проявления которого все еще встречаются как у славян, так и среди неславянских народов.

Отдел исследований и оценок (Советский Союз и Восточная Европа)

Начальник отдела: П.А. Смит, мл.

Аналитик: Д.В. Уилкинсон

Тел. (добавочный): 25350

М-15-72 10 февраля 1972 г.

* * *

Аналитическая записка

Информационное агентство США
М-32-73

Служба исследований
14 сентября 1973 г.

Советская аудитория трансляций «Голоса Америки» в отсутствие глушения сигнала

Резюме: Приостановка глушения сигнала советской стороной существенно увеличит охват и изменит структуру аудитории «Голоса Америки» в СССР. Поскольку глушение было наиболее эффективным в городах, его прекращение позволит восстановить аудиторию в Москве, Ленинграде и других городских центрах. Эта потенциально новая городская аудитория обладает более высоким уровнем развития, поскольку более 85% советских граждан с высшим образованием живут именно в городах. Вещание в новых условиях также будет иметь более высокую долю слушателей трудоспособного возраста и этнических русских по сравнению с аудиторией для глушившихся передач. Прекращение глушения, вероятно, привлечет еще большее количество случайных слушателей «Голоса Америки», однако трансляции по-прежнему будут особенно привлекательными для лиц, интересующихся политикой.

Советская аудитория трансляций «Голоса Америки» в отсутствие глушения сигнала

Предварительная оценка снятия советских помех показывает, что это, вероятно, повлияет как на численность, так и на структуру аудитории «Голоса Америки» в СССР.

Численность аудитории

В ожидании подробных технических прогнозов, подтвержденных эмпирическими данными, можно сделать некоторые общие наблюдения:

1. При отсутствии глушения прием программ будет улучшаться в нынешних зонах прослушивания, привлекая большую аудиторию.
2. Новые зоны приема сигнала станут доступны в местах, где до сих пор из-за глушения прием был невозможен.
3. Количество ежедневных часов эффективного приема теперь будет увеличено.
4. Поскольку приостановка глушения может быть истолкована как снятие официального табу на прослушивание, психологический фактор, сдерживающий рост аудитории, в настоящее время устранен. (В то же время некоторые из тех слушателей, которых прослушивание «Голоса Америки» привлекало как раз из-за того, что глушение превращало его в «запретный плод», теперь могут обратиться к другим источникам информации.)

Можно ожидать, что сочетание этих эффектов приведет к значительно-му расширению советской аудитории «Голоса Америки» с точки зрения ее численности и географического охвата. В дни вещания новая аудитория сможет принимать более длительные трансляции надежного и качественного сигнала «Голоса Америки».

Структура аудитории

Глушение, в основном, эффективно в густонаселенных городских районах. Снятие локальных наземных помех восстановит аудиторию в Москве, Ленинграде и других крупных городах (и избавит городских любителей «Голоса Америки» от необходимости ехать на мнимую «рыбалку»¹¹ со своими транзисторными радиоприемниками).

Поворот в сторону более урбанизированной аудитории приведет к интересному сопутствующему эффекту, а именно:

1. Произойдет значительный рост образовательного уровня аудитории и, по-видимому, усложнения ее структуры, поскольку более 85% советских граждан с высшим образованием проживают в городах.

2. Увеличится доля слушателей трудоспособного возраста: по данным последней переписи, 62% из них составляли жители городов (по сравнению с 56% среди населения в целом).

3. Возрастет доля этнических русских в пределах досягаемости антенн «Голоса Америки»: в большинстве случаев нерусские национальности менее представлены в городском населении.

4. Произойдет небольшое и, вероятно, незначительное изменение распределения аудитории по половому признаку, поскольку соотношение мужчин и женщин в городах несколько выше (в 1970 г. в городах на 1000 женщин приходилось 864 мужчины – против 843 на 1000 в сельской местности).

Кроме того, психологический эффект от приостановки глушения приведет к привлечению большего числа новых слушателей, что также отразится на структуре аудитории. Поскольку прослушивание радиопрограмм становится все менее похожим на акт диссидентства, а улучшенное качество приема привлекает и случайную публику, можно ожидать, что увеличится доля политически лояльных, нейтральных или апатичных слушателей, что вызовет необходимость учитывать изменения интересов и вкусов аудитории при составлении программ.

Несмотря на это, нынешний лозунг КПСС об «идеологической борьбе» по-прежнему относит прослушивание «Голоса Америки» к проявлениям несистемного поведения. Например, так может выражаться недовольство официальными средствами массовой информации. Таким образом, политические факторы, которые привлекали аудиторию во время глушения сигнала, по-прежнему будут присутствовать.

¹¹ В английском оригинале: *going na rybaluku*.

Продолжение глушения программ «Радио Свобода» теперь должно усилить дифференциацию между аудиторией «Голоса Америки» и «Радио Свобода».

Примечание: в отношении советской сети постановки помех

Прилагается хронологическая заметка о советской системе глушения. Следует отметить, что в прошлых случаях Советы могли возобновить глушение без промедления после длительных периодов прекращения. Кроме того, продолжение глушения «Радио Свобода» означает, что персонал и объекты системы постановки помех будут сохранять активность на случай возникновения необходимости возобновления глушения других вещателей.

Приложение

Глушение вещания «Голоса Америки» началось в Советском Союзе в феврале 1948 г. и в начале 1950-х гг. было распространено на новостные передачи «Голоса Америки» в Прибалтике. Глушение передач «Голоса Америки» было сокращено и поставлено на выборочную основу в 1959 г. в связи с визитом Хрущева в США. Оно было полностью возобновлено после провала Парижской конференции на высшем уровне в мае 1960 г.¹² После спада напряженности в отношениях с Западом и раскола с Китаем в июне 1963 г. прекратилось глушение вещания «Голоса Америки» на армянском, эстонском, грузинском, латышском, литовском, русском и украинском языках. После вторжения Советского Союза в Чехословакию в августе 1968 г. было возобновлено глушение вещания «Голоса Америки» на армянском, грузинском, русском и украинском языках. Узбекская служба «Голоса Америки» была заглушена вскоре после того, как она вышла в эфир в 1972 г. Резкое снижение глушения всех передач «Голоса Америки» в СССР было отмечено 10 сентября 1973 г.

Британское и немецкое радиовещание подвергались глушению аналогичным образом. Хотя в течение нескольких месяцев в 1956 г. глушение передач Би-би-си прекратилось, оно было возобновлено через пять дней после начала венгерского восстания. Ни Би-би-си, ни «Немецкая волна» не вещают на языках народов СССР.

«Радио Свобода» постоянно глушилось с тех пор, как оно начало свое вещание на Советский Союз в 1953 г.

¹² Имеется в виду Парижская мирная конференция с участием глав США, Великобритании, Франции и СССР 14 мая 1960 г., также известная как «Саммит, которого не было». По прибытии во Францию Н.С. Хрущев в ультимативной форме потребовал от президента США Д. Эйзенхауэра извинений за инцидент, связанный с полетом американского разведывательного самолета U-2 над территорией СССР (самолет был сбит 1 мая 1960 г. в районе Свердловска, пилот Ф.Г. Пауэрс захвачен). После отказа американского лидера обсуждать инцидент с U-2 советская делегация демонстративно покинула переговоры.

Библиографический список / References

1. Валууженич А.В. Внешнеполитическая пропаганда США. Историко-политический очерк. М., 1973. [Valyuzhenich A.V. Vneshnepoliticheskaya propaganda SShA [The U.S. foreign propaganda]. Moscow, 1973.]
2. Великая А.А. Публичная дипломатия России и США. М., 2023. [Velikaya A.A. Publichnyaya diplomatiya Rossii i SShA [Public diplomacy of Russia and the U.S.A.]. Moscow, 2023.]
3. Мирошников С.Н. Пропаганда или объективная информация: радиостанция «Голос Америки» в информационной войне администрации Д. Эйзенхауэра против стран Восточной Европы в 1953–1955 годах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2. № 3 (59). С. 293–298. [Miroshnikov S.N. Propaganda or objective information: Radio “Voice of America” in the information warfare of Eisenhower administration against Eastern European countries in 1953–1955. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. Vol. 2. No. 3 (59). Pp. 293–298. (In Rus.)]
4. Мирошников С.Н. Становление механизма информационно-психологической войны и «культурной дипломатии» в США в 1946–1956 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (38). С. 186–194. [Miroshnikov S.N. Cultural diplomacy of the USA and Eastern Europe in 1947–1956. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015. No. 5 (38). Pp. 186–194. (In Rus.)]
5. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. От мягкой силы к диалоговой пропаганде // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3 (42). С. 121–133. [Tsvetkova N.A. The US public diplomacy. From soft power to dialog propaganda. *Mezhdunarodnye processy*. 2015. Vol. 13. No. 3 (42). Pp. 121–133. (In Rus.)]
6. Цветкова Н.А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы «холодной войны». СПб., 2006. [Tsvetkova N.A. Cultural imperialism: mezhdunarodnaya obrazovatel'naya politika SShA v gody “holodnoi voiny” [Cultural imperialism: International education policy of the USA during the Cold war]. St. Petersburg, 2006.]
7. Cull N. Public diplomacy’ before gullion: The evolution of a phrase. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. N. Snow, P.M. Taylor (eds.). N.-Y., 2008. Pp. 19–23.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023, принята к публикации 16.05.2023
The article was received on 16.03.2023, accepted for publication 16.05.2023

Сведения об авторе / About the author

Фоминых Алексей Евгеньевич – кандидат политических наук; доцент кафедры межкультурной коммуникации Института национальной культуры и межкультурной коммуникации, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Alexey E. Fominykh – PhD in Political Sciences; associate professor at the Department of Intercultural Communication of the Institute of National Culture and Intercultural Communication, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

E-mail: alexeyfominykh@yahoo.com

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2023.3

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 26.09.2023 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 10,38 п. л. Тираж 1000 экз.